

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

ТнПЛ

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре
Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ
Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2

Выпуск 4, № 2, 2018

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (Университет Западной Флориды, США)

Буркин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Викулова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютин Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакционной коллегии:

675027, г.Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu_journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

ThAL

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2

Volume 4, Issue 2, 2018

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region,
Russian Federation, Zip Code 675027

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (University of West Florida, the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Publisher Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 811.51
UDC 811.51

Андреева Тамара Егоровна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
г. Якутск, Российская Федерация
Tamara E. Andreeva
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
Yakutsk, Russian Federation
taan2001@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГЛАГОЛАХ С ОЦЕНОЧНЫМ КОМПОНЕНТОМ
ЗНАЧЕНИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
CONCERNING THE VERBS WITH EVALUATION SEMANTICS
IN THE EVENKI LANGUAGE

Аннотация

В настоящей статье впервые рассматриваются оценочные глаголы эвенкийского языка. Предлагается семантико-прагматическая интерпретация эвенкийского глагола через призму оценочной деятельности, являющейся одним из важнейших видов психической деятельности человека. В ней рассматривается специфика выражения ими оценочного значения с точки зрения семантики глагола и языковых средств. Указанные глаголы характеризуют социально-значимые действия и поступки человека, как бы оценивают действия человека и дают представление о личностных качествах субъекта.

Abstract

In the current paper, the evaluative verbs of the Evenki language are viewed for the first time. The aim was to offer semantic and pragmatic interpretation of Evenki Verb through the lens of evaluation activity as one of the most crucial psychic activities of a person. In this activity, peculiarity of evaluation meaning expression was considered from the viewpoint of verb semantics and languages means. These verbs characterize socially important activities and actions of a person evaluating them in a way and giving a certain idea about personal traits of that particular subject.

Ключевые слова: эвенкийский язык, морфология, глагол, оценочный компонент значения, классификация.

Keywords: the Evenki language, morphology, verb, evaluative meaning, classification.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2_5_10

1. Введение

Мы уже отмечали ранее, что у тунгусоведов нет единого решения вопроса о выделении самостоятельных частей речи [Андреева, 2008, с. 49]. Большинство лингвистов (среди них В. И. Цинциус, О. А. Константинова, Е. П. Лебедева, К. А. Новикова, В. А. Аврорин) считают причастия и деепричастия самостоятельными частями речи. И. И. Захаров, Т. Н. Петрова, О. П. Суник в своих работах относят причастия и деепричастия к формам глагола. У Г. М. Василевич иная точка зрения: она определяет деепричастие как глагольную форму, причастие же – как особую часть речи, называемую ею «именной глагольной формой» (анализ работ указанных автором см. в нашем более раннем труде [Андреева, 2008]).

Нет единого мнения у тунгусоведов и по поводу выделения именных частей речи. Большинство исследователей признают в качестве самостоятельных частей речи имя существительное, имя прилагательное, имя числительное и местоимение. К. А. Новикова по сугубо формальному признаку («склоняемые слова») выделяет обобщённую часть речи «имена», в составе которой затем рассматриваются самостоятельные части речи (анализ данной работы см. в нашем более раннем труде [Андреева, 2008]). Иной точки зрения придерживается О. П. Суник, согласно которой числительные и местоимения не относятся к самостоятельным частям речи, а входят в состав других самостоятельных частей речи, а именно, глаголов, наречий и именных частей речи – существительных и прилагательных; при этом они «выделяются в их составе лишь по особенностям своего лексического значения и по некоторым частно-грамматическим формам» (анализ данной работы также см. в нашем более раннем труде [Андреева, 2008]).

В эвенкийском языке оценочный компонент значения могут потенциально содержать слова практически всех частей речи. При этом они особым образом отражают те или иные аспекты окружающего мира, характер речевого употребления и соотношение слов с положительной и отрицательной оценкой. Рассмотрим, как это выражается на примере эвенкийских глаголов.

Морфология эвенкийского глагола является одним из самых сложных грамматических аспектов эвенкийского языка. Б. В. Болдырев отмечал, что эвенкийский глагол способен присоединять показатели следующих категорий: 1) валентности, 2) залога, 3) модальности, 4) вида, 5) субъективной оценки, 6) времени, 7) лица и числа подлежащего. Более того, одна глагольная форма может иметь больше одного показателя залога, модальности и вида [Болдырев, 2007]. Порядок глагольных морфем в словоформе практически не исследован, хотя тунгусоведы отмечают, что как имена, так и глаголы подчиняются определённому порядку в добавлении словоизменительных суффиксов. К именным частям речи словоизменительные аффиксы присоединяются в следующем порядке: на первом месте стоят аффиксы множественного числа, на втором – аффиксы падежей, за ними – лично-притяжательные и возвратно-притяжательные аффиксы, всегда занимающие конечную позицию в слове, при этом за ними могут следовать лишь некоторые

частицы, например: гирки-л-ви «своих друзей», бэе-л-вэ «своих людей» и тому подобное (здесь и далее суффиксы отделены дефисами).

В эвенкийском языке действует следующий порядок присоединения аффиксов к глаголам: сначала идут словообразовательные аффиксы, образующие от имён глаголы, затем следуют словоизменительные аффиксы, материализующие признаки залога, вида, времени и наклонения, а последними – личные глагольные аффиксы, указывающие на лицо и число действующих лиц [Константинова, 1964; Лебедева et al., 1985]. Приведём два примера.

(1) *Эни хунат-нун-ми нюкани-мат-чэ-рэ* – Мама с дочерью своей целуются.

(2) *Бэеткэр үэнэ-лды-де-рэ* – Мальчики идут вместе.

2. Семантика, прагматика и морфология эвенкийских оценочных глаголов

Ни для кого не секрет, что любое оценочное действие производится человеком. Именно человек оценивает себя и окружающих, чтобы определённым образом воздействовать на происходящее: высказать одобрение хорошему или выразить осуждение по поводу плохого и, таким образом, способствовать изменению состояния объекта, появлению другой оценки у слушающего или даже у себя самого. В качестве объекта оценки выступает деятельность человека в самом широком смысле, включая физическое и душевное состояние, деяния и тому подобное.

Не вдаваясь в мелкие детали, оценочные глаголы можно классифицировать следующим образом. Прежде всего, их можно разделить на три группы:

1) собственно оценочные (*кэнеде-ми*, *аянутча-ми* «хвалить», *элэкси-де-ми* «одобрять», *буруйда-ми* «обвинять», *тэдэв-ми* «пожаловаться» или «довести до сведения»);

2) эмоционально-оценочные (*аявде-ми* «любить, нравиться», *оюоде-де-ми* «уважать»);

3) эмоционально-оценочные, выражающие то или иную степень интенсивности (*кэнеде-ми* / *урунде-ми* «восхищаться, восторгаться», *тыкул-дя-ми* / *муссэде-ми* «возмущаться, негодовать»).

Более детальное рассмотрение позволяет классифицировать оценочные глаголы на основании трёх признаков, отражающих различные стороны человеческой деятельности: знак оценки, характер субъекта и характер действия. По этим признакам оценочные глаголы делятся на: 1) глаголы с положительным или отрицательным знаком оценки; 2) собственно оценочные или эмоционально оценочные глаголы; 3) глаголы, оценивающие речь, поведение, состояние, отношение.

Анализ оценочных глаголов эвенкийского языка позволяет поделить их на группы в зависимости от того, на чью оценку ориентирован оценочный глагол: на оценку субъекта или объекта. В семантике указанных глаголов заключена оценка субъекта действий, обозначаемых этими глаголами.

С точки зрения семантики и прагматики эвенкийские оценочные глаголы можно классифицировать, разделив их на четыре группы:

1) оценочные глаголы, которыми обозначены различные речевые действия: например, *эриде-ми* «окликать», *тэдэвде-ми* «доносить» и тому подобные;

2) оценочные глаголы, в значении которых выражено отношение к поведению субъекта, в частности, *сокатчэ-ми* / *хэгдыкэтчэ-ми* «зазнаваться», *чапчакаде-ми* «чавкать» и прочие;

3) оценочные глаголы со значением описания поступков: *мевутча-ми* «задирать кого-нибудь» (в переносном смысле), *лэгиде-ми* «ругать», *тыкуннитчэ-ми* «обижать» и так далее;

4) оценочные глаголы, представляющие описание состояния того или иного субъекта: *манни-ми* «окрепнуть», *доҗото-ми* «окоченеть», *эркит-ми* «задремать», *бумул-ми* «заболеть» и другие.

В эвенкийском языке имеются глаголы, выражающие негативные модальные значения: невозможность, неспособность, нежелание совершить действие. К таким глаголам относятся: *алба*, *дуп* «не мочь»; *хэ* «не мочь (не сметь, трусить)»; *ба* «не хотеть»: *мулли* ~ *мулика* «не уметь». Они имеют постоянную отрицательную оценку.

Согласно Г. М. Василевич, к модальным могут быть отнесены также глаголы, обозначающие готовность совершить какое-либо действие: *некэ* «собратся что-либо сделать», *итыга* «приготовиться что-либо сделать». Они имеют положительный характер [Василевич, 1964].

Морфология является одним из самых сложных уровней эвенкийского языка. Это выражается в грамматических категориях. Так, категория вида в эвенкийском языке не выражает отношения между словами, а характеризует действие как со стороны совершённости и несовершённости действия, так и со стороны качества действия (однократность и многократность, быстрота, обычность и др.). Рассмотрим наиболее чаще употребляющиеся виды действия – несовершенный, исходный, начинательный и продолженный. Характер несовершенного действия передаётся с помощью аффикса -*дя*, например: *Аявдям* «(я) люблю»; *Амин-ми хавалдыран таткитту* «Мой отец работает в школе».

Глаголы исходного вида могут обозначать возникновение, начало действия: *Тэгэминин нян чипкамастэв* «Назавтра мы опять отправились охотиться на соболя»; *Долбо экил ичэрэ экунмада, бирали нэнэдерил угдусиндыра* «Ночью ничего не видно, идущие по реке стали проваливаться». Для выражения начала действия используется аффикс -*с~*-*си*.

Для характеристики начала, исхода действия используется аффикс -*л*. В качестве примеров можно привести такие глаголы, как *улил* «начать кормить», *девул* «начать есть», *гунил* «начать говорить», *икэл* «запеть», *бумул* «заболеть» и подобные.

Глаголы с аффиксом -*т* обозначают действие, которое длится некоторое время, т. е. на совершение которого затрачивается больше времени, чем на однократное или мгновенное действие: *тэгэт* «посидеть» – *тэгэ* «сесть»; *бут* «раздать» – *бу* «дать», *ват* «поубивать» – *ва* «убить» и так далее.

Проведённое нами исследование эвенкийских оценочных глаголов позволило продемонстрировать богатство и сложность семантики указанных глаголов в данном языке. По словам В. В. Дубичинского, «значение глагола – многоярусное образование, оно состоит из совокупности денотативных сем, которые отражают признаки денотата (события или ситуации) и, следовательно, обусловлены экстралингвистически, и сем денотативных, которые не связаны непосредственно с отображением различного рода впечатления и ассоциации, вызванные денотатом, или оценку денотата, или способ его отражения в языке» [Дубичинский, 2009].

Согласно А. П. Евгеньевой, оценочная ситуация может быть описана как «фрагменты действительности, запечатлённые в национальном языковом сознании, формируемые типовыми компонентами, а именно объектом оценки, субъектом оценки и оценочным предикатом, устанавливающим ценностные отношения между субъектом и объектом [Евгеньева, 1970].

Оценочные глаголы эвенкийского языка отражают языковое и неязыковое знание, первое связано с языковыми значениями, второе – с языковой картиной мира. В. А. Василенко приводит в пример слова *улэkki-ми* «обмануть, соврать», *улэkkисиссэ-ми* «предать», *дёрoми-ми* «красть, воровать», *урун-ми* «радоваться», *мэргэ-ми* «грустить, горевать», которые сами по себе не являются оценочными, не имеют оценочных компонентов в своих значениях, но речевые смыслы высказываний с ними – *нуан улэkitчэн* «он солгал», *нуан гиркилви улэkkисистэн* «он предал своих товарищей» и так далее – содержат в себе (с учётом языкового значения, когнитивной картины мира) отрицательную оценку» [Василенко, 1966].

3. Заключение

Проведённое исследование позволило сделать вывод о том, что глаголы, в семантику которых входит оценочный компонент, отражают различные стороны человеческой деятельности, оценивают действия человека и дают представление о личностных качествах субъекта.

Анализ семантики и прагматики группы оценочных глаголов эвенкийского языка позволяет выявить глаголы положительной и отрицательной оценки. Отрицательные формы глаголов также являются аналитическими и образуются по модели: отрицание э- плюс знаменательное слово в стабильной форме с суффиксом -ра: *э-ктэ бакара* «не найду-ка я», *эчэн бакадяра* «он не находил», *эчэн бакапканэ* «он не заставил найти».

Исследование лексики с оценочным компонентом значения является актуальной задачей для лексикологии в целом, и для эвенкийской – в частности.

Предложенная в данной работе классификация имеет неполный свод характеристик оценочных глаголов эвенкийского языка – мы попытались дать лишь их краткое описание. Дальнейшие исследования помогут детализировать классификацию и, таким образом, расширить представление об эвенкийской лингвокультуре и стереотипах мышления.

Оценочная деятельность человека явным образом выражает мыслительные стереотипы и эталоны, возникшие и укоренившиеся в глубине национальной культуры. По наблюдениям эвенковедов, эвенкийская лингвокультура, по сравнению с контактирующей русской, отличается сдержанностью в общении, что определённым образом отражается в семантике оценочных глаголов.

Список литературы

1. Андреева, Т. Е. Принципы организации звуковой системы эвенкийского языка [Текст] / Т. А. Андреева. – Новосибирск : Наука, 2008. – 93 с.
2. Болдырев, Б. В. Морфология эвенкийского языка [Текст] / Б. В. Болдырев. – Новосибирск, Наука, 2007. – 932 с.
3. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М., 1958. – 803 с.
4. Василенко, В. А. Ценность и ценностные отношения [Текст] / В. А. Василенко // Проблемы ценностей в философии / под ред. А. Г. Харчева. – М.–Л. 1966. – С. 41–99.
5. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка : учеб. пособие [Текст] / В. В. Дубичинский. – М. : Флинта, Наука, 2009. – 427 с.
6. Евгеньева, А. П. Введение [Текст] / А. П. Евгеньева // Словарь синонимов русского языка. – Т. 1 / под. ред. А. П. Евгеньевой. – Л. : Наука, 1970. – 680 с.
7. Константинова, О. А. Эвенкийский язык [Текст] / О. А. Константинова. – М.–Л., 1964. – 272 с.
8. Лебедева, Е. П., Константинова, О. А., Монахова И. В. Эвенкийский язык [Текст] / Е. П. Лебедева, О. А. Константинова, И. В. Монахова. – Л., 1985. – 304 с.

References

1. Andreeva, T. E. (2008). *Printsipy organizatsii zvukovoy sistemy evenkiyskogo yazyka* [Principles of the sound system of the Evenki language]. Novosibirsk : Nauka Press.
2. Boldyrev, B. V. (2007). *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Evenki morphology]. Novosibirsk, Nauka Press.
3. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Moscow.
4. Vasilenko, V. A. (1966). *Tsennost' i tsennostnyye otnosheniya* [Values and value relations]. In A. G. Kharchev, *Problemy tsennostey v filosofii* [The problem of values in Philosophy] (pp. 41–49). Moscow ; Leningrad.
5. Dubichinskij, V. V. (2009). *Leksikografiya russkogo yazy'ka* [Russian Lexicography]: A course book. Moscow : Flinta, Nauka Press.
6. Evgen'eva, A. P. (1970). *Vvedenie* [Introduction]. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The dictionary of synonyms of the Russian language]. Vol. 1. Ed. by A. P. Evgenyeva. Leningrad : Nauka Press.
7. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk* [The Evenki language]. Moscow ; Leningrad.
8. Lebedeva, E. P., Konstantinova, O. A., Monakhova, I. V. (1985). *Evenkiyskiy yazyk* [The Evenki language]. Leningrad.

УДК 81'1
UDC 81'1

Афанасьева Оксана Николаевна
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация
Oksana N. Afanasyeva
Nosov State Technical University
afanasevaoksana2018@gmail.com

ИНФЕРЕНЦИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ INFERENCE IN LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC STUDIES

Аннотация

В статье делается краткий реферативный обзор исследований, посвящённых инференции в лингвистической и экстралингвистической областях. Исследуются примеры проявления инференции при восприятии нарративного дискурса, в процессах словообразования и номинации таких языковых единиц, как фразеологизмы, производные глаголы, аббревиатуры. Делается вывод об универсальности данного явления, как мыслительной формы, и его уникальности в каждом конкретном случае проявления в языке.

Abstract

The paper briefly reviews the studies, devoted to the inference phenomenon in linguistic and extra-linguistic fields. It also studies and illustrates inferences in narrative discourse comprehension, nomination and word-building processes in the formation of such linguistic units as idioms, derivative verbs, abbreviations. The conclusion about the universality of the discussed phenomenon as a way of thinking and its unique character in every special case of its existence in language and speech is made.

Ключевые слова: инференция, нарративный дискурс, аббревиатуры, фразеологизмы, номинация.

Keywords: inference, narrative discourse, abbreviations, idioms, nomination.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2_11_21

1. Введение

В последнее время в статьях, посвящённых исследованию когнитивных операционных процессов, происходящих при восприятии речи, часто встречается понятие «инференция» [Полидискурсивное пространство ..., 2017; Куликова, 2007]. По мнению Эметса и соавторов, данное понятие восходит к силлогизмам Аристотеля [Logical ..., 2018]. В словаре когнитивных терминов оно определяется как получение выводных данных в процессе обработки информации и/или языка и само выводное знание,

умозаключение как одна из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [Краткий словарь ..., 1996].

В научной литературе мы встречаем определение инференции в ракурсе изучаемых лингвистических процессов. В частности, в исследовании инференции как двойного семантического вывода при восприятии фразеологизмов в дискурсе, данное явление рассматривается и как «семантический вывод», и как «механизм восприятия скрытого, имплицитного смысла высказывания в речи» [Суворова, Полякова, 2016, с. 131]. Как показывают проводимые автором исследования, данные процессы очень схожи по своей функциональности и отличаются главным образом объектом своего применения – процессом номинации или процессом восприятия высказывания [Суворова, Полякова, 2016]. В зависимости от вектора направленности умозаключения, разграничиваются также понятия инференции и имплицатуры. В частности, при восприятии высказывания механизм умозаключения связывается с инференцией, а при речепроизводстве – с имплицатурой [Прохоров, 2006].

На наш взгляд, различия в понимании данного явления связаны в первую очередь с объектом проводимого исследования. Чем оно более узконаправленно, тем менее объёмным становится определение инференции. Поскольку целью данной работы является характеристика лингвистических и экстралингвистических проявлений инференции, мы ограничимся широким пониманием данного явления – как «формы мыслительной деятельности» [Суворова, 2018, с. 179], основу которой составляет концептуальная интеграция [Fauconnier, Turner, 2016], фоновые, в том числе, общие для говорящих знания [Yule, Brown, 1983], лингвокультурный контекст, эмоции [Суворова, 2016] и тому подобное.

Когнитивная деятельность сопровождает человека в ходе всей его жизни, находя свои проявления в сознательных и бессознательных формах. Под бессознательными формами мыслительной деятельности мы понимаем внутреннюю речь [Выготский, 1999], протекающую, как правило, бесконтрольно со стороны человека и находящую свой выход в уже готовом умозаключении.

В научной литературе существует два параллельных подхода к пониманию внутренней речи. Биолингвистический подход рассматривает человеческую речь во всех её проявлениях через призму биологической, природной сущности человека, проявляющейся в его инстинктах, рефлексах, тесной связи с окружающей средой (А. Дамазио, У. Матурана, К. Харди и др.). В основе психолингвистического подхода лежат личностные смыслы, внутреннее программирование, «чувственная ткань смыслов, движущаяся в пространстве образов сознания» [Василюк, 1993, с. 12].

Как показывают исследования А. Дамазио, основу внутренней речи составляют три вида репрезентаций: 1) репрезентации-реакции на вызвавшую их сущность (слова, человек, ситуация) «explicit representation of the causative entity», 2) репрезентации вызванного данной сущностью состояния

тела «explicit representation of the current body state» и 3) репрезентации, совмещающие в себе две первых, сохраняющие порядок в мозговой деятельности и направляющие внимание мозга на первые два вида репрезентаций [Damasio, 1994]. Связывая деятельность сознания напрямую с работой тела, А. Дамазио фактически подтверждает тот факт, что как биологическое существо, человек мыслит эмоциями. Именно эмоции служат пусковым механизмом концептуальной интеграции, проявляющейся в объединении наиболее релевантного ситуации концептуального наполнения высказывания. Похожую точку зрения высказывает У. Матурана – слова, которые мы слышим, служат толчком для возникновения в нас определённых мыслей, чувств, состояний, не всегда совпадающих с теми мыслями и чувствами, которые вкладывает в слова собеседник [Матурана, 2001].

Аналогичный акцент на двунаправленных связях между мозгом и телом представлен в исследованиях К. Харди, объясняющей специфику формирования, организации и функционирования значений у человека через признание таких особенностей познавательной деятельности, как сочетание осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов и их динамику, взаимопереплетение ощущений, переживаний и абстрактных понятий в мыслительных процессах, взаимодействие между сенсорно-аффективно-ментальным сознанием и значимым для него окружением. К. Харди разработала концепцию семантических констелляций, под которыми понимаются специализированные сети, объединяющие и организующие опыт индивида. Такая сеть связывает все возможные типы элементов: концепты, ощущения, образы, звуки, цвета, жесты, поступки [Hardy, 1998]. Примером работы таких констелляций могли бы послужить фразеологические единицы, через смысловую призму которых просматриваются лежащие в их основе «семантические констелляции», охватывающие наш когнитивный, аффективный, эмоциональный, включающий память тела, опыт (ср.: волосы дыбом, сердце (душа) в пятки, уши заложило, мороз по коже и т. п.).

Психолингвистический подход раскрывает вторую составляющую процесса концептуальной интеграции – образность. В своих исследованиях Л. С. Выготский рассматривает внутреннюю речь как процесс, порождающий речевое высказывание, перевод в речевой план той схемы, которая была лишь общим замыслом высказывания [Выготский, 1999]. Замысел высказывания, по мнению Н. И. Жинкина, может быть представлен в виде универсального предметно-изобразительного кода, основным отличием которого является образность и отсутствие каких-либо материальных признаков натурального языка [Жинкин, 1998]. Эти образы сознательно или бессознательно сопровождают любой процесс речепроизводства и могут быть, по мнению Б. М. Гаспарова, картинными, иероглифическими, кинетическими или метаязыковыми [Гаспаров, 1996]. Как показывают исследования А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, проводимые на материале фразеологизмов, возникающие образы не связаны с ключевыми словами [Баранов, Добровольский, 2008].

Итак, рассматриваемые выше концепции закладывают основу понимания механизма инференции: концептуальной интеграции, основанной на

интеграции образов, сопровождаемой эмоциональным состоянием, отражающим наше понимание сказанного через призму нашего опыта и восприятия речевой ситуации. Несмотря на то, что инференция по своей природе – мыслительный процесс, мы полагаем, что какая-то часть мыслительной обработки высказывания «выходит на поверхность нашего сознания». Эту часть умозаключений обычно связывают с силлогизмами Аристотеля [Emets et al., 2018], однако мы полагаем, что эта связь является чисто условной. Любое умозаключение предполагает вывод, но в одних случаях вывод строится на необходимой алгоритмической цепочке (речь идёт о математических закономерностях, программировании), а в других – предполагает иллогичный выбор концептуальной информации, которая в данный момент релевантна опыту, эмоциональному состоянию, общим знаниям говорящего. То, что выходит на поверхность нашего сознания – это обрывочная, довольно смутная, эмоционально и оценочно окрашенная, тесно связанная с личным опытом говорящего информация. Таким образом, внутренняя инференция – это лишь часть механизма проявления тех умозаключений, которые сопровождают наш ежедневный лингвистический и экстралингвистический опыт. Именно внутренняя инференция отвечает за образность и эмоциональность, которые затем лягут в основу концептуальной интеграции и позволят части умозаключений попасть в поле нашего сознательного восприятия высказывания.

Универсальная природа инференции отражается в широких и разнообразных областях её применения. Эти области могут быть как лингвистические, так и экстралингвистические. К экстралингвистическим факторам мы часто относим жесты, мимику, ситуативный контекст. Наблюдая за краснеющим или бледнеющим человеком, мы делаем вывод, что ситуация, в которой он находится, для него некомфортна. Данное умозаключение опирается не на словесное высказывание, но делается на основе ситуативного контекста и общих знаний, включая схожий жизненный опыт. Мы полагаем, что это не единственный пример экстралингвистического проявления инференции и исследователь, занимающийся этим вопросом более глубоко, сможет найти множество примеров экстралингвистических ситуаций, в которых инференция играет главную роль.

2. Инференция в области языка и речи

Основной акцент данной работы делается на изучении инференции в области языка и речи. Именно в этих областях мы находим наиболее разнообразные примеры проявления инференции. В статье будут рассмотрены следующие направления:

- 1) инференция в нарративном дискурсе;
- 2) инференция в номинативных процессах;
- 3) инференция при восприятии аббревиатур.

Рассмотрение инференции в нарративном дискурсе обусловлено, во-первых, тем, что нарративный дискурс далёк от формализма аргументативного дискурса [Куликова, 2007], где инференция проявляется в основном в

виде силлогизмов [Аристотель, 1984], поддерживающих логику выдвигаемых аргументов, а, во-вторых, может быть с лёгкостью перенесено на такие типы дискурса, как политический, институциональный, педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский, бытийный, юмористический и другие [Карасик, 2002]. Здесь следует оговориться, что все перечисленные виды дискурса могут включать в себя силлогизмы (мы проводим разграничение между силлогизмами и инференцией, относя силлогизмы к формальной логике, а инференцию к когниции, догадке, эвристике), но, в отличие от аргументативного дискурса, в остальных видах дискурса выводы, строящиеся на формальной логике, встречаются редко и не играют ключевой роли.

Впервые вопрос о том, что представляет собой умозаключение и какова его логика, был затронут в философских трудах древнегреческих учёных. В своём сочинении «Органон» Аристотель определял силлогизм или умозаключение как рассуждение, состоящее из трех простых атрибутивных высказываний: двух посылок и вывода [Аристотель, 1984]. Целью выведенных им законов логики было определить условия, при которых вывод, сделанный на основе полученных эмпирическим путём знаний, был бы истинным и логичным. Инференцию как явление, отличное от сформулированных Аристотелем силлогизмов, следует отнести к догадке и эвристике [Suvorova, Polyakova, 2018, с. 301]. Если следование алгоритму предполагает выстраивание цепочки последовательных доводов и жёстко детерминирует вывод, то эвристика лишь задаёт вероятностное направление возможного вывода, но не гарантирует его правильности [Суворова, 2018, с. 179]. Сравним примеры силлогизмов и инференции.

«Все лошади млекопитающие. Лошади травоядные. Следовательно, все млекопитающие травоядные» – цепочка умозаключений с логически правильным, но практически ложным выводом.

«To be honest, I'm not happy with the way you run the department. The trouble is you always want to know where I am. How can I meet my sales targets if I have to spend all the time writing reports, telephone messages and attending meetings» [Cotton, Falvey, 2002, с.155] – Честно говоря, мне не нравится, как ты руководишь отделом. Проблема в том, что ты каждую минуту хочешь знать, где я. Как я могу выполнять план продаж, если я все время либо пишу отчеты, либо отвечаю на звонки, либо участвую в заседаниях (здесь и далее перевод наш – О. А.).

Данный фрагмент дискурса показывает, что в цепочке выдвигаемых аргументов нет последовательности, а за сказанным стоит совершенно иной, скрытый смысл: 1) я устал от придинок; 2) в офисе много ненужной работы и тому подобное. Тем не менее, вывод, который делает собеседник, правильный: *«You should take some days off, Mary. I see you are tired, but if you really want to help, write down your suggestions»* [Cotton, Falvey, 2002, с.155] – Тебе стоит взять пару дней за свой счёт, Мэри. Я вижу, что ты устала, и если хочешь помочь, представь свои соображения в письменном виде.

Приведённые примеры показывают, что в основе инференции лежит эвристика, догадка, которая отличается от прямого смысла высказывания.

Наблюдение над проявлениями инференции в нарративном дискурсе позволило ряду исследователей (А. Граессера, М. Зингера, У. Трабассо, Х. Кларка, Т. Карлсона и др.) предложить различные типологизации видов инференций [Rickheit, Strohner, 1985]. Ретроспективный анализ имеющихся типологизаций инференций на основе различных критериев (уровня текстовой обработки, типа инферируемых семантических отношений, зависимости от используемых структур знаний и контекста и т. п.), закладываемых в их основу, позволяет выделить два общих направления в классификационной оценке механизмов инференции. Во-первых, это способ генерирования инференции, то есть инференция может запускаться либо автоматически, либо её запуску может предшествовать первоначальная оценка и обработка структур знаний. Во-вторых, это время генерации инференции – инференция может осуществляться в двух режимах: online или offline. К инференциям, генерируемым online, как правило, относят так называемые соединительные инференции, служащие для связки слов или небольших кусков текста на локальном уровне (дейктические, антецедентные, инструментальные, ролевые и т. п.), или инференции, которые позволяют вывести общую идею текста с опорой на большие по объёму текстовые отрезки. К инференциям, генерируемым off-line, относят либо автоматические инференции, либо инференции, расширяющие и дополняющие воспринимаемый смысл.

Инференция в процессах номинации и словообразования представляет собой скорее результат, чем процесс выведения информации. Тем не менее, обращаясь к явлениям вторичной номинации (фразеологизмы, сложные существительные, производные глаголы, фразовые глаголы) [Кунин, 2005], мы наблюдаем явление двойной инференции [Суворова, 2016], когда следы инференции, имеющей место при первичной номинации внеязыкового явления, сохраняются в процессе вторичной номинации и выводятся при восприятии косвенного значения языковой единицы в дискурсе. В области номинации и словообразования исследование инференции ведётся в следующих направлениях: 1) инференция, возникающая при восприятии однокоренных образований в тексте (к примеру, если речь идёт о праздновании выпускного вечера, предполагается, что ребята, участвующие в вечере – выпускники и т. п.); 2) инференция, восстанавливающая предикат при распознавании семантики отымённого производного (пианист – тот, кто играет на пианино) или аргументы к глаголу, расширяющие многозначность имени (появление – пятна на платье, актрисы на сцене, книги из печати и т. п.); 3) инференция, лежащая в основе анализа полисемии у производных разных частей речи (речь идёт об определении исходного прототипического значения имеющейся в составе слова морфемы и определении всего семантического гнезда по принципу фамильного сходства). Например, если вне текста слово *лесной* имеет значение «относящийся к лесу», в реальном употреблении слово *лесной* может означать «находящийся в лесу» (напр., лесная поляна), «типичный для леса» (напр., лесной запах и т. п.) [Кубрякова, 2004]; 4) инференция, которая выступает как инструмент выведения значения производного глагола

из мотивирующей основы и служит аккумулятором знаний и «контекстом» в ходе интеграции основы и словообразовательной морфемы [Бабина, 2003]. В перечисленных направлениях инференция предстаёт в качестве операционного процесса, который имеет либо связующее, либо расширительное действие.

Исследование инференции на материале аббревиатур представляет собой особый пласт исследований, характеризующийся тем, что в этом случае мы имеем дело с умозаключением, опирающимся не на полновесные ключевые слова, вербализующие широкую информативную базу концептов, а на символы и сокращения, представляющие, на наш взгляд, свёрнутые концепты, представляющие собой пример вторичной номинации [Зеркина, Кости́на, 2014]. Формирование значения аббревиатур уже прошло этап концептуальной интеграции и представляет собой сгусток переосмысленной информации. Отличительным признаком аббревиатур является их связанность и семантическая обусловленность другими единицами.

Рассмотрим пример со статьёй «Out of All Proportion» из британской газеты «The Independent». «*Let us take the result of the 1987 General elections. The Conservatives took 42 per cent of the vote, Labor 31 per cent and the now-defunct „Alliance“ 23 per cent. If seats had been distributed under a **PR (Public relations)** system, neither the Conservatives nor Labor would have been able to form a government on their own*» – Возьмём, к примеру, результаты выборов 1987 года. Консерваторы получили 42 процента голосов, лейбористы 31 процент и ныне распавшийся «Альянс» – 23 процента. Если бы места в Палате представителей распределялись в соответствии с системой общественных отношений, то ни консерваторы, ни лейбористы не смогли бы сформировать своё правительство.

В приведённом примере перед нами инференция, представляющая собой подбор возможных вариантов значения того, что скрыто за аббревиатурой: общественные связи, пиар, персональные связи и так далее – всё, что может прийти в голову при восприятии данного предложения. В этом случае мы имеем дело не с выделением наиболее релевантной информации с последующей интеграцией в бленд [Fauconnier, Turner, 1995], а с подбором возможных вариантов концептуальной информации, которая может лежать за аббревиатурой, и попытках включения данной информации в канву основного смысла.

3. Заключение

Подводя итог сказанному, следует отметить, что инференция как одна из форм мышления требует универсального подхода, который бы учитывал возможную парадигму её проявления в языке, речи, речевом поведении (под последним мы понимаем мимику, жесты, реакции тела и т. п., что, как правило, относят к экстралингвистической области исследования) и, в то же время, основывался на её когнитивной, эвристической, спонтанной природе. Рассматривая действие инференции на примерах восприятия нарративного текста, фразеологических единиц, аббревиатур, мы

приходим к выводу, что формы её применения нельзя свести к одному общему механизму действия. В рассматриваемых примерах её проявления различны и требуют отдельного детального исследования. Отдельной областью исследования инференции следует считать проявление инференции в смежных с лингвистикой областях: психолингвистике, биолингвистике, социолингвистике и так далее. Изучение инференции в этих областях науки требует использования других инструментов исследования и, возможно, будет опираться на иную теоретическую базу.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. [Текст] / Аристотель. – Т. 4. – М.: Мысль. 1984. – 830 с.
2. Бабина, Л. В. Вторичная репрезентация концептов в языке [Текст]: дис. ... д-ра фил. наук 10.02.04, 10.02.19 / Бабина Людмила Владимировна; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2003. – 382с.
3. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: «Знак», 2008. – 656 с.
4. Василюк, Ф. Е. Структура образа [Текст] / Ф. Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 5–19.
5. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский. – 5-е изд., испр. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 352 с.
6. Гаспаров, Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 325 с.
7. Жинкин, Н. И. Язык – речь – творчество. (Избр. труды) [Текст] / Н. И. Жинкин. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. – 368 с.
8. Зеркина, Н. Н. Языковые единицы вторичной номинации как объект изучения семантики. Дискурсивные и контекстуальные характеристики (на примере аббревиатур и фразеологизмов английского языка [Текст] / Н. Н. Зеркина, Н. Н. Костина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4 (34). – Ч. III. – С. 81–85.
9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
10. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьяненко, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 245 с.
11. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
12. Куликова, О. В. Структура дискурса и проблемы инференции (на примере аргументированного дискурса [Текст] / О. В. Куликова // Вестник МГЛУ – 2007. – № 521. – С. 8–28.
13. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие [Текст] / А. В. Кунин. – Дубна: «Феникс», 2005. – 488 с.
14. Матурана, У. Древо познания [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс, 2001. – 224 с.

15. Полидискурсивное пространство: слово, текст, коммуникация [Электронный ресурс] / Н. В. Дёрин, Т. А. Савинова, Т. Ю. Залавина [и др.]. – Магнитогорск, 2017. – Режим доступа : <http://catalog.inforeg.ru/Inet/GetEzineByID/317268>.
16. Прохоров, А. В. Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного текста [Текст] : дис. ... канд. фил. наук 10.02.19 / Прохоров Андрей Васильевич ; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2006. – 159 с.
17. Суворова, Е. В. Виды инференций в дискурсе [Текст] / Е. В. Суворова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4–1 (82). – С. 176–181.
18. Суворова, Е. В. Процессы инференции в номинации фразеологизмов [Текст] / Е. В. Суворова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: материалы 74 междунар. науч.-техн. конф. / под ред. В. М. Колокольцева. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова – 2016. – Т. 2. – С. 272–275.
19. Суворова, Е. В. Инференция в процессах номинации [Текст] / Е. В. Суворова, Л. С. Полякова. – Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 131–139.
20. Cotton, D. New Market Leader. Pre-intermediate business English. Course book [Text] / D. Cotton, D. Falvey, S. Kent. – Pearson Education Limited, 2002. – 160 p.
21. Damasio, A. Descartes' error. Emotion, Reason and the Human Brain [Text] / A. Damasio. – New York : Penguin Group, 1994. – 312 p.
22. Logical and linguistic strategies for translating complex sentences in literary texts of natural languages [Text] / T. V. Emets, Yu. V. Baryshnikova, A. Yu. Trutnev, E. V. Suvorova, T. L. Akhmetzyanova // XLinguae. – 2018. – Vol. 11. – № 2. – P. 3–16.
23. Fauconnier, G. Conceptual integration and formal expression [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Metaphor and symbolic activity. – 1995. – 10 (3). – P. 183–204.
24. Hardy, C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter [Text] / C. Hardy. – Wesport, Connecticut; London : Praeger, 1998. – 217 p.
25. Rickheit, G. Inferences in text processing [Text] / G. Rickheit, H. Strohner. North Holland – Amsterdam – New York – Oxford, 1985. – 338 p.
26. Suvorova, E. V. Types of inferences in discourse [Text] / E. V. Suvorova, L. S. Polyakova // Arab World English Journal. – 2018. – Vol. 9. – № 1. – P. 294–306.
27. Yule, G. Discourse Analysis [Text] / G. Yule, G. Brown. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 283 p.

References

1. Aristotel' (1984). *Sochinenia: V 4 t.* [Essays: In 4 volumes]. Moscow : Mysl' Press.
2. Babina, L. V. (2003). *Vtorichnaya reprezentatsiya kontseptov v yazyke* [Secondary representation of concepts in the language]. Doctoral in Philol. sci. dis. Tambov State University. Tambov.
3. Baranov, A. N., Dobrovol'skiy, D. O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii* [Issues of the theory of Phraseology]. Moscow : «Znak» Press.

4. Vasilyuk, F. E. (1993). *Struktura obraza* [The structure of the image]. *Voprosy Psichologii* [Issues of Psychology], 5, 5–19.
5. Vygotsky, L. S. (1999). *Myshlenie i rech'* [Thought and language]. 5th edition, corrected. Moscow : «Labirint».
6. Gasparov, B. M. (1996). *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of language being]. Moscow : «Novoe literaturnoe obozrenie» Press.
7. Zhinkin, N. I. (1998). *Yazyk – rech' – tvorchestvo. (Izbr. Trudy)* [Language – speech – creativity (Selected works)]. Moscow : «Labirint» Press.
8. Zerkina, N. N., Kostina, N. N. (2014). *Yazykovye edinitsy vtorichnoy nominatsii kak ob"ekt izucheniya semantiki. Diskursivnye i kontekstual'nye kharakteristiki (na primere abbreviatur i frazeologizmov angliyskogo yazyka* [Linguistic units of the second nomination as object of semantics study. Discursive and contextual characteristics (By the example of abbreviations and phraseological units of the English language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 4 (34) (Part III), 81–85.
9. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena Press.
10. Kubryakova, E. S., Dem'yanenkov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow : Moscow State University Press.
11. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to getting knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in getting knowledge about the world]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
12. Kulikova, O. V. (2007). *Struktura diskursa i problemy inferentsii (na primere argumentirovannogo diskursa* [Discourse structure and inference problems (Based on argumentative discourse)]. *Vestnik MGLU* [Moscow State Linguistic University Bulletin], 521, 8–28.
13. Kunin, A. V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka : ucheb. posobie* [The course of modern English phraseology: A course book]. Dubna : «Feniks» Press.
14. Maturana, U., Varela, F. (2001). *Drevo poznania* [The tree of knowledge]. Moscow : Progress Press.
15. Derin, N. V., Savinova, T. A., Zalavina, T. Yu. et al. (2017). *Polidiskursivnoe prostranstvo: slovo, tekst, kommunikatsiya* [Poly-discursive space: Word, text, communication]. Magnitogorsk. Retrieved from <<http://catalog.inforeg.ru/Inet/GetEzineByID/317268>>.
16. Prokhorov, A. V. (2006). *Obuslovlennost' protsessov inferentsii implikaturami reklamnogo teksta* [Inference processes determined by advertisement text implications]. PhD in Philol. sci. dis. Tambov : Tambov State University.
17. Suvorova, E. V. (2018). *Vidy inferentsiy v diskurse* [Types of inference in the discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 4–1 (82), 176–181.

18. Suvorova, E. V. (2016). Protsessy inferentsii v nominatsii frazeologizmov [Inference processes in phraseological units nomination]. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya* [Current issues of modern science, technology and education]: Proc. of the 74th International Scientific-Technical Conference. Ed. by V. M. Kolokoltsev (Vol. 2, pp. 272–275). Magnitogorsk : Nosov State Technical University Press.
19. Suvorova, E. V., Polyakova, L. S. (2016). Inferentsiya v protsessakh nominatsii [Inference in nomination processes]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev], 2 (4), 131–139.
20. Cotton, D., Falvey, D., Kent, S. (2002). *New Market Leader. Pre-intermediate business English. Course book*. Pearson Education Limited.
21. Damasio, A. (1994). *Descartes' error. Emotion, Reason and the Human Brain*. New York, Penguin Group.
22. Emets, T. V., Baryshnikova, Yu. V., Trutnev, A. Yu., Suvorova, E. V., Akhmetzyanova, T. L. (2018). Logical and linguistic strategies for translating complex sentences in literary texts of natural languages. *Xlinguae*, 11 (2), 3–16.
23. Fauconnier, G., Turner, M. (1995). Conceptual integration and formal expression. *Metaphor and symbolic activity*, 10 (3), 183–204.
24. Hardy, C. (1998). *Networks of meaning: A bridge between mind and matter*. Wesport, Connecticut; London : Praeger.
25. Rickheit, G., Strohner, H. (1985). *Inferences in text processing*. North Holland – Amsterdam – New York – Oxford.
26. Suvorova, E. V., Polyakova, L. S. (2018). Types of inferences in discourse. *Arab World English Journal*, 9 (1), 294–306.
27. Yule, G., Brown, G. (1983). *Discourse Analysis*. Cambridge : Cambridge University Press.

УДК 81'33
UDC 81'33

Городный Виктор Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Viktor A. Gorodnyi
St Petersburg University,
Saint Petersburg, Russian Federation
wimndgor@mail.ru

Ляксо Елена Евгеньевна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Elena E. Lyakso
St Petersburg University,
Saint Petersburg, Russian Federation
lyakso@gmail.com

**ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ ДЕТЕЙ 6–7 ЛЕТ С РАССТРОЙСТВАМИ
АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА И СИНДРОМОМ ДАУНА*
CHARACTERISTIC OF SPEECH OF CHILDREN AGED 6–7 YEARS
WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS AND DOWN SYNDROME**

Аннотация

В работе представлены данные об особенностях речевого развития детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) и с синдромом Дауна (СД). Используются методы перцептивного эксперимента и инструментального анализа. Показано, что для типично развивающихся детей (ТР) значения индекса артикуляции ударных гласных в словах максимальны по сравнению с соответствующей характеристикой у детей с РАС и детей с СД. Слова детей с РАС характеризуются высокими значениями частоты основного тона слов и ударных гласных, высокими значениями индекса артикуляции гласных. Слова детей с СД, помимо высоких значений частоты основного тона слов и ударных гласных, отмеченных и для детей с РАС, имели максимальную длительность слов и ударных гласных, низкие значения индекса артикуляции ударных гласных. Для детей с СД были свойственны несформированность ряда согласных фонем по сравнению с детьми с РАС и ТР сверстниками и употребление согласных, нехарактерных для русского языка.

Abstract

In this work, the data on the features of speech development in children with autism spectrum disorders (ASD) and with Down syndrome (DS) are presented. Methods of perceptual experiment and instrumental analysis were used. It is shown that in typically developing (TD)

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 16-06-00024а, РФФИ-ОГН № 17-06-00503а.

children the values of vowel articulation index of stressed vowels in words are maximal in comparison with the corresponding characteristic in children with ASD and children with DS. The words of children with ASD are characterized by high pitch values of words and stressed vowels as well as high values of vowel articulation index. The words of children with DS, besides high pitch values of words and stressed vowels noticed for children with ASD, had maximum duration of words and stressed vowels, low values of the vowel articulation index of stressed vowels. In children with DS, more types of consonant phonemes were not formed compared to children with ASD and TD ones; in addition, children with DS used consonants that do not exist in the Russian language.

Ключевые слова: детская речь, расстройства аутистического спектра, синдром Дауна, акустический анализ, перцептивный эксперимент.

Keywords: child speech, autism spectrum disorders, Down syndrome, acoustic analysis, perceptual experiment.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2_22_37

1. Введение

Становление речи у детей с атипичным развитием имеет множество особенностей и определяется возрастом ребёнка и тяжестью заболевания. На материале разных языков широко изучаются особенности речи детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) [Bonneh et al., 2011 ; Nakai et al., 2014] и с синдромом Дауна (СД) [Moura et al., 2008 ; Albertini et al., 2010 ; Bunton, Leddy, 2011].

Для детей с РАС описаны стереотипии, затруднение в установлении социальных контактов, нарушения речи на разных уровнях её организации – акустическом, грамматическом, прагматическом – так называемая «аутистическая триада» [Schopler et al., 1980]. Артикуляционный уровень речи у детей с РАС характеризуется нарушениями произношения и специфической интонацией. В отношении акустических характеристик речи детей с РАС существуют диаметрально противоположные мнения: от «машинообразной», монотонной речи, описанной Каннером [Kanner, 1943], до вариативности интонации со своеобразной просодикой и высокими значениями частоты основного тона (высоты голоса) [Sharda et al., 2010 ; Bonneh et al., 2011]. На материале русского языка показано, что речь детей с РАС в возрасте 5–14 лет характеризуется более высокими значениями частоты основного тона (ЧОТ) гласных и слов, меньшими значениями площадей формантных треугольников ударных гласных по сравнению с соответствующими характеристиками речи ТР детей [Ляксо и др., 2016]. Исследования акустических и перцептивных характеристик речи детей с РАС, воспитывающихся в русскоязычной среде, единичны [Ляксо и др., 2016 ; Lyakso et al., 2017].

Дети с СД имеют особенности строения речевого тракта и ограниченный активный лексикон, при этом они коммуникабельны, проявляют заинтересованность к собеседнику. Для детей с СД характерен большой

складчатый язык, малый объём ротовой и носовой полостей, опущенная нижняя челюсть, узкое нёбо, меньшая длина речевого тракта, мышечная гипотония [Жиянова, Поле, 2009 ; Markaki, Stylianou, 2011]. Дети отстают от ТР сверстников по количеству слов в пассивном и активном лексиконе [Кумин, 2012]. При произнесении слов дети с СД совершают ошибки, отличные от ошибок детей с фонологическими нарушениями [Dodd, Thompson, 2001]. На основе акустического анализа показаны меньшие разборчивость речи и чёткость артикуляции [Kent, Vorperian, 2013], меньшие значения разности формантных частот кардинальных гласных /i/ и /u/ [Moura et al., 2008 ; Bunton, Leddy, 2011] по сравнению с ТР сверстниками. Данные об акустических характеристиках речи детей с СД, растущих в русскоязычной среде, единичны [Ляксо и др., 2017].

Целью работы явилось определение специфических особенностей речи у детей с расстройствами аутистического спектра и с синдромом Дауна.

2. Методика исследования

В исследовании приняли участие 28 детей в возрасте 6–7 лет: 10 детей имели в анамнезе диагноз расстройства аутистического спектра (F84 – по МКБ 10 пересмотра); 8 детей с синдромом Дауна (Q90) и 10 ТР детей, выступающих в качестве контрольной группы.

Запись речи детей с РАС осуществлена в условиях школы – детского сада №755 «Региональный Центр Аутизма» Василеостровского района Санкт-Петербурга, детей с СД – на базе Даун-Центра; часть записей речи взята из корпусов детской речи [Ляксо и др., 2016, 2017].

Запись речевого материала и его обработка проведена по методике, разработанной в Группе по изучению детской речи [Ляксо и др., 2012]. Используются стандартизированные ситуации записи: игра ребёнка со стандартным набором игрушек; беседа ребёнка с экспериментатором, в ходе которой экспериментатор задавал вопросы о том, как зовут ребёнка, о его любимых занятиях, друзьях; просмотр ребёнком картинок и ответы на вопросы экспериментатора по ним. Время взаимодействия с каждым ребёнком было индивидуальным, определялось возможностями ребёнка и не превышало 40 минут.

Спектрографический анализ осуществлён в звуковом редакторе «Cool Edit Pro 2.0». Из записи речи детей выделяли слова. Для слов и гласных из слов определяли длительность, средние, максимальные и минимальные значения частоты основного тона (ЧОТ) и вычисляли диапазон ЧОТ ($F0[\max-\min]$). На стационарном участке гласного считали значения ЧОТ, значения двух формантных частот ($F1$, $F2$). За стационарный участок принимали участок спектрограммы, представленный спектром одного типа, где ЧОТ и форманты постоянны [Бондарко, 1998].

Индекс артикуляции гласных звуков (VAI) вычисляли по формуле:

$$VAI = (F1[a] + F2[i]) / (F1[i] + F1[u] + F2[a] + F2[u]), \quad (1)$$

где $F1[x]$ и $F2[x]$ – значения первой и второй формант соответствующих гласных [Roy et al., 2009].

С целью выявления распознавания значения слов детей взрослыми проведён перцептивный анализ. Создано 9 тестовых последовательностей, содержащих по 30 слов, вырезанных из контекста фразы в спонтанной речи. Каждое слово в тестах повторялось три раза с интервалом в 5 с, интервалы между разными словами составляли 10 с.

В исследовании приняли участие 286 аудиторов – взрослых носителей русского языка в возрасте $19,5 \pm 2,7$ лет (мужчины – 65, женщины – 221; имеют опыт общения с детьми – 163 человека, не имеют – 123 человека). Аудиторы заполняли в анкетах информацию о себе: возраст, пол, опыт общения с детьми (отсутствие опыта, бытовой (собственные дети, младшие братья и сёстры), профессиональный (не менее трёх лет)) и вносили ответы по прослушиваемому материалу. При обработке анкет выделяли слова, значения которых определены аудиторами с высокой вероятностью (0.75–1.0).

Описание реплик в диалогах «взрослый – ребёнок» проводили с целью определения активного лексикона ребёнка. Сложность высказываний детей оценивали по представленности высказываний вокализацией, словом, простой фразой из нескольких слов, несколькими фразами, сложными фразами по типу сложносочинённого и сложноподчинённого предложений. Проведён анализ активного лексикона детей по частоте встречаемости слов с разным числом слогов и различных частей речи.

Фонетический анализ слов проведён в системе транскрибирования МФА [<https://www.lonweb.org/links/russian/lang/006.htm>] для русского языка.

Статистическая обработка данных проведена в программе «Statistica 10» с использованием U-критерия Манна-Уитни, ранговой корреляции Спирмена, регрессионного, мультирегрессионного, факторного (метод вращения Varimax raw, уровень значимости – 0.75) анализа.

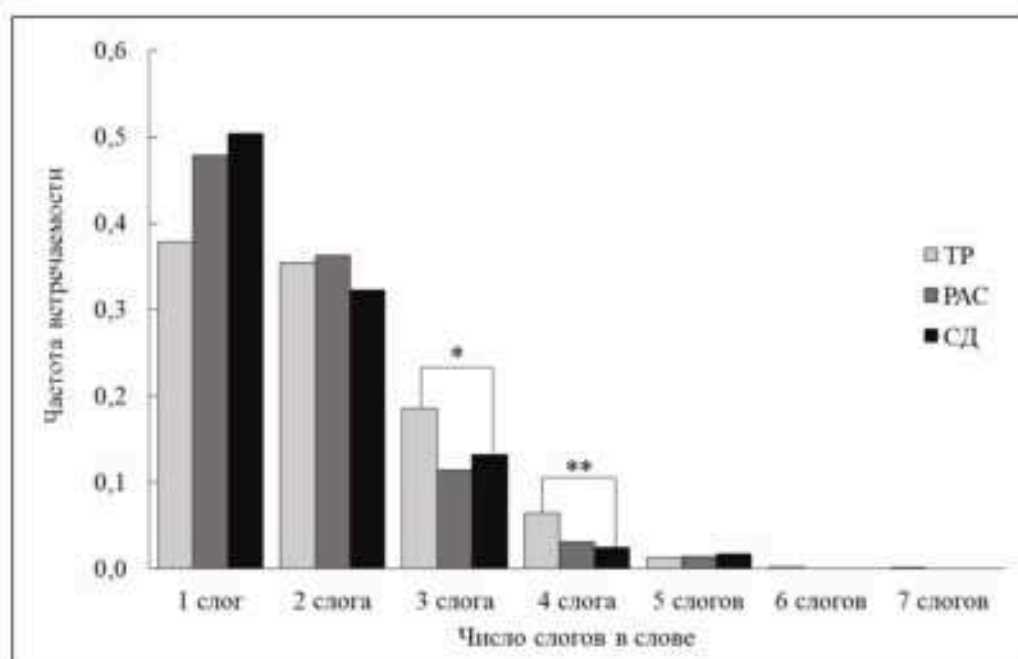
Исследование одобрено Этическим Комитетом СПбГУ.

3. Результаты исследования

Характеристика речевого развития детей. Дети всех групп употребляли в речи слова из 1–5 слогов (рис. 1). ТР дети чаще использовали слова из одного (0,38 – медиана) и двух (0,36) слогов, дети же других групп преимущественно из одного слога: 0,48 – дети с РАС, 0,50 – дети с СД. Слова из более чем пяти слогов характерны только для ТР детей: 0,003 для слов из шести слогов (безобразничает) и 0,001 для слов из семи слогов (подготовительная). Для детей с СД значимо меньше встречались слова из трёх (шарики, машина) и четырёх (ленточками) слогов: соответственно 0,13 ($p < 0.05$) и 0,02 ($p < 0.01$) по сравнению с ТР сверстниками.

Анализ частей речи по частоте встречаемости (табл. 1) показал, что ТР дети используют в речи преимущественно существительные и глаголы, дети с РАС и с СД – частицы и вокализации. Выявлено, что дети с РАС значимо меньше употребляют в речи глаголы, прилагательные, наречия, числительные, предлоги и союзы по сравнению с ТР сверстниками. Для детей

с СД обнаружена достоверно меньшая частота употребления глаголов, местоимений, прилагательных, наречий, числительных, предлогов и союзов, чем для ТР детей.

Р и с у н о к 1. Частота встречаемости слов с разным количеством слогов в речи ТР детей, детей с РАС и с СД

Примечание к рисунку 1: * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$ – Критерий Манна-Уитни

Т а б л и ц а 1. Частота встречаемости разных частей речи у ТР детей, детей с РАС и детей с СД

Часть речи	Частота встречаемости		
	ТР	РАС	СД
Существительное	0,23	0,22	0,25
Глагол	0,17	0,08 ($p < 0.05$)	0,07 ($p < 0.01$)
Местоимение	0,13	0,09	0,02 ($p < 0.001$)
Прилагательное	0,05	0,02 ($p < 0.01$)	0,02 ($p < 0.01$)
Наречие	0,12	0,02 ($p < 0.001$)	0,04 ($p < 0.01$)
Числительное	0,02	0,01 ($p < 0.05$)	0,01 ($p < 0.05$)
Предлог	0,08	0,02 ($p < 0.01$)	0,02 ($p < 0.001$)
Союз	0,10	0,04 ($p < 0.01$)	0,02 ($p < 0.01$)
Частица	0,09	0,26	0,38
Вокализации		0,25	0,17

Примечание к таблице 1: $p < 0.05$, $p < 0.01$, $p < 0.001$ – Критерий Манна-Уитни

распознавания аудиторам значения слов детей связана с диагнозом ребёнка $F(6,113) = 6.932$ $p < 0.000$ ($Beta = -0.484$ $R^2 = 0.269$).

Акустические характеристики слов и гласных из слов. На основании сравнительного анализа длительностей слов и ударных гласных из слов детей (рис. 3) показано, что длительности слов достоверно ($p < 0.05$) различаются для детей с РАС и с СД. Для ударных гласных из слов достоверные различия ($p < 0.01$) выявлены между ТР детьми и детьми с РАС, между детьми ($p < 0.05$) с СД и ТР сверстниками. Показано, что максимальная длительность слов и ударных гласных из слов выявлена для детей с РАС.

Т а б л и ц а 2. Частота встречаемости согласных и гласных в словах из речи ТР детей, детей с РАС и с СД

	Губные согласные									
	губно-губные					губно-зубные				
	p	pʲ	b	bʲ	m	mʲ	f	fʲ	v	vʲ
ТР	0,033		0,016		0,033		0,033		0,016	
РАС	0,083	0,012	0,012		0,048		0,012		0,060	0,012
СД	0,050	0,004	0,070	0,019	0,023	0,008	0,004		0,058	
Язычные согласные										
Переднеязычные согласные										
Зубные										
	t	d	s	sʲ	z	zʲ	n	l	r	
ТР	0,033	0,066	0,033	0,066	0,016		0,033	0,033		
РАС	0,107	0,012	0,048	0,024	0,012		0,036	0,012	0,012	
СД	0,054	0,016	0,012	0,016	0,004	0,004	0,039	0,043		
Альвеолярные					Постальвеолярные					
	ʈ	ɖ	ts	nʲ	ʈ	ʂ	ʃ	ʒ	ʒʲ	ɹ
ТР	0,131	0,016		0,033	0,082	0,049	0,016		0,016	0,033
РАС	0,095	0,012	0,024	0,012		0,012	0,012	0,012		
СД	0,016	0,043	0,016	0,023	0,058			0,004		0,012

Окончание таблицы 2

	Среднеязыч- ный		Заднеязычные					Глубоко- заднеязыч- ный	
	j		k	kʲ	g	gʲ	x	xʲ	R
ТР	0,066		0,082		0,049	0,016			
РАС	0,071		0,083		0,048	0,012	0,024		0,083
СД	0,047		0,124	0,031	0,062	0,070	0,012	0,004	
	Губно-губные		Зубные		Заднеязычные				
	w	p:	ð	d:	k:	ɣ	ɣʲ		
СД	0,008	0,004	0,004	0,083	0,008	0,023	0,004		
	Гласные								
	а	е	i (i)	о	u (o)	і	э		
ТР	0,366	0,024	0,146 (+0,146)	0,024	0,098 (+0,024)	0,049	0,123		
РАС	0,456	0,029	0,162 (+0,044)	0,162	0,059 (+0,015)	0,044	0,029		
СД	0,414	0,120	0,155 (+0,020)	0,048	0,092 (+0,008)	0,116	0,028		

Примечание к таблице 2: в скобках указаны частота встречаемости редуцированных форм гласных: /i/ соответствует /i/, /o/ – /u/.

Значения ЧОТ слов значимо ($p < 0.01$) выше у детей с РАС по сравнению с соответствующими значениями ЧОТ у ТР детей; у детей с СД достоверно ($p < 0.01$) выше, чем у ТР сверстников (рис. 4). Значения ЧОТ ударных гласных из слов достоверно ($p < 0.01$) выше у детей с РАС по сравнению с ТР сверстниками; значения ЧОТ значимо ($p < 0.05$) выше у детей с СД, чем у ТР детей. Значения ЧОТ в словах детей и ударных гласных из слов детей с РАС и СД значимо выше соответствующих значений ЧОТ слов ТР детей, что согласуется с данными, полученными ранее на материале русского языка [Lyakso et al., 2016, 2017].

Для ударных гласных значения VAI значимо ($p < 0.05$) ниже для детей с СД по сравнению с детьми с РАС и ТР сверстниками (рис. 5).

Значения VAI безударных гласных достоверно ($p < 0.05$) выше для детей с РАС, чем у ТР детей и детей с СД. Для речи детей с СД значения индекса артикуляции гласных наименьшие, что свидетельствует о плохо

сформированных артикуляционных движениях при произнесении гласных в словах. Данные фонетического анализа указывают на несформированность согласных фонем, их замены и употребление согласных, не типичных для русского языка. Нечёткость артикуляции у детей с СД отмечается и в работах других исследователей [Kent, Vorperian, 2013] и указывается, что она может быть обусловлена строением речевого аппарата [Markaki, Stylianou, 2011 ; Kent, Vorperian, 2013].

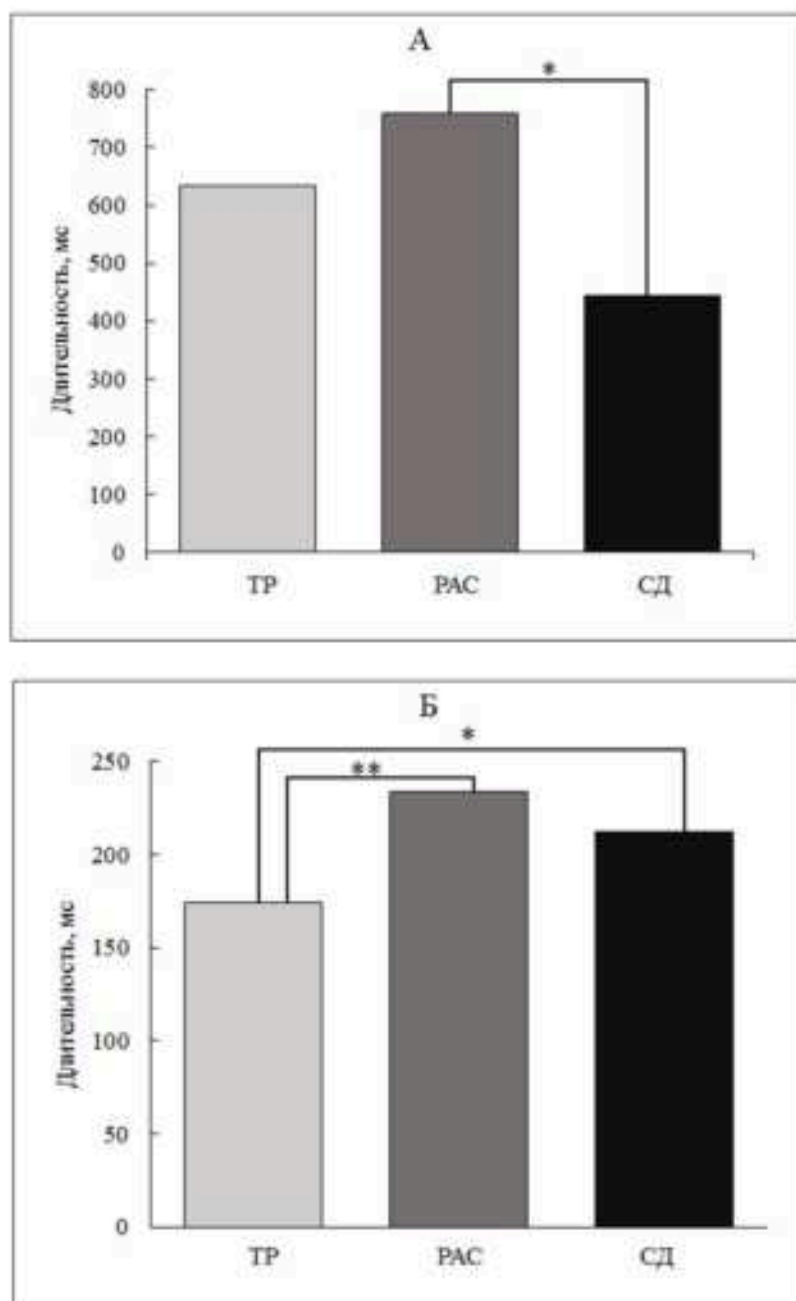
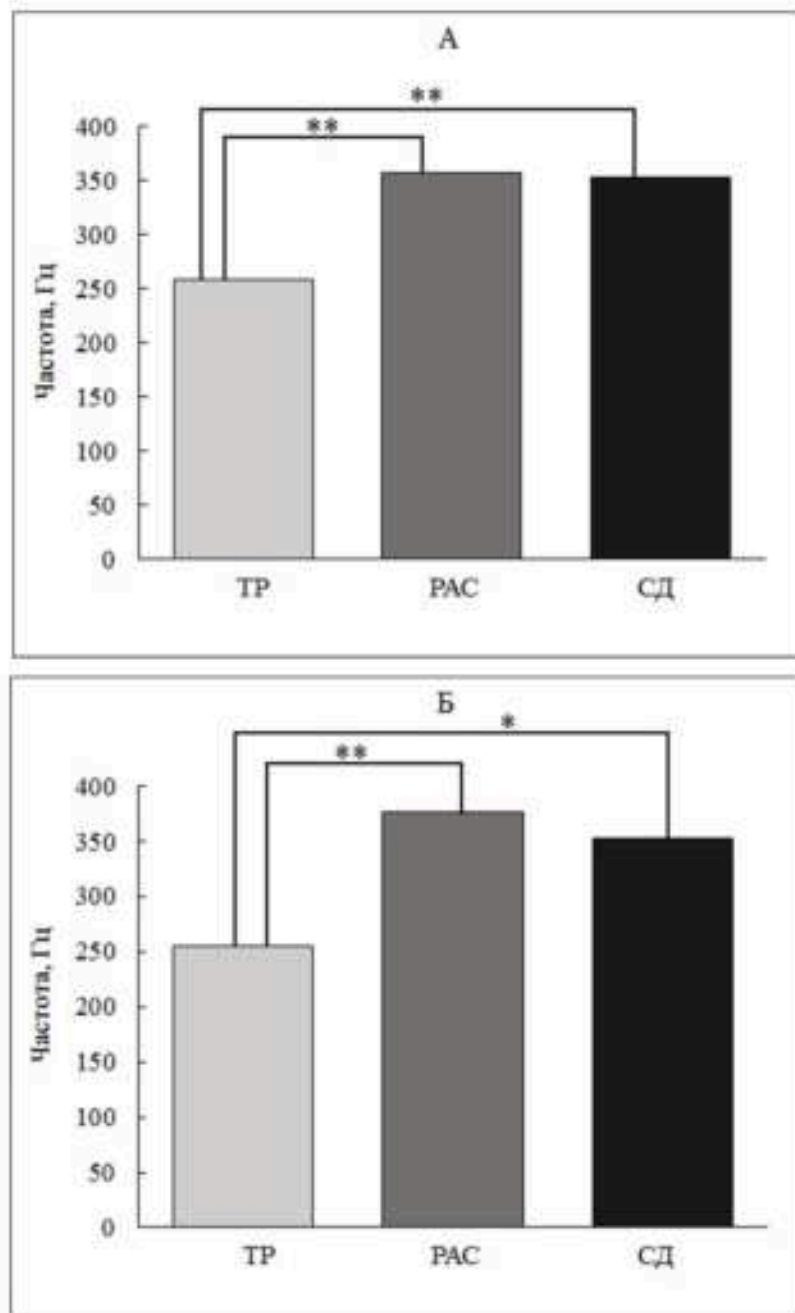

Рисунок 3. Длительности слов (А) и ударных гласных (Б) из слов

Примечание к рисунку 3: * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$ – Критерий Манна-Уитни

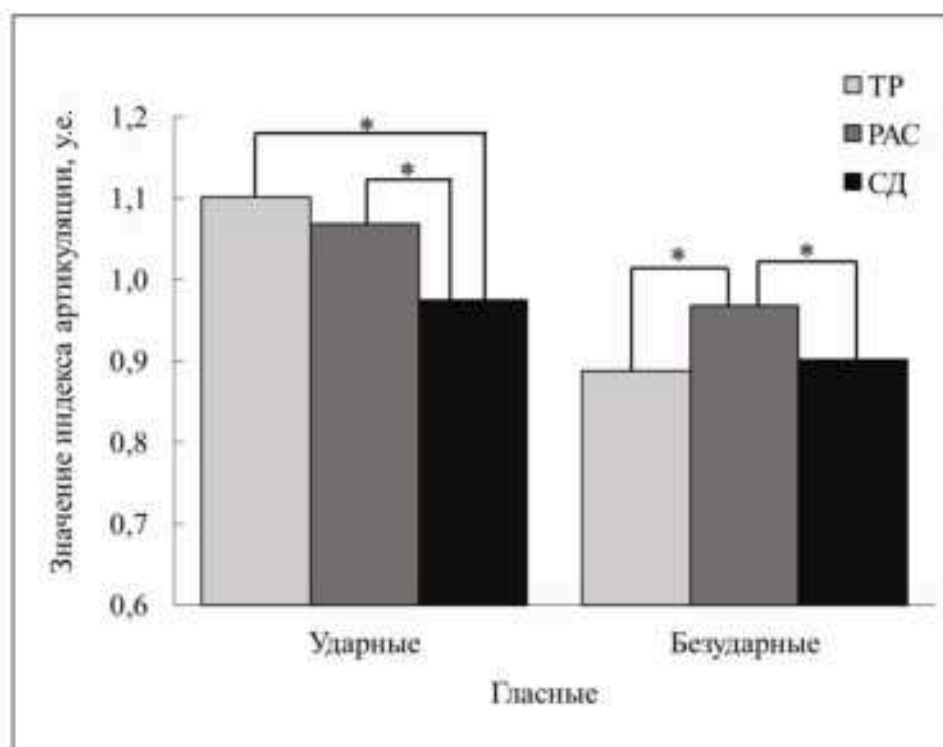
Р и с у н о к 4. Значения частоты основного тона слов (А) и ударных гласных (Б) из слов

Примечание к рисунку 4: * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$ – Критерий Манна-Уитни

На основе корреляционного анализа Спирмена ($p < 0,05$) выявлены следующие зависимости.

Диагноз (РАС, СД, отсутствие диагноза – ТР дети): вероятность распознавания аудиторам значения слов детей ($r = -0,400$), VAI ударных гласных ($r = -0,324$), длительность слов ($r = 0,289$), ЧОТ слов ($r = 0,452$),

длительность ударных гласных ($r=0,663$), ЧОТ ударных гласных ($r=0,452$).

Р и с у н о к 5. Значения индекса артикуляции ударных и безударных гласных из слов TP детей, детей с PAC и с CD

Примечание к рисунку 5: * – $p < 0.05$ – Критерий Манна-Уитни

Вероятность распознавания аудиторами значения слов детей: VAI ударных гласных ($r=0,232$), ЧОТ слов ($r=-0,194$), длительность ударных гласных ($r=-0,210$), ЧОТ ударных гласных ($r=-0,187$).

VAI ударных гласных: длительность слов ($r=-0,190$), ЧОТ слов ($r=-0,397$), длительность ударных гласных ($r=-0,203$), ЧОТ ударных гласных ($r=-0,381$).

16 переменных, определённых на основе корреляционного анализа, взяты для факторного анализа. Выделено три фактора, включающие 8 переменных (метод вращения – Varimax raw, уровень значимости – 0.75), со следующими нагрузками.

Фактор 1 – Значения ЧОТ: ЧОТ слов (0,91), F0 max слов (0,91), F0 min слов (0,85), ЧОТ ударных гласных (0,94), F0 max ударных гласных (0,93), F0 min ударных гласных (0,90). Фактор 2 – диагноз ребёнка (0,78); фактор 3 – возраст ребёнка (0,71).

Регрессионный анализ показал связь между VAI ударных гласных и вероятностью распознавания аудиторами значения слов детей $F(1,120)=5.492$ $p < 0.021$ (Beta = 0.241 $R^2=0.044$), между VAI ударных гласных и диагнозом детей $F(1,118)=12.278$ $p < 0.001$ (Beta = -0.307 $R^2=0.094$) – Регрессионный анализ.

Вероятность распознавания аудиторами значения слов детей связана с диагнозом ребёнка $F(6,28) = 6.932$ $p < 0.000$ ($Beta = -0.484$ $R^2 = 0.269$) и VAI безударных гласных ($Beta = -0.239$ $R^2 = 0.269$) – Мультирегрессионный анализ. Взрослые распознают слова детей с СД хуже, чем слова детей с РАС и ТР сверстников.

4. Заключение

В работе представлены данные об особенностях речевого развития детей с расстройствами аутистического спектра и с синдромом Дауна. Выявлены различия в акустических характеристиках слов детей трёх групп и в разном распознавании взрослыми лексического значения слов детей. Показано, что взрослые хуже распознают значения слов детей с СД и РАС по сравнению с лексическим значением слов типично развивающихся сверстников.

Дети всех групп использовали в речи слова, состоящие из 1–5 слогов, простые фразы из нескольких слов. ТР дети употребляли слова, состоящие из 6 и 7 слогов, и сложные фразы по типу сложносочиненного и сложноподчиненного предложений. В речи детей с РАС и детей с СД сложные фразы отсутствуют. В лексиконе ТР детей преобладают существительные и глаголы, в лексиконе детей с РАС и детей с СД – частицы и вокализации, для которых невозможно установить лексическое значение.

Значения частоты основного тона значимо выше для слов и ударных гласных слов детей с расстройствами аутистического спектра и с синдромом Дауна по сравнению с соответствующими значениями частоты основного тона слов и ударных гласных из слов типично развивающихся детей. Длительность слов значимо выше у детей с расстройствами аутистического спектра по сравнению с длительностью слов детей с синдромом Дауна, длительность ударных гласных в словах типично развивающихся детей значимо ниже, чем в словах детей с расстройствами аутистического спектра и с синдромом Дауна.

Слова типично развивающихся детей характеризуются максимальными значениями индекса артикуляции ударных гласных. Слова детей с расстройствами аутистического спектра характеризуются высокими значениями частоты основного тона слов и ударных гласных, высокими значениями индекса артикуляции гласных. Слова детей с синдромом Дауна характеризуются максимальной длительностью слов и ударных гласных, низкими значениями индекса артикуляции ударных гласных, несформированностью большего числа типов согласных фонем по сравнению с детьми с расстройствами аутистического спектра и типично развивающимися детьми и употреблением согласных, нехарактерных для русского языка.

Благодарности

Авторы выражают благодарность всем участникам, принявшим участие в исследовании, А. В. Остроухову за проведение фонетического анализа.

Список литературы

1. Баулина, М. Е. Проблема изучения развития в онтогенезе высших психических функций детей с синдромом Дауна [Текст] / М. Е. Баулина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – Вып. 6. – № 2. – С. 169–172.
2. Бондарко, Л. В. Фонетика современного русского языка [Текст] / Л. В. Бондарко. – СПб : Изд-во СПбГУ, 1998. – 275 с.
3. Жиянова, П. Л. Малыш с синдромом Дауна. Книга для родителей [Текст] / П. Л. Жиянова, Е. В. Поле // М. : Благотворительный фонд «Даунсайд Ап», 2009. – 203 с.
4. Иванова, М. М. Варианты речевого развития детей с синдромом Дауна [Текст] / М. М. Иванова // Дефектология. – 2015. – № 3. – С. 37–45.
5. Корпуса детской речи «INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «ЕмоChildRu» на материале русского языка и их использование в исследованиях речевого онтогенеза / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова, А. С. Григорьев, А. В. Остроухов // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 1. – С. 28–58.
6. Кумин, Л. Формирование навыков общения у детей с синдромом Дауна: Руководство для родителей [Текст] / Л. Кумин ; пер. с англ. Н. С. Грозной. – Изд. 2-е, доп. – М. : Благотворительный фонд «Даунсайд Ап», 2012. – 280 с.
7. Распознавание взрослыми эмоционального состояния типично развивающихся детей и детей с расстройствами аутистического спектра [Текст]. / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова, А. С. Григорьев, В. Д. Соколова, К. А. Яроцкая // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 2016. – Вып. 102. – № 6. – С. 729–741.
8. Сравнительный анализ характеристик голоса и речи детей типично развивающихся, с расстройствами аутистического спектра, синдромом Дауна и умственной отсталостью / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова, А. С. Григорьев, В. А. Городный // Речевые технологии. – 2017. – № 1–2. – С. 50–62.
9. Уровень речевого развития детей на этапе формирования навыка чтения [Текст] / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова, А. Г. Смирнов, А. В. Куражова, Ю. С. Гайкова, Е. Д. Бедная, А. С. Григорьев // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 1. – С. 73–87.
10. Abnormal speech spectrum and increased pitch variability in young autistic children [Text] / Y. S. Bonne, Y. Levanon, O. Dean-Pardo, L. Lossos, Y. Adini // Frontiers in Human Neuroscience. – 2011. – № 4. – P. 237.
11. Articulatory changes in muscle tension dysphonia: Evidence of vowel space expansion following manual circumlaryngeal therapy [Text] / N. Roy, S. L. Nissen, C. Dromey, S. Sapir // Journal of communication disorders. – 2009. – Vol. 42. – № 2. – P. 124–135.
12. Bunton, K. An evaluation of articulatory working space area in vowel production of adults with Down syndrome [Text] / K. Bunton, M. Leddy // Clinical linguistics and phonetics. – 2011. – Vol. 25. – № 4. – P. 321–334.
13. Dodd, B. Speech disorder in children with Down's syndrome [Text] / B. Dodd, L. Thompson // Journal of Intellectual Disability Research. – 2001. – Vol. 45. – № 4. – P. 308–316.

14. IPA for Russian [Electronic Resource]. – URL : <https://www.lonweb.org/links/russian/lang/006.htm>.
15. Kanner, L. Autistic disturbances of affective contact [Text] / L. Kanner // *Nervous Child*. – 1943. – № 2. – P. 217–250.
16. Kent, R. D. Speech impairment in Down syndrome: A review [Text] / R. D. Kent, H. K. Vorperian // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. – 2013. – Vol. 56. – № 1. – P. 178–210.
17. Lyakso, E. A comparison of acoustic features of speech of typically developing children and children with autism spectrum disorders [Text] / E. Lyakso, O. Frolova, A. Grigorev // *Speech and Computer. SPECOM 2016. Lecture Notes in Computer Science*. – 2016. – Vol. 9811. – P. 43–50.
18. Lyakso, E. Perception and Acoustic Features of Speech of Children with Autism Spectrum Disorders [Text] / E. Lyakso, O. Frolova, A. Grigorev // *Lecture Notes in Computer Science*. – 2017. – Vol. 10458. – P. 602–612.
19. Markaki, M. Voice pathology detection and discrimination based on modulation spectral features [Text] / M. Markaki, Y. Stylianiou // *IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*. – 2011. – Vol. 19. – № 7. – P. 1938–1948.
20. Sounds of melody–Pitch patterns of speech in autism [Text] / M. Sharda, T. P. Subhadra, S. Sahaya, Ch. Nagaraja, L. Singh, R. Mishra, A. Sen, N. Singhal, D. Erickson, N. Singh // *Neuroscience Letters*. – 2010. – Vol. 478. – № 1. – P. 42–45.
21. Spectral analysis of the voice in Down syndrome [Text] / G. Albertini, S. Bonassi, V. Dall’Armi, I. Giachetti, S. Giaquinto, M. Mignano // *Research in developmental disabilities*. – 2010. – Vol. 31. – № 5. – P. 995–1001.
22. Speech intonation in children with autism spectrum disorder [Text] / Y. Nakai, R. Takashima, T. Takiguchi, S. Takada // *Brain and Development*. – 2014. – Vol. 36. – № 6. – P. 516–522.
23. Toward objective classification of childhood autism: Childhood Autism Rating Scale (CARS) [Text] / E. Schopler, R. J. Reichler, R. F. DeVellis, K. Daly // *Journal of autism and developmental disorders*. – 1980. – Vol. 10. – № 1. – P. 91–103.
24. Voice parameters in children with Down syndrome [Text] / C. P. Moura, L. M. Cunha, H. Vilarinho, M. J. Cunha, D. Freitas, M. Palha, M. Pais–Clemente // *Journal of Voice*. – 2008. – Vol. 22. – № 1. – P. 34–42.
25. Vorperian, H. K. Vowel Acoustic Space Development in Children: A Synthesis of Acoustic and Anatomic Data [Text] / H. K. Vorperian, R. D. Kent // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. – 2007. – Vol. 50. – № 6. – P. 1510–1545.

References

1. Albertini, G., Bonassi, S., Dall’Armi, V., Giachetti, I., Giaquinto, S., Mignano, M. (2010). Spectral analysis of the voice in Down syndrome. *Research in developmental disabilities*, 31 (5), 995–1001.
2. Baulina, M. E. (2015). Problema izucheniya razvitiya v ontogeneze vysshih psikhicheskikh funktsiy detey s sindromom Dauna [Problem of study of development of higher mental functions in children with Down syndrome in

- ontogenesis]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of humanities and natural sciences], 6 (2), 169-172.
3. Bondarko, L. V. (1998). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of modern Russian]. Saint-Petersburg.
 4. Bonne, Y. S., Levanon, Y., Dean-Pardo, O., Lossos, L., Adini, Y. (2011). Abnormal speech spectrum and increased pitch variability in young autistic children. *Frontiers in Human Neuroscience*, 4, 237.
 5. Bunton, K., Leddy, M. (2011). An evaluation of articulatory working space area in vowel production of adults with Down syndrome. *Clinical linguistics and phonetics*, 25 (4), 321–334.
 6. Dodd, B., Thompson, L. (2001). Speech disorder in children with Down's syndrome. *Journal of Intellectual Disability Research*, 45 (4), 308–316.
 7. IPA for Russian [Electronic resource]. Retrieved from <<https://www.lonweb.org/links/russian/lang/006.htm>>.
 8. Ivanova, M. M. (2015). Varianty rechevogo razvitia detey s sindromom Dauna [Variants of speech development of children with Down syndrome]. *Defektologia* [Defectology], 3, 37–45.
 9. Kanner, L. (1943). Autistic disturbances of affective contact. *Nervous Child*, 2, 217–250.
 10. Kent, R. D., Vorperian, H. K. (2013). Speech impairment in Down syndrome: A review. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 56 (1), 178–210.
 11. Kumin, L. (2012). *Formirovanie navykov obshchenia u detey s sindromom Dauna: Rukovodstvo dlja roditeley* [Communication skills in children with Down syndrome: A guide for parents]. Moscow.
 12. Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Grigorev, A. S., Gorodnyi, V. A. (2017). Sravnitel'nyy analiz kharakteristik golosa i rechi detey tipichno razvivayushchihsj, s rasstroystvami autisticheskogo spektra, sindromom Dauna i umstvennoy otstalost'yu [Comparative analysis of the voice and speech features of children typically developing, with autism spectrum disorders, Down syndrome and mental retardation]. *Rechevye tehnologii* [Speech technology], 1–2, 50–62.
 13. Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Grigorev, A. S., Ostrouxov, A. V. (2017). Korpusa detskoj rechi «INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «EmoChildRu» na materiale russkogo yazyka i ikh ispol'zovanie v issledovaniyah rechevogo ontogeneza [«INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «EmoChildRu» Russian children speech corpora and their application in research of ontogenesis of speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (1), 28–58.
 14. Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Grigorev, A. S., Sokolova, V. D., Yarotskaya, K. A. (2016). Raspoznavanie vzroslymi emotsional'nogo sostoyaniya tipichno razvivayushchihsj detey i detey s rasstroystvami autisticheskogo spektra [Recognition of adults emotional state of typically developing children and children with autism spectrum disorders]. *Rossiyskiy Fiziologicheskij zhurnal im. I. M. Sechenova* [Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal], 102 (6), 729–741.
 15. Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Smirnov, A. G., Kurazhova, A. V., Gaykova, Yu. S., Bednaya, E. D., Grigorev, A. S. (2012). Uroven' rechevogo razvitia detey na etape

- formirovaniya navyka chtenia [Speech development level of children at the stage of reading skills formation]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Behavioral Psychology Journal], 33 (1), 73–87.
16. Lyakso, E., Frolova, O., Grigorev, A. (2016). A comparison of acoustic features of speech of typically developing children and children with autism spectrum disorders. *Speech and Computer. SPECOM 2016. Lecture Notes in Computer Science*, 9811, 43–50.
 17. Lyakso, E., Frolova, O., Grigorev, A. (2017). Perception and Acoustic Features of Speech of Children with Autism Spectrum Disorders. *Lecture Notes in Computer Science*, 10458, 602–612.
 18. Markaki, M., Stylianou, Y. Voice pathology detection and discrimination based on modulation spectral features. *IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*, 19 (7), 1938–1948.
 19. Moura, C. P., Cunha, L. M., Vilarinho, H., Cunha, M. J., Freitas, D., Palha, M., Pais-Clemente, M. (2008). Voice parameters in children with Down syndrome. *Journal of Voice*, 22 (1), 34–42.
 20. Nakai, Y., Takashima, R., Takiguchi, T., Takada, S. (2014). Speech intonation in children with autism spectrum disorder. *Brain and Development*, 36 (6), 516–522.
 21. Roy, N., Nissen, S. L., Dromey, C., Sapis, S. (2009). Articulatory changes in muscle tension dysphonia: Evidence of vowel space expansion following manual circumlaryngeal therapy. *Journal of communication disorders*, 42 (2), 124–135.
 22. Schopler, E., Reichler, R. J., DeVellis, R. F., Daly, K. (1980). Toward objective classification of childhood autism: Childhood Autism Rating Scale (CARS). *Journal of autism and developmental disorders*, 10 (1), 91–103.
 23. Sharda, M., Subhadra, T. P., Sahaya, S., Nagaraja, Ch., Singh, L., Mishra, R., Sen, A., Singhal, N., Erickson, D., Singh, N. (2010). Sounds of melody–Pitch patterns of speech in autism. *Neuroscience Letters*, 478 (1), 42–45.
 24. Vorperian, H. K., Kent, R. D. (2007). Vowel Acoustic Space Development in Children: A Synthesis of Acoustic and Anatomic Data. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 50 (6), 1510–1545.
 25. Zhiyanova, P. L., Pole, E. V. (2009). *Malysh s sindromom Dauna. Kniga dlya roditeley* [Baby with Down syndrome. A book for parents]. Moscow.

УДК 811.133.1/ 81'371
UDC 811.133.1/ 81'371

Залавина Татьяна Юрьевна
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова
г. Магнитогорск, Российская Федерация
Tatyana Yu. Zalavina
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russian Federation
tania_mgn@rambler.ru

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ КАК СПОСОБ
ОТРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ**
**PHRASEOLOGICAL SYNONYMY AS A METHOD OF REFLECTING
REALITY IN NATIONAL LANGUAGES**

Аннотация

В данной работе приводится аналитическое исследование фразеологической синонимии как одном из способов отражения окружающей действительности в языковой картине мира национальных языков. Способность фразеологических единиц к образованию синонимических рядов продемонстрирована на примере глагольных фразеологизмов, объективирующих концепт «порицание», во французском языке. Основными критериями синонимичности рассматриваемых фразеологизмов является принадлежность к одному грамматическому разряду и наличие одинакового набора основных семантических компонентов. Выявлены следующие типы фразеологических синонимов, воплощающих концепт «порицание»: глагольные фразеологизмы, различающиеся по лексическому составу, но имеющие аналогичную синтаксическую структуру; глагольные фразеологизмы, обладающие аналогичной синтаксической структурой и общим лексическим компонентом.

Abstract

This article presents an analytic study of phraseological synonymy as one of the methods of reflecting the surrounding reality in the language worldview in national languages. The ability of phraseological units to form synonymic series is demonstrated on the example of the verbal phraseological units objectifying the concept of «blame» in the French language. The main criteria for synonymy of the considered phraseological units are belonging to the same grammatical category and the presence of the same set of basic semantic components. The following types of phraseological synonyms embodying the concept of BLAME were found: verbal phraseological units which differ in lexical composition but have a similar syntactic structure; verbal phraseological units with a similar syntactic structure and a common lexical component.

Ключевые слова: фразеологическая синонимия, синонимический ряд, глагольный фразеологизм, концепт, французский язык.

Keywords: phraseological synonymy, synonymic series, verbal phraseological units, concept, the French language.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2_38_46

1. Введение

Изучение фразеологической синонимии является актуальной лингвистической проблемой, привлекающей внимание учёных-фразеологов (см., напр., [Дюмон, 2014, с. 112; Зибуцайте, 1962, с. 281; Лопатникова, Мовшович, 2001, с. 247; Назарян, 1987, с. 231, Шиганова et al., 2014, с. 320-321; Черняк, 2010, с. 128]. Синонимия в национальных языках охватывает основные единицы языка, обладающие в той или иной мере семантической определённой или смыслом. Присуща синонимия и фразеологизмам, которые в функциональном отношении во многом сближаются со словом [Жуков, 1986, с. 178].

Для понимания сущности термина «синонимия» и его основных свойств обратимся к определению синонимии, данному энциклопедическим словарём «Языкознание»: понятие синонимии отражает определённый «тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений [Ярцева, 1998, с. 446].

В лингвистической литературе представлены различные точки зрения учёных о фразеологической синонимии. Одно из полных определений фразеологических синонимов приводит лингвист А. В. Кунин, утверждая, что это «коррелятивные фразеологизмы, относящиеся к одному грамматическому классу, частично совпадающие или полностью несовпадающие по лексическому составу, имеющие общий и дифференциальные семантические компоненты и различающиеся или совпадающие в стилистических отношениях» [Кунин, 1996, с. 54].

По мнению Т. Н. Федуленковой, «синонимия во фразеологической системе оказывается возможной благодаря тому факту, что фразеологизмы могут быть эквивалентны как словам, так и собственно другим фразеологическим единицам» [Федуленкова, 2002, с. 110].

В. П. Жуков уточняет, что «при функционировании фразеологических синонимов тесно переплетаются структурные, семантические и стилистические характеристики. Следовательно, полнота анализа синонимических фразеологизмов может быть достигнута за счёт учёта особенностей структуры, семантики и функционально-стилистических характеристик указанного рода фразеологизмов» [Жуков, 1978, с. 77].

А. Г. Назарян, сравнивая фразеологические варианты с фразеологическими синонимами, говорит, что последние построены на разных образах и восходят к разным источникам, будучи объединёнными лишь общим значением, и различаются по смысловым оттенкам, а иногда и по экспрессивно-стилистическим свойствам [Назарян, 1987, с. 231]. В отличие от фразеологических вариантов фразеологические синонимы не могут взаимозаменяться в любом контексте на денотативном уровне, ибо различие в

образах исключает адекватную замену одного синонимического фразеологизма другим [Назарян, 1987, с. 231].

Г. А. Шиганова и соавторы отмечают особое свойство фразеологической синонимии, «которое качественно отличает её от синонимии слов: членами фразеологического ряда всегда являются бывшие синтаксические конструкции – модели словосочетаний, сочетаний слов, предложений, ставшие номинативными единицами, по содержанию богаче, специфичнее лексем» [Шиганова et al., 2014, с. 320].

Согласно приведённым точкам зрения учёных, фразеологические синонимы объединены общим значением и, в то же время, отличаются по смысловым оттенкам и образам, имеют принадлежность к одному грамматическому классу, обладают переплетением структурных, семантических, стилистических характеристик в процессе их функционирования.

2. Синонимия глагольных фразеологизмов, воплощающих концепт «порицание»

В современных исследованиях языковых единиц разных уровней наблюдается интегрированный подход актуальных научных направлений как когнитивный, лингвистический и лингвокультурологический. [Залавина, Линёва, 2013 ; Залавина et al., 2016]. Проиллюстрируем это положение на примере глагольных фразеологических единиц (далее – ГФЕ), манифестирующих концепт «порицание», на материале одного из национальных языков – французского языка [Залавина, 2005, с. 106, 2007, с. 6, 2017, с. 21 ; Zalavina, Kisel, 2016, p. 9693].

Мы разделяем точку зрения Э. Зибудайте о том, что «несмотря на большую распространённость синонимии во фразеологии французского языка, до сих пор этот вопрос остается одним из совершенно неизученных, а между тем его научное и практическое значение несомненно» [Зибудайте, 1962, с. 281].

Предметом нашего внимания и аналитического изучения является способность французских глагольных фразеологизмов, объективирующих концепт «порицание», к образованию синонимических рядов. Среди концептов, имеющих отношение к человеку, данный концепт занимает особое место, анализ которого позволяет идентифицировать определённый стереотип референции порицания посредством использования в речи фразеологических единиц представителем французской культуры [Залавина, 2005, 2007, 2017 ; Zalavina, Kisel, 2016].

Фразеологические единицы национальных языков, иерархизируя экстралингвистическую действительность, формируют культурное пространство его носителей. Исследуя их, можно приобщиться к культуре страны изучаемого языка [Залавина, Линёва, 2013 ; Залавина et al., 2016, с. 376].

Французская фразеология, как и любая другая, отличается многообразием, различными источниками происхождения фразеологизмов, тесной связью с историей, бытом этноса, воплощая дух, способ мышления и

ценностные ориентиры носителей данной культуры [Залавина, 2005, 2007, 2017; Залавина, Линёва, 2013; Залавина et al., 2016; Zalavina, Kisel, 2016].

В структуре французских глагольных фразеологизмов, объективирующих концепт «порицание», присутствуют такие семантические признаки, как категориальная сема «действие / процесс», общий семантический признак «отрицательная оценка объекта» и интегральная сема «процесс выражения отрицательной оценки» [Zalavina, Kisel, 2016, p. 9696].

Общая интегральная сема передаёт действие, процесс, поступок, суждение, состояние, выразить которые могут только глагольные фразеологические знаки.

Фразеологические синонимы концепта «порицание» делятся на следующие разновидности: 1) ГФЕ, различающиеся по лексическому составу, но обладающие аналогичной синтаксической структурой; 2) ГФЕ, имеющие общий компонент (или компоненты) и обладающие аналогичной синтаксической структурой.

К первой разновидности можно отнести следующие ГФЕ:

- (1) *tourner la vis à qqn.* «свернуть шею кому-либо, отрубить кого-либо»;
- (2) *casser la gueule à qqn.* прост. «дать в рожу кому-либо, свернуть шею кому-либо»;
- (3) *apprêter la sauce à qqn.* «дать нагоняй, нахлобучку кому-либо»;
- (4) *passer une salade à qqn.* «задать нагоняй кому-либо»;
- (5) *donner une giroflée à qqn.* «дать оплеуху кому-либо»;
- (6) *administrer un va-te lever à qqn.* прост. «дать затрещину, оплеуху кому-либо».

Здесь приведём примеры ГФЕ второй разновидности (подчёркиванием обозначен общий(е) лексический(е) компонент(ы)):

- (1 а) *donner sur les ongles à qqn.* «дать по рукам кому-либо, поставить кого-либо на место, осадить кого-либо, сделать выговор кому-либо»;
- (1 б) *rogner les ongles à qqn.* «осадить кого-либо, поубавить спеси, сделать выговор кому-либо»;
- (2 а) *chanter matines* разг. «отчитать кого-либо, задать трёпку кому-либо»;
- (2 б) *chanter pouilles* разг. «попрекать, поносить, ругать кого-либо»;
- (2 в) *chanter goguette* – разг. «бранить, ругать, оскорблять кого-либо»;
- (3 а) *casser les vitres* фам. «устроить скандал кому-либо»;
- (3 б) *casser la gueule à qqn.* – прост. «набить морду кому-либо, избить кого-либо, свернуть шею кому-либо»;
- (4 а) *jeter des pommes cuites à qqn.* «освистывать кого-либо публично, насмеяться над кем-либо у всех на виду»;
- (4 б) *jeter la pierre à qqn.* «хулить кого-либо, бросить обвинение кому-либо».

Системные отношения в парадигматике между глагольными фразеологизмами, содержащими концепт «порицание», выражаются в их синонимии, где сходство значений является доминирующим свойством языковых единиц, репрезентирующих данный концепт. Поскольку речь идёт о фразе-

ологических синонимах, то при выявлении критерии синонимичности логично исходить из характера фразеологического значения, его специфики и структуры. Поэтому основными критериями синонимичности глагольных фразеологизмов, объективирующих концепт «порицание», считаются следующие: 1) ГФЕ соотносятся с одним и тем же грамматическим разрядом, 2) ГФЕ имеют одинаковый набор основных семантических компонентов.

Глагольные фразеологические единицы, репрезентирующие концепт «порицание», образуют синонимические ряды. В любом синонимическом ряду можно выделить инвариант данного ряда, который отражает его общую семантическую идею. Значение инварианта варьирует в значениях членов ряда, находящихся в синонимических отношениях как между собой, так и к инварианту ряда.

Рассмотрим синонимический ряд ГФЕ с опорной лексемой «делать выговор кому-либо» – (*réprimander qqn.*):

(1) *frotter les oreilles à qqn.* – разг. «надрать уши кому-либо»;

(2) *donner un savon à qqn.* – разг. «дать мыло кому-либо, сделать строгий выговор»;

(3) *faire la leçon à qqn.* – разг. «читать кому-либо нотации, поучать кого-либо, делать выговор кому-либо»;

(4) *écrire à qqn. une lettre de cheval* – разг. «написать кому-либо ругательное письмо»;

(5) *laver la tête à qqn.* – разг. «намылить голову, задать головоломку кому-либо»;

(6) *donner à qqn. sur les doigts* – разг. «призвать к порядку кого-либо, дать по рукам кому-либо».

В данный синонимический ряд с инвариантной семой «отрицательной оценки» объединяются ГФЕ, относящиеся к разговорно-фамильярному пласту. Кроме черт сходства члены синонимического ряда обладают и дифференциальными признаками, которые проявляются в различных типах оппозиции, в которые вступают между собой члены данного ряда (привативные, эквиполенты, градуальные). Противопоставленность глагольных фразеологизмов может быть выражена через градуальные оппозиции, члены которой характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака (в конкретном случае различной степенью интенсивности процесса порицания). Следующие глагольные фразеологические единицы находятся в отношении градуальной оппозиции, так как в их значении выражена различная степень порицания. Об этом свидетельствуют слова-интенсификаторы в словарной дефиниции глагольных фразеологизмов:

(1) *laver la tête à qqn. fam. le réprimander sévèrement* «сделать строгий выговор кому-либо» и *faire la leçon à qqn. lui donner une réprimande* «сделать выговор кому-либо» [Petit Larousse Illustré, 1989, p. 48, 564];

(2) *donner un savon à qqn. le réprimander fortement* «сделать строгий выговор кому-либо» и *faire la leçon à qqn. lui indiquer la conduite qu'il doit tenir; le réprimander* «указать кому-либо, как себя вести, сделать выговор кому-либо» [Hachette, 1992, p. 1653, 1044].

В синонимических отношениях находятся и синонимический ряд ГФЕ с опорной лексемой – критиковать кого-либо (*critiquer qqn.*):

(1) *chercher des puces à qqn.* – разг. «искать блох у кого-либо», *le critiquer avec minutie* «основательно раскритиковать кого-либо» [Сырейщикова, 1948, с. 380];

(2) *donner à qqn. coup de griff* «задеть кого-либо колким словом», *l'attaquer, le critiquer vivement* «подвергнуть кого-либо острой критике» [Сырейщикова, 1948, с. 216];

(3) *tendre du feu pour qqn.* [Рецкер, 1963, с. 474] «дать прикурить кому-либо»;

(4) *passer qqn. à l'étamine* [Рецкер, 1963, с. 419] «подвергать кого-либо строгому осмотру, строгой критике» (во втором значении фразеологизма);

(5) *mettre qqn. en pièces* [Рецкер, 1963, с. 827] «разнести в пух и прах, раскритиковать кого-либо» (во втором значении фразеологизма);

(6) *mettre qqn. en poussière* [Рецкер, 1963, с. 876] «стереть кого-либо в порошок»;

(7) *débiter en rondelles* [Рецкер, 1963, с. 941] «разнести кого-либо, сделать котлету из кого-либо».

3. Заключение

Таким образом, продемонстрированная многочисленность глагольных фразеологизмов-синонимов, объективирующих концепт «порицание», объясняется их индивидуальной мотивированностью. Несмотря на общность семантического признака, взаимозамена глагольных фразеологизмов возможна в сравнительно редких случаях отсутствия реализации имеющихся между ними семантических оттенков. Специфика дополнительных оттенков глагольных фразеологических единиц препятствует их взаимозамене. Предпочтительный выбор той или иной глагольной фразеологической единицы из ряда синонимов обусловлен прагматическим эффектом, который и создаёт каждой глагольной фразеологической единице её специфическое употребление.

Проведённое исследование доказывает, что синонимический ряд глагольных фразеологических единиц составляет набор слов – синонимов, объединённых общим лексическим значением и относящихся к одной части речи. Каждый член ряда объединён с остальными тесными смысловыми связями. Эти связи могут быть более простыми и более сложными, что зависит от категориальных свойств членов данного синонимического ряда. Слова одного синонимического ряда могут обладать стилистической одно- и неоднозначностью, что не влияет на факт формирования ряда.

Список литературы

1. Дюмон, Н. Н. Вариантность и синонимия фразеологических единиц французского языка [Текст] / Н. Н. Дюмон // Европейская наука XXI века : материалы X научно-практической конференции. – Ставрополь, 2014. – Вып. 23. – С. 112–112.

2. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов [Текст] / В. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1978. – 160 с.
3. Жуков, В. П. Русская фразеология [Текст] / В. П. Жуков. – М. : Высшая школа, 1986. – 310 с.
4. Залавина, Т. Ю. Семантическая структура глагольных фразеологизмов, содержащих концепт «порицание» (на материале французского языка) [Текст] / Т. Ю. Залавина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2005. – Т. 11. – № 12. – С. 106–109.
5. Залавина, Т. Ю. Когнитивно-прагматические аспекты фразеологизмов со значением «порицание» [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Залавина Татьяна Юрьевна ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2007. – 25 с.
6. Залавина, Т. Ю. Паремииологический концепт «деньги» как форма ментальной репрезентации знаний о мире [Текст] / Т. Ю. Залавина, О. Н. Афанасьева, Л. А. Шорохова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 1 (51). – С. 372–379.
7. Залавина, Т. Ю. Паремии-репрезентанты концепта ДЕНЬГИ в дискурсивной деятельности [Текст] / Т. Ю. Залавина // Полидискурсивное пространство: слово, текст, коммуникация / отв. ред. Н. Н. Зеркина. – М. : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», 2017. – С. 20–35.
8. Зибуцайте, Э. Проблема фразеологического синонима [Текст] / Э. Зибуцайте // LIETUVOS TSR AUKŠTŲJŲ MOKYKLŲ MOKSLO DARBAI, KALBOTYRA. – 1962. – № IV. – С. 281–302.
9. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка [Текст] / А. В. Кунин. – М. : Междунар. отношения, 1996. – 384 с.
10. Линёва, А. С. The inner Form of Phraseological Units and and the linguistic Picture of the World [Текст] / Т. Ю. Залавина, А. С. Линёва // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – 2013. – Т. 2. – № 71. – С. 132–134.
11. Лопатникова, Н. Н. Лексикология современного французского языка [Текст] / Н. Н. Лопатникова, Н. А. Мовшович. – М. : Высш. Школа, 2001. – 247 с.
12. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка [Текст] / А. Г. Назарян. – М. : Высш. школа, 1987. – 288 с.
13. Рецкер, Я. И. Французско-русский фразеологический словарь [Текст] / Я. И. Рецкер. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.
14. Синонимия фразеологизмов как одно из проявлений их тождества и различия [Текст] / Г. А. Шиганова, Л. П. Юздова, А. В. Свиридова, А. А. Чепуренко, Н. М. Миненко // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 9. – Ч. 2. – С. 314–324.
15. Сырейщикова, А. А. Locutions idiomatiques d' après le principe étimologique [Текст] / А. А. Сырейщикова. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1948. – 580 с.
16. Федуленкова, Т. Н. Вариантность фразеологических единиц с компонентом go в современном английском языке [Текст] / Т. Н. Федуленкова // Актуальные проблемы английской филологии. – М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2002. – С. 110–125.

17. Черняк, В. Д. Синонимия в русском языке [Текст] / В. Д. Черняк. – М. : Академия, 2010. – 128 с.
18. Ярцева, В. Н. Языкознание: Большой энциклопедический словарь [Текст] / В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
19. Hachette. Le dictionnaire essentiel. Dictionnaire encyclopédique illustré [Texte] / Edité par M. Maurin. – Paris : Hachette, 1992. – 1999 p.
20. Petit Larousse Illustré. Dictionnaire de la langue française [Texte] / Petit Larousse Illustré. – P. : Librairie Larousse, 1989. – 1680 p.
21. Zalavina, T. Y., Kisel, O. V. «Blame» Concept in Phraseology: Cognitive-Semantic Aspect (Based on the French Language) [Текст] / T. Y. Zalavina, O. V. Kisel // IJESSE. – 2016. – Vol. 11. – N 17. – P. 9693–9703.

References

1. Dyumon, N. N. (2014). Variantnost' i sinonimia frazeologicheskikh edinits frantsuzskogo yazyka [Variation and synonymy of phraseological units of the French language]. *Evropeyskaya nauka XXI veka* [European science of the XXI century]. Proc. X Scientific-Practical Conference (p. 112–112). Stavropol.
2. Zhukov, V. P. (1978). *Semantika frazeologicheskikh oborotov* [Semantics of phraseological units]. Moscow : Prosveshchenie Press.
3. Zhukov, V. P. (1986). *Russkaya frazeologia* [Russian phraseology]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
4. Zalavina, T. Y. (2005). Semanticheskaya struktura glagol'nykh frazeologizmov, sodержashchih kontsept «poritsanie» (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Semantic structure of verbal phraseological units containing the concept of «censure» (Based on the material of the French language)]. *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 11 (12), 106–109.
5. Zalavina, T. Y. (2007). *Kognitivno-pragmaticheskie aspekty frazeologizmov so znacheniem «poritsanie»* [Cognitive-pragmatic aspects of phraseological units with the meaning of «blame»]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis. Chelyabinsk State University, Chelyabinsk.
6. Zalavina, T. Y., Afanas'eva, O. N., Shorohova, L. A. (2016). Paremologicheskii kontsept «den'gi» kak forma mental'noy reprezentatsii znaniy o mire [Paremological concept «money» as a form of mental representation of knowledge about the world]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], 1 (51), 372–379.
7. Zalavina, T. Y. (2017). Paremii-representanty kontsepta DEN'GI v diskursivnoy deyatelnosti [Pemia representing the concept of MONEY in discursive activity]. In N. N. Zerkina (ed.), *Polidiskursivnoe prostranstvo: slovo, tekst, kommunikatsia* [Multi-discursive space: word, text, communication] (pp. 20–35). Magnitogorsk.
8. Zibucajte, E. H. (1962). Problema frazeologicheskogo sinonima [The problem of phraseological synonym]. *LIETUVOS TSR AUKŠTŪLŲ MOKYKLŲ MOKSLO DARBAI, KALBOTYRA*, IV, 281–302.
9. Kunin, A. V. (1996). *Frazeologia sovremennogo angliyskogo yazyka* [Phraseology of modern English]. Moscow : Mezhdunarodnye otnoshenia Press.

10. Linyova, A. S., Zalavina, T. Y. (2013). The inner Form of Phraseological Units and the linguistic Picture of the World. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya* [Current Issues of Modern Science, Technology and Education], 2 (71), 132–134.
11. Lopatnikova, N. N., Movshovich, N. A. (2001). *Leksikologiya sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Lexicology of the modern French language]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
12. Nazaryan, A. G. (1987). *Frazeologiya sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Phraseology of modern French]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
13. Recker, Ya. I. (1963). *Frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [French-Russian phraseological dictionary]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarey Press.
14. Syreishchikova, A. A. (1948). *Locutions idiomatiques d'après le principe étimologique*. Moscow : Lit-ra na inostr. yazykah Press.
15. Fedulenkova, T. N. (2002). Variantnost' frazeologicheskikh edinit s komponentom go v sovremennom angliyskom yazyke [The variance of phraseological units with the component go in the modern English language]. *Aktual'nye problemy angliyskoy filologii* [Current issues of English philology] (pp. 110–125); Moscow State Pedagogical University.
16. Chernyak, V. D. (2010). *Sinonimia v russkom yazyke* [Synonymy in Russian]. Moscow : Akademia Press.
17. Shiganova, G. A., Yuzdova, L. P., Sviridova, A. V., Chepurenko, A. A., Minenko, N. M. (2014). Sinonimia frazeologizmov kak odno iz proyavleniy ih tozhdestva i razlichia [Synonymy of phraseological units as the manifestations of their identity and difference]. *Vestnik of Chelyab. gos. ped. un-ta* [Herald of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 9 (2), 314–324.
18. Yartseva, V. N. (1998). *Yazykoznanie: Bol'shoy ehntsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics: the Great encyclopedic dictionary]. Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya ehntsiklopediya Press.
19. Hachette. (1992). *Le dictionnaire essentiel. Dictionnaire encyclopédique illustré*. Paris : Hachette.
20. Petit Larousse Illustré (1989). *Dictionnaire de la langue française*. Paris : Librairie Larousse.
21. Zalavina, T. Y., Kisel, O. V. (2016). «Blame» concept in phraseology: Cognitive-semantic aspect (Based on the French language). *IJESE*, 11 (17), 9693–9703.

УДК 811.511.142; 81'366.58
UDC 811.511.142; 81'366.58

Лельхова Федосья Макаровна
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
Lelkhova Fedosja Makarovna
Ob-Ugrian Institute of Applied Researches and Development
Khanty-Mansiysk, Russian Federation
lelhovafm@yandex.ru

**ВОПРОСЫ НОМИНАЦИИ БОЛЕЗНЕЙ
В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЫНСКОГО ДИАЛЕКТА)
ISSUES OF NOMINATING DISEASES IN THE KHANTY LANGUAGE
(BASED ON THE SYNSKIJ DIALECT)**

Аннотация

В настоящей статье на материале сынского диалекта хантыйского языка рассматривается лексика болезней. В основе образования названий болезней хантыйского языка лежат следующие признаки объекта номинации: 1) боль в какой-либо части тела или органе; 2) внешний признак; 3) названия физических недостатков человека (с рождения или приобретенных); 4) звук; 5) народные поверья; 6) укусы животного.

Abstract

The current paper focuses upon lexical units denoting diseases based on the analysis of the material of the Synskiy dialect of the Khanty language. The basis for the formation of names of diseases of the Khanty language are the following features of the nomination object: 1) pain in any part of the body or organ; 2) an external sign; 3) the names of the physical defects of a person (generic or acquired); 4) sound; 5) popular beliefs; 6) animal bite.

Ключевые слова: хантыйский язык, сынский диалект, лексика болезней, лексическое значение слова, структура слова.

Keywords: the Khanty language, the Synskij dialect, vocabulary of diseases, lexical meaning of a word, word structure.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2_47_55

1. Введение

Лексика, отражающая названия болезней – одна из интереснейших лексико-семантических групп хантыйского языка, относящаяся к основному словарному фонду, который складывается в течение многих тысячелетий. Настоящая работа представляет собой лингвистический анализ номинаций, обозначающих различные болезни человека. Актуальность на-

стоящего исследования определяется необходимостью системного изучения лексики хантыйского языка. Данная лексико-тематическая группа в хантыйском языке изучена довольно слабо. На материале казымского диалекта написана работа Н. А. Герляк, в которой отмечается, что «этимологический анализ данной лексической группы нашёл отражение в диалектологическом и этимологическом словаре хантыйского языка В. Штейница, в котором указанная лексика рассматривалась в связи с изучением теории языковых контактов [Герляк, 2016]. В статье Ф. М. Лельховой описывается лексико-семантическая группа глаголов физиологического состояния со значением: быть, находиться, пребывать в каком-либо физиологическом состоянии (болезни, выздоровления, сна, усталости и т. д.). Рассмотрено 29 глаголов со значением ‘находиться (прийти) в состоянии болезни’, 13 лексем со значением ‘выздоровливать’ [Лельхова, 2011].

Проблема названий болезней в хантыйском языке затрагивается в монографии С. В. Ониной, в которой выявлены следующие лексемы: *сэм пелӓк* ‘ослепший...’, *тӓрх мушӓн* (*ӓлы*) ‘с легочным заболеванием (олень)’, *туна муш* ‘болезнь копыт’. Приводится лексема *иӓл хӓл* ‘сибирская язва’, которая, по мнению автора, в речи оленеводов в настоящее время не используется [Онина, 2003, с. 37]. Нами выявлена лексема *сотӓн щирӓн нохты* ‘копытка’. *Сотӓн щирӓн нохлӓт ӓлӓт* ‘Копытка у оленей есть’.

Рассматриваемой теме посвящены также исследовательские работы по этнографии и культуре хантов Н. М. Талигиной [Талигина, 2005], М. А. Лапиной [Лапина, 2008], Т. Р. Пятниковой [Пятникова, 2010], Т. В. Волдиной [Волдина, 2012], М. К. Волдиной и соавторов [Волдина, 2008], М. В. Молдановой [Молданова, 2010], которые позволяют выявить внутреннее богатство языка и его структурную многогранность, дополнить отдельные лингвистические дисциплины новыми данными.

В финно-угорском языкознании вопрос о лексико-семантической группе слов, обозначающих названия болезней, освещался в работах таких исследователей, как А. Н. Куклин [Куклин, 1979], Э. И. Казакова [Казакова, 2005], Т. В. Пашкова [Пашкова, 2008], М. Т. Ипакова [Ипакова, 2009] и других.

Ц е л ь ю настоящей работы является поиск имеющихся в хантыйском языке названий болезней человека и их классификация в соответствии с признаками, лежащими в основе их номинации.

2. Анализ лексем, обозначающих болезни

Продолжительное или постоянное болезненное состояние у северных хантов обозначается устойчивым термином «*кашан турӓм, муш турӓм*» ‘находиться в состоянии болезни (букв.: больное время, больной век)’. В. Кулемзин отмечает, что «в обыденной разговорной речи, фольклоре, мифологии, культовых отправлениях имеется множество терминов для обозначения болезни, болезненного состояния. Многие из них содержат указание на причину болезни, например: ‘опять меня начал грызть он’, ‘Торум послал болезнь’ или ‘Меня всю ночь пыталась унести маячка в

Нижний мир' (если говорящий имел в виду утреннее недомогание в виде болезненного ощущения в суставах)». По мнению учёного, «все эти и другие болезни являются сакрализованными. Анализ лексики и верований, связанных с причиной болезней, даёт основание предполагать, что в далёком прошлом все их причины считались сакральными, как и сами болезни» [Кулемзин, 2000, с. 154]. Так, в хантыйском языке о постоянной болезни (инвалидности) говорят *турамэн партэм мушэж* 'болезнь, которая, по поверью, была послана человеку Богом'.

Словом *кэйши* 'боль (физическая)', 'болезнь', обозначают болезненные ощущения несакрального характера: *сэм кэйши* 'болезнь сердца, сердечная боль', *пеук кэйши* 'болезнь зубов, зубная боль', *кёр кэйши* 'болезнь ног', *йош кэйши* 'болезнь рук', *сэм кэйши* 'болезнь глаз' и тому подобные. Синонимический ряд, обозначающий понятие 'болезнь' в шурышкарском диалекте состоит из слов: *кэйши*, *муш* 'заболевание', *кэйши-муш* 'болезнь-хворь', 'заболевание', *кашаң турэм*, *муш турэм* 'в состоянии болезни находиться (букв.: больное время, больной век)', *атэм муш* 'неизлечимая болезнь', 'заразная болезнь', *вевтам муш* 'заразная болезнь', *эй муш* 'лёгкая (букв.: простая) болезнь'. Понятие внутренние болезни передаётся сочетанием *лыти муш* 'заболевание внутренних органов'. Лексема *лыти* не употребляется со словом *кэйши*: нельзя сказать *лыти кэйши*, следует говорить *Лыпел кэйши* 'Внутри у него что-то болит'.

Рассматривая названия болезней, важно определить принципы номинации. Предметом теории номинации как особой лингвистической дисциплины является изучение и описание общих закономерностей образования языковых единиц, взаимодействия мышления, языка и действительности в этих процессах, роли человеческого фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации, и так далее. Познакомившись с новым предметом или явлением, человек подмечает из массы имеющихся у данного предмета признаков какой-нибудь один, кажущийся ему характерным, признак, уже имеющий в данном языке наименование, и использует его для наименования нового предмета [Пашкова, 2008, с. 10].

Классификация номинации болезни выявлена в исследовании Т. В. Пашковой, которую мы применим в данной работе [Пашкова, 2008]. В основе образования названий болезней хантыйского языка лежат шесть признаков объекта номинации.

1. Боль в какой-либо части тела или органе. Особенность номинации этой группы слов состоит в том, что все названия болезней указывают на больной орган или часть тела: *лыти муш* 'болезнь внутренних органов', *тёрэх кэйши* 'бронхит', 'болезнь лёгких', *тёрэх муш* 'болезнь лёгких, бронхов', 'туберкулёз', *хён кэйши* 'заболевание живота', *сэм кэйши* 'заболевание сердца', 'инфаркт', *пеук кэйши* 'зубная боль', *пеук ньёхи кэйши* 'болезнь десен', *ёх кэйши* 'головная боль', *кёр кэйши* 'болезнь ног', *йош кэйши* 'болезнь рук', *сэм кэйши* 'болезнь глаз', *шэйши лёв кэйши* 'радикулит', *шэйши кэйши* 'остеохондроз', *лёв кэйши* 'заболевание суставов', *йош лёв-кёр лёв кэйши* 'заболевание суставов рук и ног', *щёркеп лёв кэйши* 'заболевание тазобедренных суставов' и тому подобные.

2. Внешний признак. В основе номинации некоторых названий болезней можно рассматривать явно выраженные симптомы или признаки заболеваний (внешние изменения кожного покрова и слизистых оболочек, аллергия, сыпь, приступы, нарывы, короста и др.), появляющиеся у человека при определённых заболеваниях: *как* ‘парша’, ‘короста’, *кар* ‘короста (гнойные струпья на коже)’, *нӱлэм* ‘рана, шрам, болячка, чирей’, *щӱкна* ‘бородавка’, *ӱс* ‘болячка, угорь, прыщ’, *карэн ус* ‘ветрянка’ (букв.: болячка с коростой), *нӱвлэп* ‘нарыв’, ‘опухоль’, *хӱстел* ‘заноза’, *йиңки хыр* ‘мозоль’ (ср.: каз. *lünti хӱр* ‘мозоль’), *хӱли* ‘перхоть’, *тэвтомэн* ‘педикулезный’, *сэнэн* ‘педикулезный, с гнидами’, *лайэн* ‘гной’, *лайнэн туй* ‘ячмень (букв.: гнойный чирей)’, *лайнэн нӱлэм* ‘гнойная рана’, *лайнэн пӱлцэн* ‘гнойная мокрота’, *хон пӱталы* ‘паховая грыжа’ (букв.: комок живота), *длӱтты муш* ‘астма’, *лылӱл йэрмӱл лыпийа* ‘одышка’, *сорэм хӱн* ‘запор’, *щел пӱщ* ‘понос, жидкое испражнение’, *шани донӱл талэм* ‘радикулит’ (букв.: жилы стянуло), *щӱх рӱкӱнты муш (неңклӱл тухӱмпсӱт)* ‘эпилепсия (зубы стиснуты)’.

Также в эту группу относятся так называемые «заразные болезни», передающиеся через предметы обихода и характеризующиеся покраснением глаз, кожи и появлением гнояных выделений: ш. *кӱнитты муш* ‘чесотка’, каз. *сӱтлӱх* ‘чесотка’, *хоӱщты [хоӱцты] муш* ‘простудное заболевание с температурой’, *хоӱщты [хоӱцты] кӱши* ‘простудное заболевание с температурой’, *хоӱщӱпса* ‘простудное заболевание с температурой’. Исконно хантыйская лексема *хоӱщты* ‘болеть’ (синоним слова *мушитты* ‘болеть, хворать’) в современном хантыйском языке не является распространённой. В культуре ханты слова, обозначающие болезни *муш йасэн* ‘слова болезней’, считались табуированными, их не использовали на ритуальных мероприятиях, чтобы не навлечь злых духов, злые силы, не навлекать бед, горестей на человека, на семью, род. Из устных бесед с носителями языка нами зафиксированы такие примеры: каз. *Хоӱщтум* ‘Болею’; *Больница йасэн катра айтэм вӱс, хоӱщты хот лупла* ‘Раньше не было слова больница, говорили *хоӱщты хот* – больница’ (Т. А. Молданов); ш. *Хоӱщты муша пӱтсэм, каврума щӱи йиӱла* (М. И. Лонгортов) ‘Простудным заболеванием заболел, температура поднимается’; *Хоӱщты кӱшиӱа, тауха, пӱтӱс* (В. В. Куртямова) ‘Простудным заболеванием с температурой, наверно, заболел’; *Хоӱщты кӱшана усэм* (Ю. Г. Миляхова) ‘Болела’; *Хоӱщты кӱши* ‘грипповать’ (А. П. Ямру). Лексемы ‘грипп’, ‘грипповать’ в исконной лексике хантыйского языка не встречаются, эти слова являются заимствованными, например: грипп ‘грипп’: *Грипэн мушитты* ‘Грипповать’, *Грип мушэн йиӱапсайэм* ‘Заболела гриппом’.

3. Названия физических недостатков человека (имеющиеся с рождения или приобретенные). Эту группу можно проиллюстрировать следующими примерами: *йӱвра* ‘косой’, *сэм пелӱк* ‘одноглазый’, *йош пелӱк* ‘однорукий’, *кӱр пелӱк* ‘одноногий’, *мӱкары* ‘горб’, *мӱкарэн* ‘горбатый’, и *курӱл ваншӱк* ‘одна нога короче’, *нохты хӱят* ‘хромающий человек’, *щӱщлы пӱйтэм* ‘парализованный’, *йош йовлысӱл, кӱр йовлысӱл* ‘руки-ноги трясутся’. В предложениях это выглядит следующим образом: *Ал вӱцийӱс, йош йовлысӱл, кӱр йовлысӱл, век щӱты* ‘Трясётся, руки-ноги трясутся у него, всегда так’. *Щӱщлы пӱйтӱла, щӱщлы пӱтӱл* ‘Парализовало, не чувствует (рук-ног)’.

4. Звук. Значительную роль в создании звуковых оболочек слов в различных языках мира играет звукоподражание. К этой группе слов относятся названия болезней, образованные от дескриптивных глаголов, например: *хул* ‘кашель’ (от глагола *хуллэты* ‘кашлять’). Данная группа номинаций немногочисленна.

5. Народные поверья. По народным представлениям ханты, человек может заболеть от действий злых духов, проклятий *тотма* (передача негативной энергии кому-либо), духов умерших, которым были неправильно проведены погребальные или поминальные обряды, а также от божеств, которым пообещали сделать жертвоприношение, но не исполнили обещанное [Пятникова, 2008, с. 245]. Духа болезней *Хинь*, *Хинь ики* сынские ханты называют *питы сэхни ики*, *кур илпи ики*; он является «всеобщим духом-богом, главным духом Нижнего мира, ханты реки Сыни относят его и к семейным духам-охранителям [Талигина, 2005, с. 108]. У человека забирают душу *йислај тулайэт* и он, как следствие, болеет. Т. Р. Пятникова отмечает: «Когда человек почувствовал себя плохо, то говорили *йислај-хэслај мйнсэт* ‘тени-звезды ушли’ – он принимает образ какой-нибудь птички» [Пятникова, 2008, с. 247]. Ханты издавна верят в различных духов – невидимых существ, которые связаны с телом и жизнью человека, влияют на его душевное и психическое состояние. Они принимают различные образы: человека, огонька, дуновения ветерка, птиц, животных и так далее. Они могут быть как враждебными по отношению к человеку, так и покровительствовать ему. Люди могут ощущать их присутствие, что вызывает тревогу; также человек может чувствовать недомогание, раздвоение личности, может и серьёзно заболеть. По словам старожил, «при их появлении или ощущении их присутствия надо ругаться, они слушаются и уходят. Так как люди верили, что их здоровье и жизнь зависят от духов, высших сил, большое внимание уделялось установлению с ними хороших отношений и соблюдению различных запретов, чтобы им противостоять» [Пятникова, 2010, с. 246].

Проводили обряды лечения и очищения, обряд гадания для обнаружения причины заболевания. В монографии Н. М. Талигиной описан обряд *лоуајтапса* ‘очищение женщины’, который включает четыре этапа: *уш йиңкэн* ‘очищение чаговым раствором’; *кэвэн шайшантыты*, *тутаң лавамн* ‘очищение огнём и составом *йол*, включающим бобровую струю, чагу и шерсть оленя’; *күйшкар эватты* ‘обрезание ногтей’, *охсох күйшиты* ‘расчёсывание волос’, *сэв сэвты* ‘заплетение кос’.

В работе Т. В. Волдиной отмечается, что основой сохранения здоровья является природа. «Природа для хантыйского человека – говорящая: человек умел чувствовать, «читать» её, общаться с природным окружением. Нередко от информантов можно услышать слова: «у костра здоровье поправляют, восстанавливают силы, усталость проходит», «просили помощь огня», «дух воды очень помогает...», «на водичку наговаривают», «на воду молятся», «после ледохода вода святая» и т. п.» [Волдина, 2012, с. 32].

Ханты персонифицировали явления природы (снег, ветер, мороз, холм), а также другие предметы и явления, с которыми они соприкасались

(вода, железо, камень, дерево, огонь и т. д.), так как за нарушение правил ритуального поведения в подвластном им пространстве или за плохое отношение к различным предметам хозяева, атмосферные явления или же сами предметы накажут человека (человек начинает болеть, недомогать, а иногда даже и умирает). Не случайно в хантыйском языке есть выражение *Турэмэн партэм мушэл* ‘болезнь, которая, по поверью, была послана человеку Богом’.

6. Укус животного. Жизнь хантыйского народа связана с жизнью животных. В процессе контакта людей с животными возникали случаи, когда животные нападали на человека, в результате чего у человека могли появиться различные травмы, укусы, повреждения, например: *амп пёрэм ньўлам* ‘укус собаки’, *ампэн пёрэмаса* ‘собака укусила’. Сюда же можно отнести названия болезней, вызванные внешним воздействием в результате несчастного случая: травмы, раны, обморожения, ожоги, укусы насекомых: *кўрэл шўкатэм, йошэл шўкатэм* ‘перелом костей (ног и рук) (букв.: ноги сломаны, руки сломаны)’, *невты* ‘обморозить’, *вени пўндэл певэм* ‘щеки обморожены’. Устойчивое сочетание *эл хур потты* обозначает болезненное состояние в результате переохлаждения, что значит: ‘простывать, простужаться (холод внутрь тела зашёл)’.

3. Заключение

Таким образом, настоящее исследование было призвано выявить и систематизировать присутствующие в сынском диалекте хантыйского языка названия болезней, имеющих разные причины возникновения и разные признаки выражения. Нами предложена классификация названий болезней рассматриваемого языка по шести признакам, лежащим в основе их номинации. В основе названий болезни на языке ханты лежат следующие признаки номинаций: 1) боль в какой-либо части тела или органе; 2) внешний признак; 3) названия физических недостатков человека (с рождения или приобретённые); 4) звук; 5) народные поверья; 6) укус животного. Эти признаки имеют самое прямое отношение к образу жизни и особенностям мышления хантов. Полученные результаты позволят лучше осмыслить языковую культуру носителей данного диалекта.

Список литературы

1. Волдина, Т. В. Почитание природы как основа сохранения здоровья (на примере хантыйской культуры) [Текст] / Т. В. Волдина // Язык, фольклор и традиционная культура. – Ханты-Мансийск, 2012. – С. 29–36.
2. Волдина, М. К. Народная медицина хантов Белоярского района (по материалам научно-исследовательской экспедиции) [Текст] / М. К. Волдина, Т. В. Волдина, Г. С. Евстафьева. – Ханты-Мансийск: Центр культурного наследия ханты им. В. Волдина, 2008. – 13 с.
3. Герляк, Н. А. Лексика болезни в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) [Текст] / Н. А. Герляк // В мире науки и искусства: вопросы филоло-

- гии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам LXIV междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СибАК, 2016. – С. 80–84.
4. Ипакова, М. Т. Названия болезней в марийском языке [Текст] / М. Т. Ипакова // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации : материалы IV Всероссийской конф. финно-угроведов (17–20 ноября 2009 г.). – Ханты-Мансийск, 2009. – С. 64–67.
 5. Казакова, Э. И. Названия болезней как часть собственно-марийской лексики [Текст] / Э. И. Казакова // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов : материалы III Всероссийской научн. конф. финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 95–97.
 6. Куклин, А. Н. О некоторых названиях болезней в марийском языке [Текст] / А. Н. Куклин // Вопросы истории и диалектологии. – Йошкар-Ола, 1979. – С. 167–170.
 7. Лапина, М. А. Этика и этикет хантов [Текст] / М. А. Лапина. – 2-е изд. – Томск – Екатеринбург : ООО «Баско», 2008. – 120 с.
 8. Лельхова, Ф. М. Глаголы физиологического состояния в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) [Текст] / Ф. М. Лельхова // Вестник угроведения. – 2011. – № 1 (4). – С. 30–37.
 9. Мифология хантов [Текст] / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, Т. А. Молданов, Т. А. Молданова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. – 310 с.
 10. Молданова, М. В. Представление хантов о здоровье, использование традиционных методов сохранения здоровья в практике интернатской системы [Текст] / М. В. Молданова // Казымские чтения : материалы научно-практич. конф. / под ред. Е. А. Игушева, Т. А. Молдановой, Ф. М. Лельховой. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – С. 94–109.
 11. Онина, С. В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством [Текст] / С. В. Онина. – Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2003. – 154 с.
 12. Пашкова, Т. В. Народные названия болезней в карельском языке [Текст] : автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.22 / Пашкова Татьяна Владимировна ; Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 2008. – 23 с.
 13. Пятникова, Т. Р. Представления усть-казымских ханты о причинах возникновения болезней [Текст] / Т. Р. Пятникова // Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры : материалы Всероссийской научной конференции (19–22 мая 2008 г., Ханты-Мансийск). – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ 2010. – С. 245–254.
 14. Талигина, Н. М. Обряды жизненного цикла у сынских хантов [Текст] / Н. М. Талигина. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2005. – 176 с.

References

1. Voldina, T. V. (2012). Pochitanie prirody kak osnova sokhraneniya zdorov'ya (na primere khantyyskoy kul'tury) [Worshipping nature as the basis of health preservation (On the example of the Khanty culture)]. *Yazyk, fol'klor i traditsionnaya kul'tura* [Language, folklore and traditional culture] (pp. 29–36). Khanty-Mansiysk.

2. Voldina, M. K., Voldina, T. V., Evstafieva, G. S. (2008). *Narodnaya meditsina khantov Beloyarskogo rayona (po materialam nauchno-issledovatel'skoy ekspeditsii)* [Folk medicine of the Khanty of Beloyarskiy region (based on the materials of the research expedition)]. V. Voldin Center for Cultural Heritage Khanty. Khanty-Mansiysk.
3. Gerlyak, N. A. (2016). Leksika bolezni v khantiyskom yazyke [Lexicon of illness in Khanty language (On the material of Kazym dialect)]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: Issues of philology, art criticism and culturology]: Proc of the LXIV International scientific-practical Conference (pp. 80–84). Novosibirsk : SibAK Press.
4. Ipakova, M. T. (2009). Nazvaniya bolezney v mariyskom yazyke [Names of diseases in the Mari language]. *Yazyki i kul'tura finno-ugorskikh narodov v usloviyakh globalizatsii* [Languages and culture of the Finno-Ugric peoples in the context of globalization]. Proc. of the Fourth All-Russian Conference of Finno-Ugric Studies (November 17–20, 2009) (pp. 64–67). Khanty-Mansiysk.
5. Kazakova, E. I. (2005). Nazvaniya bolezney kak chast' sobstvenno-mariyskoy leksiki [Names of Diseases as Part of the Self-Mari Vocabulary]. *Istoria, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya yazykov i kul'tur finno-ugorskikh narodov* [History, Current Status, Perspectives of the Development of Languages and Cultures of Finno-Ugric Peoples]. Proc. of the III All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies (pp. 95–97). Syktyvkar.
6. Kuklin, A. N. (1979). O nekotorykh nazvaniyakh bolezney v mariyskom yazyke [About some names of diseases in the Mari language]. *Voprosy istorii i dialektologii* [Issues of history and dialectology] (pp. 167–170). Yoshkar-Ola.
7. Kulemzin, V. M., Lukina, N. V., Moldanov, T. A., Moldanova, T. A. (2000). *Mifologiya khantov* [Mythology of the Khants]. Tomsk : Tomsk University Press.
8. Lapina, M. A. (2008). *Etika i etiket khantov* [Ethics and etiquette of Khanty]. 2nd ed. Tomsk – Ekaterinburg : OOO «Basco» Press.
9. Lel'hova, F. M. (2011). Glagoly fiziologicheskogo sostoyaniya v hantiyskom yazyke (na materiale synskogo dialekta) [Verbs of a physiological condition in Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 1 (4), 30–37.
10. Moldanova, M. V. (2010). Predstavlenie khantov o zdorov'e, ispol'zovanie traditsionnykh metodov sokhraneniya zdorov'ya v praktike internatskoy sistemy [The Khants ideas about health, the use of traditional methods of preserving health in the practice of the boarding school]. In E. A. Igusheva, T. A. Moldanova, F. M. Lelkhova, *Kazymskie chteniya* [Kazym readings]. Proc. of the scientific-practical conference] (pp. 94–109). Khanty-Mansiysk : Information and Analytical Center of the SouthUU.
11. Onina, S. V. (2003). *Otraslevaya leksika hantiyskogo jazyka: slovarnyj sostav, svyazannyj s olenevodstvom* [Crafts lexicon of the Khanty language: Lexical units concerning deer breeding]. Yoshkar-Ola : Mary State University.
12. Pashkova, T. V. (2008). *Narodnye nazvaniya bolezney v karel'skom yazyke* [Folk names of diseases in Karelian language]: Author's abstract of PhD in Philological sci. dis. Petrozavodsk.
13. Pyatnikova, T. R. (2010). Predstavleniya ust'-kazymskikh khanty o prichinakh vzniknoveniya bolezney [Representations of the Ust-Kazym Khanty on the causes

- of the emergence of diseases]. *Mirovozzrenie obskikh ugrov v kontekste yazyka i kul'tury* [World outlook of the Ob Ugrians in the context of language and culture]. Proc. of the All-Russian Scientific Conference (May 19–22, 2008, Khanty-Mansiysk) (pp. 245–254). Khanty-Mansiysk : Information and Analytical Center of YSU Press.
14. Taligina, N. M. (2005). *Obryady zhiznennogo tsikla u synskikh khantov* [Rituals of the life cycle of the Synskij Khanty]. Tomsk : Tomsk University Press.

Список сокращений и условных обозначений

букв. – буквально;

каз. – казымский диалект хантыйского языка;

ш. – шурышкарский диалект хантыйского языка.

УДК 811;111-26
UDC 811;111-26

Лоскутникова Маргарита Александровна
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
Margarita A. Loskutnikova
Far Easter Federal University
Vladivostok, Russian Federation
lo.rita91@mail.ru

**СЕМАНТИКА ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ
БИПОЛЯРНОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ КИТАЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**
**THE SEMANTICS OF CONTRAST AS A REFLECTION OF BIPOLAR
VIEW OF LIFE IN POLITICAL DISCOURSE OF CHINA IN THE
ENGLISH LANGUAGE**

Аннотация

Семантика противопоставления является важной чертой риторики Китая в политике, что выражается сквозь призму китайских ценностей и китайской культуры, корни которых заложены в исторической и национальной памяти народа. Категория противопоставления отражает особенности китайского менталитета, что говорит о том, что оппозиции в китайском языке являются культурно-обусловленными. Указанная семантика в дискурсе китайских СМИ, публикующих на английском языке, изучена крайне недостаточно. Данная статья посвящена исследованию бинарных оппозиций в китайском политическом дискурсе на английском языке (КПДА). В статье рассматривается лингвистическая репрезентация бинарных оппозиций, отражающих китайскую картину мира. В ходе исследования использовались метод семантического анализа, дискурсивный и лингвокультурологический методы. Было выявлено, что в КПДА утрачиваются явные признаки китайско-английской интерференции на грамматическом и лексическом уровнях, однако английский текст всё равно передаётся с китайским подтекстом, продиктованным спецификой данного менталитета. Показано, что при помощи бинарных оппозиций формируется биполярный мир, который находит своё отражение в КПДА, при этом семантика противопоставления реализуется с помощью языковых средств по большей части на лексическом уровне.

Abstract

The semantics of contrast is an essential part of Chinese policy rhetoric which is conveyed through the lens of Chinese values and culture rooted in historical and national memory of the people. The category of opposition reflects Chinese mentality indicating that oppositions in the Chinese language are culturally determined. This semantics in English discourse of Chinese mass media has rarely been the focus of linguists' attention. The current article presents the results of the research of binary oppositions in Chinese political discourse published in English (ChPDE). This article views linguistic representation of binary oppositions in ChPDE reflecting the Chinese linguistic world image. In this study, the

methods of semantic, discourse, linguistic and cultural analysis were applied. It was discovered that in ChPDE, the features of Chinese-English language interference almost disappeared from grammatical and lexical levels, however English text still preserves Chinese connotations determined by the national mentality. It was demonstrated that bipolar world is formed by means of binary oppositions reflected in ChPDE where the semantics of oppositions is manifested by language means mostly on lexical level.

Ключевые слова: семантика противопоставления, бинарность, оппозиция, антиномия, дискурс, когнитивный уровень, коннотация, ментальность.

Keywords: semantics of contrast, binarity, opposition, antinomy, discourse, cognitive level, connotation, mentality.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2_56_68

1. Введение

Семантика противопоставления является важной чертой риторики Китая в политике, что выражается сквозь призму китайских ценностей и китайской культуры, корни которых заложены в исторической и национальной памяти народа. Категория противопоставления отражает особенности китайского менталитета, что говорит о том, что оппозиции в китайском языке являются культурно-обусловленными. Стоит отметить, что первоначально оппозиции рассматривались исключительно с философской точки зрения, однако в последнее время к ним всё чаще обращаются и в лингвистических исследованиях.

Проблема бинарных оппозиций с семиотической и лингвокультурологической точек зрения получила своё рассмотрение в работах Ю. А. Сухомлиновой на материале русской литературы (антиномичность художественного мира А. Платонова с оппозициями живое / мёртвое, теснота / пустота и т. д.) [Сухомлинова, 2005], Т. Л. Михайловой (оппозиция «женское молчание – мужской властный дискурс») [Михайлова, 2008], Э. Р. Хутовой (любовь и ненависть на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков) [Хутова, 2008], М. А. Шардановой (прекрасное и безобразное в русском, английском и кабардино-черкесском языках) [Шарданова, 2006] и других.

Говоря об определении термина «бинарная оппозиция», мы идём вслед за Н. С. Трубецким, который приводит следующее определение: «Универсальное средство рационального описания мира, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое – отрицает. Считается неотъемлемым качеством дискурсивного мышления, противопоставляемого различным формам интуиции» [Трубецкой, 2000, с. 246]. «Две вещи могут отличаться друг от друга лишь постольку, поскольку они противопоставлены друг другу, иными словами, лишь постольку, поскольку между ними существуют отношения противоположения, или оппозиции» [Трубецкой, 2000, с. 36–37].

В своих трудах К. Леви-Стросс, основоположник «теории архетипического или бинарного мышления», формулирует «путь» от структуры языка к строению разума и структуре бессознательного. По его мнению, «язык отражает культуру народа, но его структура неосознаваема говорящими на языке. Язык – это феномен, стихийно обретающий структуру» [Леви-Стросс, 2011, с. 549].

Обратимся к Конраду Лоренцу, родоначальнику этологии, который полагал, что «деление мира явлений на пары противоположностей – это врождённый принцип упорядочения, априорный принудительный шаблон мышления, присущи человеку с древнейших времён» (см. анализ его работы в [Соловьева, 2011, с. 76]).

К. Леви-Стросс приравнивает бинарные оппозиции к минимальным единицам мышления (см. анализ этих идей в [Соловьева, 2011, с. 194]). По утверждению исследователя, чтобы выявить структуру бессознательного, а значит, и познать культуру народа, его менталитет, необходимо выявить бинарные оппозиции, так как именно из них эта структура и складывается.

Семантика противопоставления в дискурсе китайских СМИ, публикующих на английском языке, изучена крайне недостаточно. В этой связи отметим работу Н. В. Соловьевой, согласно которой «бинарные оппозиции структуры бессознательного лежат в основе языковой структуры китайского языка, что находит своё выражение в дискурсе». Автор подчёркивает, что «в китайском языке бинарность носит универсальный характер, так как она является основной категорией мышления китайцев и составляют основу их дискурса» [Соловьева, 2011, с. 85]. В результате, бинарные оппозиции раскрываются при диалоге культур, а именно диалоге между Китаем и миром, который отображается в китайских СМИ.

Данная статья посвящена исследованию бинарных оппозиций в политическом дискурсе Китая, а также изучению семантики противопоставлений, которая, в свою очередь, репрезентирует компоненты бинарной оппозиции. Кроме того, рассматриваются взаимоотношения языка и культуры, поскольку сущность оппозиции раскрывается именно через призму культурных характеристик.

В настоящее время политический дискурс попадает в центр внимания лингвистов, которые изучают язык прессы, формирующий у читателей представления, общественное мнение о мировых событиях и политической ситуации в стране и мире. Язык прессы отражает идеологию и систему ценностей, а также выявляет общие когнитивные особенности мышления людей, говорящих на этом языке.

Наше внимание привлёк политический дискурс китайских СМИ, публикующих материалы на английском языке. В указанном дискурсе представлены такие оппозиции, как «мы – они», «Китай – мир», «коллективизм и индивидуализм» и ряд других. Посредством данной категории, в СМИ освещается, как позиционирует себя Китай по отношению к остальному миру. Семантика компонентов оппозиции способствует их раскрытию, т. е. семантика противопоставления репрезентируется посредством языковых средств, в частности лексических единиц, которые содержат

коннотативные оттенки. Бинарная оппозиция является одним из универсальных способов постижения окружающей действительности, при этом бинарные оппозиции находят своё отражение в любом языке. Страны Востока, в частности Китай, представляют себя на мировой политической арене, высказывая свою точку зрения и свою официальную позицию в международных отношениях посредством английского языка. В этом отношении английский язык является языком-посредником между странами Востока и Запада. Согласно гипотезе настоящего исследования, биполярный мир, который формируется посредством бинарных оппозиций, не может не отражаться особым образом в китайском политическом дискурсе на английском языке (далее – КПДА).

Поясним, что под биполярным миром понимается такая геополитическая ситуация, в которой существует несколько политических сил, лидируют несколько стран, между которыми наблюдается противостояние в мире. В настоящей статье центральная оппозиция «Китай – мир» формирует биполярный мир, в котором выявляются противоречия между Востоком и Западом, что представлено в политическом дискурсе. Дело в том, что Китай в настоящее время возвращается к традиционной модели «мегаимперии», при которой он занимает лидирующие позиции на мировой политической арене.

Бинарные оппозиции особенно ярко и наглядно проявляются именно в китайском дискурсе. Всё китайское мышление пронизано двойственностью, поэтому оппозиции в китайском языке носят культурно обусловленный характер. При помощи бинарных оппозиций формируются основные понятия китайского менталитета, которые являются частью культуры, посредством которых мы можем выявить особенности когнитивных процессов китайского мышления через языковую репрезентацию в китайском дискурсе. Семантика противопоставления уходит корнями в китайскую философию, а именно даосизма. В этом отношении мы можем говорить о неязыковом уровне, а именно когнитивном, или культурном срезах.

Целесообразно указать, что китайские культура, мировоззрение и менталитет, которые были сформированы в глубокой древности, оказывают огромное влияние на китайский язык. Например, такие древнекитайские учения, как даосизм и конфуцианство внесли свой вклад в становление китайской идентичности. Вследствие чего, категорию бинарных оппозиций следует раскрывать именно через призму культурологии в политическом дискурсе [Руднев, 2009, с. 195].

Культура Китая – это культура гармонии, согласия, единения. Основные принципы идеологии и религиозных учений Китая заключаются в стремлении к поддержанию порядка, стабильности и мира. Эти главные традиции конфуцианства и других учений определили специфику китайского мировоззрения как гармоничного комплекса идей, которые не только не исключали расхождений во взглядах и мнениях, но рассматривали разногласия как основу для выработки мирных методов разрешения конфликтов и противоречий.

2. Китай и мир глазами СМИ – настоящее исследование

Цель исследования заключается в изучении семантики противопоставления на лексическом уровне, которая отражает характер риторики Китая в политике, что выражается сквозь призму китайских ценностей и китайской культуры, корни которых заложены в исторической и национальной памяти народа. Материалом нашего исследования послужили такие китайские издания на английском языке, как «Xinhua News Agency», «China Daily», «People's Daily» за 2016–2017 гг, взятые из интернет-ресурсов, а также речь Си Цзиньпина на экономическом форуме в Давосе. Примерный объём исследованного текстового массива составляет 20 статей из каждого источника. В ходе исследования были применены такие методы как контекстуальный анализ, метод общей выборки, а также лингвокультурологический метод.

Перейдём к анализу примеров. В отрывке из газеты «The People's Daily Online» за 5 ноября 2017 года (в разделе «Авторская колонка») сказано, что в то время, как США добивается господства в мире, Китай привлекает союзников и стремится к интеграции»: «Но вместо того, чтобы повысить уверенность в приверженности США к стабильности, инициатива Америки показывает, каким образом США меняет мировой порядок. Выстраивание железной стены военной мощи для поддержания господства могло бы успокоить союзников США, таких, как Япония, однако усилия идут противоположно стратегии региона по содействию совместному развитию и бесприкрытому сотрудничеству» [People's ..., 2016–2017].

В указанном примере противопоставление «мы – они» выявляется на фоне политической риторики между Китаем и США. В заголовке статьи были выделены такие лексические единицы как *dominance* и *integration*, которые уже говорят о противоречиях в политической модели мышления Китая и США и выражают отношения «коллективизма-индивидуализма». В данном случае противопоставление заключается в том, что Китай ищет способы и пути интеграции или сближения, является инициатором сотрудничества с важными стратегическими партнерами (в частности США), что отражено во фразе «China gathers friends and seeks integration», а также «Asia-Pacific-focused initiatives». Данное поведение является проявлением коллективистского мышления. В то время как США выстраивает «железную занавес» и добивается мирового господства – «building an iron wall of military power» и «U. S. seeks dominance», что относится к проявлениям индивидуалистского мышления. Стоит отметить, что выражение «win-win cooperation» приспособлено к традиционной китайской идее «согласия», которая является основой для выстраивания гармонических отношений. Другими словами, политика США характеризует ядро «они» и не соотносится с морально-этическими принципами Китая.

Обратимся к семантике лексем *dominance* и *integration* – доминирование и интеграция соответственно. Согласно Кембриджскому толковому словарю [Cambridge dictionary ...], доминирование – это ситуация, в которой одна компания, один продукт и т. п. имеет больше власти, влияния,

успеха по сравнению с другими аналогами («dominance» – «the situation in which one company, product, etc. has more power, influence, or success than others»). В свою очередь, интеграция – это процесс соединения двух объектов в один, присоединения индивидов к группе людей («integration» – «the process of combining two or more things into one»; «the process of becoming part of a group of people» [Cambridge dictionary ...]). Основываясь на приведённых дефинициях можно сделать вывод, что модель поведения США, которая репрезентируется лексемой *dominance* – это стремление к господствующему влиянию в мире, авторитарной власти, которая является главенствующей над всеми остальными странами. В то время как модель поведения Китая, представленная лексемой *integration*, показывает, что он стремится к объединению и сближению стран на политической арене, к нахождению точек соприкосновения со странами, и, как следствие, гармоничному сосуществованию.

Одновременно с этим, политика Китая направлена на взаимное сотрудничество («win-win cooperation»), на процветание не только своей страны, но и всего мира («common development»). Стоит отметить, что следование таким принципам является проявлением коллективистского начала в Китае. Более того, Китай, проявляя инициативы относительно глобальной мировой политики, а также в поисках интеграции не занимается лоббированием только своих интересов и не претендует на главенствующую роль и мировое господство. Максима Лао-цзы, раскрывающая главный принцип китайского этоса, гласит: «Ничего не делай, и всё сделается». «Кто хочет быть маяком миру, должен скрыть свой свет» [Малявин, 2016, с. 25]. Следует пояснить, что с греческого языка слово *этнос* переводится как «обычай, нрав, характер» [Малявин, 2016, с. 25].

Далее, в газете «The People's Daily» за 10 октября 2017 года мы находим следующее: «Трамп проверяет на прочность отношения между США и Южной Кореей при помощи комплекса противоракетных установок»; «Китай неоднократно высказывался против противоракетных установок, заявляя, что они нарушают региональный стратегический баланс и не способствуют миру и стабильности на Корейском полуострове»; «Мы не выступаем против того, чтобы РК приняла необходимые меры для защиты своей безопасности, но они не должны делать этого за счёт интересов безопасности Китая...» [People's ..., 2016–2017].

В указанном отрывке противопоставление «мы – они» раскрывается через политические идеи, которым придерживается китайское правительство. В данном случае речь идёт об установке противоракетных установок ТНААД в ответ на ядерные угрозы со стороны Северной Кореи. В отношении себя Китай заявляет, что он не против («we do not oppose...»), что звучит более мягко, тогда как в отношении Северной Кореи они говорят, что они не должны («they must not do...») – заметно более жёсткая форма. Исходя из этого, можно сделать вывод, что противопоставление реализуется за счёт семантики сильного модального глагола *must*, который имеет значение «серьёзно намереваться что-либо сделать в будущем» («strongly intend

to do something in the future»). Более того, отрицательная коннотация усиливается посредством модального глагола в отрицательной форме.

На основании выделенных лексем, можно заключить, что модель поведения Китая в данной ситуации можно описать как «учитель – ученик». Другими словами, Китай берёт на себя роль лидера и позиционирует себя с точки зрения силы, запрещая Северной Корее агрессивные действия, дестабилизирующие стабильность в регионе.

Следующий пример был найден в информационном блоке «агентство Xinhua», в статье под названием «Spotlight: Expectations run high worldwide on key meeting of world's largest party», опубликованной 18 ноября 2017 года: «Amid a slow recovery of the global economy, a rise of protectionism and isolationism as well as other challenges such as terrorism, China serves as a stabilizer of the world economy and a responsible player that embraces win-win cooperation in global affairs. It's about letting all develop together in a sustainable way and find out our solutions through peaceful ways rather than conflict," he added» – «В центре внимания: ожидания во всем мире после ключевых встреч крупнейших партий в мире»: «В условиях медленного восстановления мировой экономики, рост протекционизма и изоляционизма, а также других проблем, таких, как терроризм, Китай служит стабилизатором мировой экономики и ответственным игроком, который предлагает взаимовыгодное сотрудничество в глобальных делах. Речь идёт о том, чтобы позволить всем развиваться и находить решения мирными способами, а не конфликтами» [Xinhua ... , 2017].

В данном отрывке Китай инициирует мирное решение проблем («find out our solutions through peaceful ways»), нежели чем вступление в конфликт («...rather than conflict»). Ядро «мы» оппозиции «мы – они» характеризует Китай как инициатора и надежного игрока на мировой политической арене («stabilizer of the world economy and a responsible player»). Ядро «они» характеризует США такими лексемами, как «protectionism», «isolationism», «terrorism» и является для Китая «чуждым», не соотносится и отвергается их миротворческой политикой. В данном отрывке репрезентируется оппозиционная модель мирного и конфликтного решения проблем посредством лексем *peaceful* и *conflict*. Согласно толковому словарю [Cambridge dictionary], слово *peaceful* имеет значение «without violence», «quiet and calm» – «не применяющий насилие», «тихий, спокойный». В то время как *conflict* означает активно выражаемое несогласие между людьми, придерживающимися противоположных взглядов и принципов, борьбу между двумя и более группами людей или странами («an active disagreement between people with opposing opinions or principles», «fighting between two or more groups of people or countries»).

Следует отметить, что на грамматическом уровне, мы выделили лексические единицы, образованные с помощью суффикса -ism, такие как *protectionism*, *isolationism*, *terrorism*, обозначающие явления в политической жизни. Важно указать, что эти лексемы несут в себе негативную коннотацию. Данные лексемы характеризуют ядро «они» внутри бинарной

оппозиции «мы – они». Одновременно с этими лексемами, нами были выделены такие лексические единицы *stabilizer* и *player*, которые характеризуют Китай на политической арене. Обе лексемы образованы с помощью суффикса *-er*, имеющего значение «тот, кто выполняет указанное действие, связан с какой-либо деятельностью» [Cambridge dictionary].

Можно сделать вывод, что модель противопоставления строится на основе занимаемых ролей в политике, а также на том, какую политическую форму ведения в политике выбрали страны, что выявляется на грамматическом уровне.

3. Китай глазами китайской политической верхушки

В этой части эксперимента для анализа была использована речь Си Цзиньпина, Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая, Председателя Китайской Народной Республики, на Международном экономическом форуме в Давосе, который состоялся 17 января, 2017 года [Cina.org.cn].

Целесообразно отметить, что в данном выступлении он затронул феномен экономической глобализации, которая рождает противоречия во всём мире. В этой связи, задача Китая разрешить эти противоречия и найти гармонию.

В нижеследующем примере различное восприятие экономической глобализации репрезентируется посредством прецедентных феноменов, использованных в речи Си Цзиньпина на экономическом форуме в Давосе, с точки зрения прочтения Восточной культуры и Западной культуры, отражающих противопоставления.

«Economic globalization was once viewed as the treasure cave found by Ali Baba in The Arabian Nights, but it has now become the Pandora's box in the eyes of many». В данном эпизоде своей речи Си Цзиньпин говорит о преимуществах и недостатках мировой экономической глобализации. В своей риторике, он указывает на то, что мир полон противоречий («...in a world of contradictions»). Кроме того, данное словосочетание можно рассматривать как идиоматическое выражение «и хорошо, и плохо одновременно» или «палка о двух концах». Си Цзиньпин употребляет прецедентные феномены, говоря о двойственности экономической глобализации: с одной стороны, он сравнивает экономическую глобализацию «с пещерой с сокровищами, которую нашёл Али Баба в сказке «Арабские ночи». С другой стороны, он говорит о том, что глобализация становится «ящиком Пандоры». Напомним, что «открытие ящика Пандоры» ассоциируется с чем-то неизвестным, вызывающим страх, несущим беды и страдания». Феномен восходит к мифам Древней Греции. Таким образом, «глобализация» несёт в себе как плюсы, так и минусы. Данная реплика является «чуждым» культурным маркером для Китая и при этом объясняет феномен экономической глобализации с точки зрения иностранной культуры. Каждый из прецедентов обладает яркой аксиологичностью. Они являются носителями социально санкционированных оценок со знаком «плюс» или со знаком

«минус». Обратимся к семантике указанных прецедентных феноменов: *treasure cave found by Ali Baba* (тайное, закрытое, ценное) – *the Pandora's box* (общедоступное, десакрализованное). Эти оппозиции одновременно предполагают и исключают друг друга:

(1) *treasure cave* – «a large amount of money or a large number of valuable objects found hidden somewhere and seeming to belong to no one»;

(2) *the Pandora's box* – «something that creates a lot of new problems that you did not expect».

Очевидно, что основным средством выражения ментальности служит коннотативная семантика, объективирующая такие когнитивные образования, как обыденно-понятийные, образные и даже мифические структуры, составляющие базовые смысловые пласты культурного концепта. Семантика, заключающая в себе культурные признаки, актуализирует противопоставление.

Таким образом, культурные маркеры репрезентирует китайскую культуру, и объясняют менталитет китайцев, что в свою очередь вербализует китайскую риторику в СМИ и формирует взгляд на определённые феномены в мировой политике. Кроме того, обращение к различным культурным феноменам, которые объясняют одно понятие, находит отклик в других культурах (Исламской и Восточной).

4. Заключение

Проанализировав приведённые примеры, мы пришли к выводу, что семантика противопоставления репрезентируется через лексику и грамматику, которые в свою очередь показывают биполярное отражение мира, что выявляется в китайском дискурсе и выражается в отношениях, которые проявляются на культурологическом уровне, а именно Китай и мир, мы и они, коллективизм и индивидуализм, Восточная и Западная культуры, цивилизация и варвары, учитель и ученик, активный деятель и политические процессы. Перечисленные оппозиции выявляют особенности международных отношений Китая с другими странами – как позиционирует себя Китай по отношению к миру, а также культурные особенности Китая, менталитет китайского народа, который был сформирован ещё в древности. Например, принципы и постулаты миропорядка, стабильность, самодостаточность, консерватизм, любовь к чёткой организации и порядку, целостность и гармоничность мира. Более того, противопоставления служат источником познания окружающей действительности и отражают реальность на политической арене в китайских СМИ. Кроме этого, выявленные оппозиции свидетельствуют о том, что наблюдается возвращение Китая к выполнению функции «патрона» в мире, корни которой лежат в историческом процессе становления китайской цивилизации. Однако идея стабильности и роста китайской нации, посредством которой происходит реализация политических интересов, не претендует на ведущую роль. Устойчивость развития и сплочение населения – это возвращение к традиционной модели развития Китая.

При этом, поскольку в Китае категория оппозиции или противопоставления является культурно-обусловленным явлением, которое характеризует китайское мышление и менталитет китайцев, определяет ценности, указанная категория находит своё выражение в ведении политики и в политическом диалоге, освещаемом в китайских СМИ, а также демонстрирует различия между странами.

В результате, бинарные оппозиции раскрываются при диалоге культур, а именно – в диалоге между Китаем и миром, который отображается в китайских СМИ. Вследствие чего, категория бинарных оппозиций раскрывается через призму культурологии в политическом дискурсе. В дополнение, универсальность представлений о бинарной структуре мира находит своё выражение в языке, отражающем фундаментальный принцип восприятия мира человеком.

Итак, мы выделили основные выводы к которым пришли в рамках настоящего исследования.

1. Семантика противопоставления вербализуется посредством языковых средств на лексическом уровне.

2. Биполярность проявляется в противопоставлениях «коллективистское – индивидуалистское», «учитель – ученик», «Восток – Запад», имеющих культурологическую основу.

3. Лексический уровень является наиболее репрезентативным языковым уровнем, который выявляет семантику противопоставления.

4. Китайский язык использует категорию бинарных оппозиций или категорию противопоставления с неявно выраженным элементом. Было выявлено, что то, что значимо для китайского читателя / слушателя, оказывается незначительным для английского читателя / слушателя. Данный вывод был сделан исходя из того, что китайский и английский языки имеют разные семантические поля. В результате этого, английский текст или перевод не охватывает всё семантическое поле значений, которое отражено в аутентичном тексте на китайском языке.

5. За счёт использования первичных смыслов, английский текст воспринимается как текст, соответствующий традиционным западным политологическим конструктам, что позитивно воспринимается западным читателем / слушателем. Однако китайский читатель / слушатель обнаруживает в нём ряд указаний именно на китайские приоритеты, которые утрачиваются для англоязычного слушателя.

6. Проанализированные примеры репрезентируют культурологический разрыв понимания основных идей и политико-цивилизационных интенций между западным и китайским слушателем, что в целом отражает различные стереотипы мышления и мировосприятия.

Список литературы

1. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований [Текст] / О. И. Глазунова. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2000. – 90 с.

2. Иванов, В. С., К вопросу о реконструкции плана содержания древней славянской системы [Текст] / В. С. Иванов, В. Н. Топоров // Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М. : Наука, 1965. – С. 63–218.
3. Леви-Стросс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Стросс. – М., 2011. – 115 с.
4. Малявин, В. В. Китайская цивилизация [Текст] / В. В. Малявин. – М. : Изд-во Астрель, 2000–2003. – 636 с.
5. Малявин, В. В. Китайский этос или дар покоя [Текст] / В. В. Малявин. – Иваново : Изд-во Роща, 2016. – 522 с.
6. Мелетинский, Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки [Текст] / Е. М. Мелетинский // В. Я. Пропп. Собрание трудов: Морфология. Исторические корни волшебной сказки / под ред. И. В. Пешкова. – М. : Лабиринт, 1998. – С. 437–466.
7. Михайлова, Т. Л. Женское молчание как бинарная оппозиция мужскому властному дискурсу [Текст] / Т. Л. Михайлова // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 4. – С. 62–76.
8. Мулляр, А. Диалектика концепта «успех – упадок» в сказочном измерении [Текст] / А. Мулляр // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2007. – № 16. – С. 50–58.
- 9 Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты [Текст] / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 2009. – 543 с.
10. Соловьева, Н. В. Бинарные оппозиции как основополагающие элементы мифологической и фольклорной картины мира [Текст] / Н. В. Соловьева // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Лингвистика». – 2014. – № 4. – С. 63–69.
11. Сухомлинова, Ю. А. Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.01.01 / Сухомлинова Юлия Александровна; Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2005. – 19 с.
12. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии [Текст] / Н. С. Трубецкой. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – 352 с.
13. Хутова, Э. Р. Бинарная оппозиция "любовь / ненависть" в разносистемных языках: лингвокультурологический аспект: на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Хутова Эльмира Руслановна; Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова – Нальчик, 2008. – 184 с.
14. Шарданова, М. А. Эстетическая бинарная оппозиция «прекрасное/безобразное» в разносистемных языках: На материале английского, русского и кабардино-черкесского языков [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.19/ Шарданова Мадина Аниуаровна; Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова – Нальчик, 2006. – 193 с.
15. People's Daily Online [Electronic Resources]. – 2016–2017. – URL: <http://en.people.cn/> (October 10, 2017; November 05, 2017).
16. Xinhua News Agency [Electronic Resource]. – URL: www.xinhuanet.com/english (November 18, 2017).
17. Cambridge dictionary [Electronic Resource] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>
18. China.org.cn [Electronic Resource]. – URL: <http://www.china.org.cn/>

References

1. Glazunova, O. I. (2000). *Logika metaphoricheskikh preobrazovanij* [The logics of metaphoric transformations]. St-Petersburg : Philological Faculty of St-Petersburg State University.
2. Ivanov, V. S., Toporov, V. N. (1965). К вопросу о реконструкции плана содержания древней славянской системы [Reconstructing the content of ancient Slavic system]. *Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie systemy* [Slavic studies modeling semiotic systems] (pp. 63–218). Moscow : Nauka Press.
3. Levi-Stross, K. (2011). *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow.
4. Malyavin, V. V. (2016 a). *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow : Astrel' Press.
5. Malyavin, V. V. (2016 b). *Kitaiskiy ethos i dar pokoya* [Chinese ethos and the gift of calmnes]. Ivanovo : Roshchya Press.
6. Meletinskiy, E. M. (1998). Структурно-типологическое изучение сказки. In I. V. Peshkov, V. Ya. Propp. *Sobranie trudov: Morfologiya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [V. Ya. Propp. A collection of works: Morphology. Historical roots of Fairy tale] (pp. 437–466). Moscow : Labirint Press.
7. Mikhaylova, T. L. (2008). Zhenskoe molchanie kak binarnaya oppozitsiya muzhskomu vlastnomu diskursu [Female silence as opposed to male power discourse]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 4, 62–76.
8. Mullyar, A. (2007). Dialektika kontsepta «uspeh-upadok» v skazochnom izmerenii [Dialectics of the concept «success – decay» in tale measurement]. *Vestnik Chelyab. gos. un-ta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 16 (3), 50–58.
9. Rudnev, V. P. (2009). *Entsiklopedicheskiy slovar' kultury XX veka. Klyucheve ponyatiya i teksty* [Encyclopedic dictionary of 20 century culture. Key notions and texts]. Moscow : Agraf Press.
10. Solovyeva, N. V. (2014). Binarnye oppozitsii kak osnovopolagayuchie elementy mifologicheskoi i pol'klornoj kartiny mira [Binary oppositions as fundamental elements of mythology and folklore]. *Vestnik Mosk. gos. un-ta. Ser. «Lingvistika»* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: «Linguistics»], 4, 63–69.
11. Sukhomlinova, Yu. A. (2005). *Binarnye oppozitsii v tvorchestve Andrey Platonova* [Binary oppositions in Andrey Platonov's works] : Author's abstract of PhD in Philol. sci. diss. Samara State Pedagogical University.
12. Trubetzkoy, N. S. (2000). *Osnovy fonologii* [Principles of Phonology]. Moscow : Aspect Press.
13. Khutova, E. R. (2008). *Binarnaya oppozitsiya «lyubov' / nenavist'» v raznosistemnykh yazykakh: lingvokul'turologicheskiy aspekt: na materiale russkogo, angliyskogo i kabardino-cherkesskogo yazykov* [Binary opposition «love/hate» in languages of different structure: Lingual and cultural aspects: Based on Russian, English and Kabardino-Cherkess]. Author's abstract of PhD in Philol. sci. diss. Kabardino-Balkarian State University. Nalchik.

14. Shardanova, M. A. (2006). *Esteticheskaya binarnaya oppozitsiya «prekrasnoe/ bezobraznoe» v raznosistemnykh yazykakh: na materiale angliyskogo, russkogo i kabardino-cherkesskogo yazykov* [Aesthetic binary opposition «beautiful / ugly» in languages of different structure: Based on Russian, English and Kabardino-Cherkess]. Author's abstract of PhD in Philol. sci. diss. Kabardino-Balkarian State University. Nalchik.
15. People's Daily Online (2016–2017). Retrieved October 10, 2017 ; November 05, 2017 from <<http://en.people.cn/>>.
16. Xinhua News Agency (2017). Retrieved October 10, 2017 from <www.xinhuanet.com/english>.
17. Cambridge dictionary [Electronic Resource]. Retrieved from <<https://dictionary.cambridge.org/ru/>>.
18. China.org.cn [Electronic Resource]. – 10. Solovyeva, N. V. (2014). Binarnye oppozitsii kak osnovopolagayuchie elementy mifologicheskoi i phol'klornoi kartiny mira [Binary oppositions as fundamental elements of mythology and folklore]. Vestnik Mosk. gos. un-ta. Ser. «Lingvistika» [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: «Linguistics»], 4, 63–69.

УДК 81'373
UDC 81'373

Морозов Никита Викторович
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Nikita V. Morozov
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
sof8675@mail.ru

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ АРАБИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ **THE HISTORY OF BORROWINGS FROM ARABIC INTO RUSSIAN**

Аннотация

Лексический пласт любого языка представлен исконными словами и заимствованиями из других языков. В настоящей статье рассматриваются арабизмы и история их появления в русском языке. Материалом для исследования послужили этимологические словари. В результате проведённого анализа удалось составить список из 41 косвенного арабизма, распределив их по тематическим группам и проследив этапы вхождения каждого из них в русский язык. Было выявлено, что заимствование из арабского в русский проходило через турецкий, латинский, французский, английский, немецкий, испанский, итальянский и польский языки, отражая экономическое, политическое и культурное взаимодействие России с соответствующими странами. Источники ряда арабизмов по-прежнему остаются спорными и нуждаются в дальнейшем изучении.

Abstract

Lexical level of a language is represented by authentic words and a number of loanwords from other languages. The present article focuses upon the Arabisms and the history of their appearance in the Russian language. The material for the study were etymological dictionaries. The result of the analysis enabled to compile a list of the indirect Arabisms consisting of 41 units for which it was possible to trace the stages of their introduction into Russian; these units were further sorted into subject groups. It was found that that introduction had occurred via Turkish, Latin, French, English, German, Spanish, Italian and Polish reflecting economic, political and cultural interaction of Russia with those countries. The sources of a number of Arabisms are still arguable and need further research.

Ключевые слова: арабизмы, заимствования, этимология, стадии вхождения в принимающий язык, культурный обмен.

Keywords: Arabisms, loanwords, etymology, stages of introduction into recipient language, cultural exchange.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2_69_78

1. Введение

Что представляет собой лексический пласт русского языка? В первую очередь, конечно же, исконно русские слова (условно назовём их первой группой лексических единиц). Но также в нём присутствует и немалая доля заимствований из других языков (условно – вторая группа лексических единиц). Когда речь заходит о второй группе, то сразу же на ум приходят заимствования из греческого, немецкого, голландского, английского и тюркских языков. Но задумывались ли мы когда-нибудь о количестве слов арабского происхождения, которые стали неотъемлемой частью нашего языка? Таки слова называются арабизмами.

Арабизмы – это слова или обороты речи, заимствованные из арабского языка; обороты, построенные по образцу арабского языка [Новый словарь ...]. Арабизмы присутствуют во многих языках: турецком, испанском, французском, английском, польском и других. Русский язык – не исключение. В языке-реципиенте эти слова проходят фонологическую и грамматическую адаптацию (см., напр., описание особенностей адаптации арабизмов в Галисийском языке [Sayahi, Thomas, 2005], фонетические и грамматические адаптации арабизмов в русском языке [Бахтиярова, Фаткуллина, 2015], сравнение указанных процессов в русском и татарском языках [Валлиулина, 2004]).

Точно неизвестно, сколько их в русском языке. Так, Т. П. Гаврилова приводит цифру в 193 слова, М. Х. Халлави [Халлави, 1986] же считает, что их заметно больше – 260. Арабизмы можно разделить на прямые (например, *шариат*, *хадис*, *имам* и др.) и косвенные (например, *жасмин*, *матрас*, *лак* и др.). В данной статье рассматривается только второй тип, поскольку прямые заимствования в большинстве своём относятся к исламской лексике, а посему редко используются или не вообще используются теми, кто не относит себя к данной религии.

2. Косвенные арабизмы

Цель настоящего исследования – не только выявить косвенные заимствования из арабского, но и по возможности рассказать об истории их появления в русском языке. Проанализировав этимологические словари М. Фасмера [Фасмер, 1987], А. В. Семёнова [Семёнов, 2003], Н. М. Шанского [Шанский, 2004], Х. К. Баранова [Баранов, 2007], М. Э. Рут [Рут, 2009], удалось найти 41 косвенный арабизм. Ниже представлены все найденные арабизмы. Для удобства описания они были сгруппированы по сферам применения (полную классификацию всех арабизмов см. в работе В. В. Резцовой [Резцова, 2011]).

Животные и растения

1. *Кофе* – изначально имело форму кофей / кофий. Стало частью русского языка в 1724 году благодаря заимствованию из английского (*coffe*) или голландского (*koffie*). Пришло в европейские языки из турецкого (*kahve*), а в турецкий из арабского (قهوة / *кахъа*).

2. *Жираф* – используется с середины XVIII века. Было заимствовано из французского (*girafe*), восходит к арабскому *زرافة* (*зирафа*).

3. *Попугай* – первым упоминанием сей дивной птицы на русском можно считать текст описи имущества Бориса Годунова, датируемый 1588 годом. Заимствовано из испанского (*paragayo*) или французского (*paragai*). Происходит от арабского слова *بيغاء* (*бабага*).

4. *Гашиш* – сие название происходит или от арабского (*حشيش* / *ха-ишиш*), или от персидского (*حشيش* / *хашеша*), однако в обоих языках под ним подразумевается сухая трава.

5. *Жасмин* – слово, что пришло к нам из французского языка в XIII веке, происходит от арабского *ياسمين* (*ясмин*).

6. *Лимон* – нет однозначного ответа, когда это слово появилось в русском языке. Так, одни исследователи считают, что оно пришло к нам в XV – XVI веках, потому как, во-первых, фамилия Лимонов известна уже с 1490 года, а во-вторых, лимоны упоминаются в «Домострое». Другие полагают, что сие произошло в XVII веке, после того как Пётр I привёз лимоны из Голландии, столь любившиеся ему во время Великого посольства. Слово было заимствовано из итальянского (*limone*) или даже греческого языка (*λιμόνι*). Происходит от арабского *ليمون* (*лямун*).

7. *Банан* – есть мнение, что данное слово имеет арабское происхождение и образовано от *بنان*, что можно перевести как «палец, кончик пальца». В русский язык попало в XVIII веке из французского (*banane*).

8. *Барбарис* – восходит к арабскому слову *بربريس* (*бербарис*), означающего «род раковины», потому как данное растение получило такое название благодаря сходству его плодов с раковинной. Заимствовано в XVIII веке из латинского языка (*berbaris*).

Одежда

1. *Маска* и *маскарад* – эти слова пришли в русский язык из французского во время правления Петра I. Они происходят от арабского слова *مَسْخَرَة* (*масхара*), что можно было перевести как «насмешка».

2. *Халат* – данное слово было заимствовано из турецкого языка (*hilat*), где имело значение «кафтан». Происходит от арабского *خَلْعَة* (*хил'а*), что можно перевести как «почётная одежда».

3. *Бязь* – слово *باز* (*базз*) попало в русский язык во время правления Бориса Годунова (1585–1605) и с тех пор не поменяло своего значения – плотная хлопчатобумажная ткань.

4. *Юбка* – временем появления данного слова считается XVI век. Именно тогда оно было заимствовано из польского языка (*jure*). Изначально имело форму «юпка», и только в XVIII веке оно приобрело «современный вид». Образовано от арабского *جوبَة* (*джюбба*), под которым понималось «нижнее платье из хлопчатобумажной ткани».

5. *Шуба* – мнения исследователей об этимологии данного слова, можно сказать, противоположны. Так, первые настаивают на его праславянском происхождении, вторые же возводят к тому же арабскому слову, от которого произошла и «юбка».

6. *Каблук* – встречается как минимум с начала XVI века. Одни исследователи полагают, что это слово имеет славянское происхождение, иные считают, что оно заимствовано из тюркских языков, куда в свою очередь пришло из арабского (كعب / кяб – «пята, пятка»).

Наука (физика, химия, биология, геология, математика)

1. *Алгебра* – «восстановление, восполнение» (الجبر / аль-джабр), от заглавия классической книги среднеазиатского математика Аль-Хорезми *الكتاب المختصر في حساب الجبر والمقابلة* («Краткая книга о восполнении и уравновешивании», 825 г.), где под الجبر понимается восполнение – операция переноса вычитаемых из одной части уравнения в другую, позволявшая избежать появления в уравнении, в современных терминах, унарного минуса, поскольку в то время исламская математика почти не умела обращаться с отрицательными числами.

2. *Алкоголь* – происходит от арабского слова الكحل (аль-кухуль), под которым изначально подразумевалась сурьма. Другая точка зрения связана с его происхождением от близкого по написанию, но совершенно другого по произношению и значению слова الكحول, «винный спирт» [Загоровская, Маджмае, 2017, с. 143–144]. Однако мы считаем, что данное слово является обратным заимствованием из европейских языков. Дело в том, что в значении «винный спирт / этанол» оно впервые было использовано в 1753 году, а систематически использоваться начало только с 1850 года, посему оно не могло сразу прийти в западноевропейские языки в таком значении. Также стоит отметить, что ни в одном из используемых для анализа этимологических словарей алкоголь не восходит к الكحول. И ещё один важный момент: изначально слова الكحل и الكحول представляли собой единственную и множественную форму одного слова и по этой причине имели одинаковые смыслы. Кстати говоря, основным значением слова الكحل и по сей день является «сурьма».

3. *Алмаз* – данное слово как название драгоценного камня и самого твердого минерала впервые встречается в письменных памятниках древнерусского языка с XV в. В начале XVII в. слово «алмаз» зафиксировано Р. Джемсом (1618–1619 гг.). В русский язык форма «алмас» пришла из восточных языков – скорее всего, из арабского (الماس / аль-мас) через татарский.

4. *Лак* – пришло из немецкого (*lack*) или голландского (*lak*), однако впервые оно зафиксировано ещё в 1502 году в знаменитых записях Афанасия Никитина «Хождение за три моря». Слово происходит от арабского لآك (*лякк*), которое, вероятно, восходит ещё к фарси и хинди.

5. *Мазут* – пришло к нам в конце XIX века из турецкого языка. В свою очередь турецкое mazot восходит к арабскому مَهْزُولَات (*махзулат*), под которым понималось «отбросы» или «отходы».

6. *Нашатырь* – попало в русский язык благодаря тюркским языкам в XVII веке. Происходит от арабского نشادر (*нашадыр*), что можно перевести как «аммиак».

7. *Цифра* – впервые встречается в учебнике 1703 года «Арифметика» Леонтия Филипповича Магницкого, созданного по приказу Петра I. Зна-

чально имело форму «цифирь», было заимствовано или из немецкого (*ziffer*), или из польского (*cyfra*), а в них пришло из латыни (*cifra*). Происходит от арабского *صفر* (*сифр*), означающего «ноль».

8. *Шифр* – как и слово «цифра», «шифр» происходит от арабского слова *صفر* (*сифр*), означающего «ноль». Заимствовано из французского языка (*chiffre*) в середине XVIII века.

9. *Эликсир* – присутствует в русском языке с XVII века, однако привычную нам форму приобрело не сразу. Были известны различные вариации написания, среди которых «елексир», «алексир» и «олексир». Заимствовано из западноевропейских языков, куда в свою очередь попало из арабского языка (*الإكسير* / *аль-иксир*).

10. *Ладан* – пришло в русский язык из греческого (*λάδανον*). Впервые встречается в «Хождении игумена Даниила», датированном XII веком. Происходит от арабского *لَادْن* (*ладен*), что можно перевести как «ароматическая смола». Данное слово можно отнести и к другой тематической группе – религия.

11. *Раса* – стало частью русского языка во второй половине XIX века благодаря заимствованию из французского (*race*). Восходит к арабскому *راس* (*рас*), что означает «порода».

12. *Сироп* – начинает употребляться с XVIII века. Произошло от французского *sirop*, означающего «патока», которое восходит к арабскому *شراب* (*шараб*), что переводится как «напиток».

Военно-политическая сфера

1. *Адмирал* – слово *أمير البحر* (*амир аль-бахр*), что означает «повелитель моря» пришло к нам через голландский язык (*admiraal*) во время правления Петра I.

2. *Арсенал* – хотя в словарях это слово появляется только с 1780 года, заимствовано было несколько раньше, а именно – в петровскую эпоху. Пришло из западноевропейских языков, вероятно, из французского (*arsenal*) или итальянского (*arsenale*). Восходит к арабскому слову (*الصناعة* / *дар аш-шина*), означающему «дом промышленности».

3. *Казна* – пришло из тюркских языков примерно в XIV веке, в письменном виде впервые встречается в «Сказании о Мамаевом побоище». Восходит к арабскому слову *خَزِينَةٌ* (*хазина*), что можно перевести как «сокровище».

4. *Тариф* – впервые встречается в документе под названием «Устав морской о всём, что касается к доброму управлению в бытность флота на море», что был лично составлен и издан Петром I в 1720 году. Заимствовано из немецкого языка (*tarif*). Восходит к арабскому слову *تعرفة* (*тариффа*), означающему «извещение о пошлинных сборах».

Искусство

1. *Альманах* – арабское слово (*المَنَاح* / *аль-манах*), попавшее в русский язык, изначально означало «календарь». Заимствовано из немецкого (*almanach*) примерно в XVI веке.

2. *Лютня* – пришло в русский из польского (*lutnia*) в XVII веке. Восходит к арабскому العود (*аль-уд*), означающее «дерево».

Состояние

1. *Азарт* – стало в ходу во время правления Петра I. Изначально употреблялось в форме «газард», что указывает на заимствование из немецкого (*hazard*). Ведёт своё происхождение от арабского الزهر (*аз-захр*), под которым подразумевалась «игральная кость».

2. *Кайф* – слово, заимствованное непосредственно из арабского языка (كاييف / кэйф «приятное безделье»), изначально употреблявшееся в форме «кейф». Впервые встречается в 1821 году у русского и польского востоковеда О. И. Сенковского в его заметках, где он делится своими впечатлениями о Египте.

Места

1. *Бакалея* – происходит от арабского слова بقل (*бакл*), что переводится как «травы, овощи или зелень». Пришло в русский язык в XVII веке из турецкого (*bakkaliye*).

2. *Гибралтар* – является испанизированным вариантом арабского словосочетания جبل طارق (*Джабаль Тарик*), означающего «гора Тарика». Название было дано в честь арабского полководца Тарика ибн Зияда, который возглавлял арабское вторжение на Пиренейский полуостров.

3. *Магазин* – заимствовано в XVIII веке из немецкого языка (*magasin*). Происходит от арабского مخازن (*махзан*), что означает «склад».

4. *Гарем* – пришло в русский язык из французского (*harem*) во времена Петра I. Восходит к арабскому слову حرام (*харам*), под которым понимается нечто запретное.

Прочее

1. *Авария* – является частью русского языка с середины XVIII века. Вероятнее всего, было заимствовано из немецкого языка (*havarie*). Восходит к арабскому عوار (*ауар*), что можно перевести как «повреждение».

2. *Бедуин* – присутствует в русском языке с XIX века. Заимствовано из немецкого (*beduin*), куда в свою очередь попало из арабского (بدوين / *бедауин*).

3. *Матрас* – в русский язык это слово попало из немецкого (*Matratze*) и сперва писалось через «ц». Спустя какое-то время оно приобрело привычную для нас форму, потому как в остальных европейских языках, например, в итальянском (*materasso*) и английском (*mattress*), оно писалось и произносилось через «с», вот и в русском языке стали говорить на новый лад, ведь такая форма гораздо проще что в произношении, что в суффиксальном словообразовании. «Матрас» является арабизмом и происходит от مطرَح (*матрах*), под которым подразумевалась «подушка».

В данный список вошли практически все найденные арабизмы, часть же слов не была включена по причине недостаточной информации об их этимологии и истории появления в русском языке. Здесь же стоит отме-

тить, что точность транслитерации арабских слов весьма относительна, так как русский и арабский языки пользуются разными звуковыми и графическими системами.

Нетрудно заметить, что большинство заимствований произошло из западноевропейских языков и относится к XVI – XVIII векам. Также имеют место быть и заимствования из тюркских языков, преимущественно турецкого, которые относятся к XIX веку. Давайте же углубимся в историю и посмотрим, почему мы имеем именно такую картину (более подробно см. исторический аспект в следующих работах: [Виноградов, 1982, с. 68–71 ; Дейниченко, 2008 а, б ; Алексеева, 2014 ; Таки, 2017]).

Итак, начнём со Смутных времён (1598–1613). Можно считать, что этот столь тяжёлый для нашей страны период начался с того момента, как Григорий Отрепьев объявил себя Дмитрием, чудесным образом спасшимся сыном Ивана IV. Лжедмитрий I, как его потом назовут, заручился поддержкой польских князей и даже короля Сигизмунда III, после чего отправился с их войском в Россию. Пожалуй, данный момент можно считать началом тесных культурных связей, потому как во время всего периода Смуты польские войска в той или иной мере присутствовали на территории России, да и после окончания оккупации на Западе России осело множество польских солдат, что не могло пройти бесследно. Примерно тогда же польские обычаи и становятся неотъемлемой частью жизни элиты.

По окончании Смутного времени бразды правления приняли Романовы, при которых продолжилось укрепление культурных связей. Так, при Михаиле Фёдоровиче и Алексее Михайловиче началась активная торговля со странами Западной Европы, а также было организовано почтовое сообщение с польскими и ливонскими городами.

При Петре I культурное взаимодействие с европейскими странами достигло апогея. В 1697 началась дипломатическая миссия в Европу, именуемая Великим посольством. По возвращении в Россию началась активная преобразовательная деятельность, именно тогда в Россию было приглашено множество иностранцев, проведена масштабная реформа образования.

При последующих правителях продолжился культурный обмен, вследствие чего французский язык стал официальным в высших кругах российского общества, что стало причиной огромного числа заимствований. В то же время в русский язык начали проникать слова, связанные со сферой искусства, из испанского и итальянского языков, часть из которых были арабизмами. В этом и состояла причина, способствовавшая активному заимствованию слов из европейских языков.

Наконец, рассмотрим условия, при которых в русском языке начали появляться заимствования из тюркских языков. В первой половине XIX века начинается развитие российского востоковедения, в высших учебных заведениях появляются кафедры восточных языков. В этот же период становятся частыми путешествия в Османскую империю, после которых зачастую оставались путевые заметки, описывающие её жизнь или же сравнивающие данное государство с Российской империей. На XIX век

также приходится время экспансии России в Средней Азии. Эти факторы и стали причинами заимствований из турецкого и других тюркских языков в русский. И вновь часть этих заимствований оказываются арабизмами.

3. Заключение

Проведённое исследование показало, что в русском языке довольно много арабизмов, и почти все они попали в него через другие языки: преимущественно западноевропейские и тюркские. Для рассмотренных в настоящей статье слов заимствование протекало в длительный период с XII по XIX века.

Как можно заметить, большую часть представленных косвенных заимствований составляют научные термины, а также названия растений и животных. Заимствования происходили в периоды тесных культурных контактов, вызванных определёнными историческими событиями. В то же время, нельзя не признать, что целый ряд этимологических интерпретаций, предложенных в настоящей статье, не являются однозначными. Изучение других возможностей вхождения этих и других спорных арабизмов в русский язык составит перспективу исследования.

Список литературы

1. Алексеева, Е. В. Польское влияние в России XVII века / Е. В. Алексеева // Вестник Пермского ун-та. – 2014. – № 2 (25) – С. 14–21.
2. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М. : Живой язык, 2007. – 944 с.
3. Бахтиярова, А. Н. Арабские заимствования в лексической системе русского языка / А. Н. Бахтиярова, Ф. Г. Фаткуллина // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (27) – С. 6124–6128.
4. Валлиулина, Л. К. Лексика арабского происхождения в русском и татарском языках: сопоставительный аспект : дисс. ... канд. филол. наук 10.02.20 / Валлиулина Луиза Керамовна ; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2004. – 163 с.
5. Виноградов, В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – Т. 4. – 3-е изд. – М. : Высшая школа, 1982. – 529 с.
6. Гаврилова, Т. П. История арабской по происхождению лексики в русском языке (на материале памятников XII-XVIII вв.) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Гаврилова Т. П. ; Моск. гос. пед. ун-т. – М. ;, 1981. – 23 с.
7. Дейниченко, П. Г. Империя. От Екатерины II до Сталина / П. Г. Дейниченко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008 а. – 192 с.
8. Дейниченко, П. Г. Начало правления Романовых. От Петра I до Елизаветы / П. Г. Дейниченко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008 б. – 192 с.
9. Загоровская, О. В. Спорные вопросы этимологии и семантики арабских заимствований, функционирующих в современном русском языке [Текст] / О. В. Загоровская, Х. К. М. Маджмае // Известия ВГПУ, Гуманитарные науки. Филологические науки. – 2017. – № 3 (276). – С. 141–145.

10. Новый словарь иностранных слов [Электронный ресурс] // Словари, энциклопедии, справочники – Slovar.cc. – URL : <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1419714.html>
11. Резцова, В. В. Лексико-тематическая классификация арабизмов в русском языке [Электронный ресурс] // Вестник РАЕ. – 2011. – URL: <http://rae.ru/forum2011/pdf/1522.pdf> (Дата обращения: 01/10/2014).
12. Рут, М. Э. Этимологический словарь русского языка для школьников / М. Э. Рут. – М. : АСТ МОСКВА, 2009. – 304 с.
13. Семёнов, А. В. Этимологический словарь русского языка. / А. В. Семёнов. – М. : Юнвес, 2003. – 704 с.
14. Таки, В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян / В. Таки. – Новое литературное обозрение, 2017. – 320 с.
15. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4т. / М.Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – 1–4 т.
16. Халлави, М. Х. Лексические арабские заимствования в современном русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Халлави Мухаммед Хуссейн, Салим. – М. : Ун-т дружбы народов, 1986. – 15 с.
17. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т.А. Боброва. – М. : Дрофа, 2004. – 400 с.
18. Sayahi, L., Thomas, J. A. Morphophonological and semantic adaptation of Arabisms in Galician // Languages, Literatures and Cultures Faculty Scholarship. – 2005. – N 7. – URL : http://scholarsarchive.library.albany.edu/cas_llc_scholar/7

References

1. Alekseeva, E. V. (2014). Pol'skoe vliyanie v Rossii XVII veka [Polish influence on Russia in XVII century]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald. History], 2 (25), 14–21.
2. Baranov, Kh. K. (2007). *Arabsko-russkiy slovar'* [Arab-Russian dictionary]. Moscow : Zhivoy yazyk Press.
3. Bakhtiyarova, A. N., Fatkullina, F. G. (2015). Arabskie zaimstvovaniya v leksicheskoy sisteme russkogo yazyka [Arabi loanwords in the lexical system of the Russian language]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2 (27), 6124–6128.
4. Valliulina, L. K. (2004). *Leksika arabskogo proiskhozhdeniya v russkom i tatarskom yazykakh: sopostavitel'nyy aspekt* [Lexicon of Arabic origin in Russian and Tartar]. PhD in Philol. sci. dis. ; Chuvash State University. Cheboksary.
5. Vinogradov, V. V. (1978). *Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Selected works. The history of Russian literary language] Vol. 4. 3d ed. Moscow.
6. Gavrilova, T. P. (1981). *Istoria arabskoy po proishozhdeniu leksiki v russkom yazyke (na materiale pamyatnikov XII-XVIII vv.)* [The history of Arabic lexical borrowings in Russian (Based on XII-XVIII centuries literature)]. Author's abstract of PhD in Philol. sci. dis. Moscow : Moscow State Pedagogical University.
7. Deynichenko, P. G. (2008 a). *Imperiya. Ot Ekateriny II do Stalina* [The Empire. From Ekaterina II to Stalin]. Moscow : OLMedia Grupp Press.

8. Deynichenko, P. G. (2008 b). *Nachalo pravleniya Romanovykh. Ot Petra I do Elizavety* [The beginning of Romanov's dynasty rule. From Peter I to Elizaveta]. Moscow : OLMA Media Grupp Press.
9. Zagorovskaya, O. V., Madzhmae, X. K. M. (2017). Sporny'e voprosy' e'timologii i semantiki arabskix zaimstvovaniy, funkcioniruyushhix v sovremennom russkom yazy'ke [Controversial issues of the etymology and semantics of Arabic borrowings, functioning in the modern Russian language]. *Izvestiya VGPU, Gumanitarny'e nauki. Filologicheskie nauki* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences], 3 (276), 141–145.
10. Novy'j slovar' inostranny'x slov [New dictionary of foreign words]. Slovari, e'nciklopedii, spravochniki [Dictionaries, encyclopedia, manuals]. Slovar.cc. Retrieved from <<https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1419714.html>>.
11. Reztsova, V. V. (2011). Leksiko-tematicheskaya klassifikaciya arabizmov v russkom yazy'ke [Leksiko-thematic classification of Arabisms in Russian]. *Vestnik RAE* [Vestnik of Russian Academy of Natural Sciences]. Retrieved October 1, 2014 from <<http://rae.ru/forum2011/pdf/1522.pdf>>.
12. Rut, M. E. (2009). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka dlya shkol'nikov* [Etymological dictionary of Russian for secondary school]. Moscow : AST MOSKVA Press.
13. Semenov, A. V. (2003). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian]. Moscow : Yunves Press.
14. Taki, V. (2017). *Tsar' i sultan. Osmanskaya imperiya glazami rossiyan* [Tsar and Sultan. Ottoman Empire in the eyes of Russian people]. Novoe literaturnoe obozrenie Press.
15. Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian] in 4 volumes. Moscow : Progress.
16. Khallavi, M. X. (1986). *Leksicheskie arabskie zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazy'ke* [Arabic lexical borrowings in modern Russian]. Author's abstract of PhD in Philol. sci. dis. Moscow : RUDN University.
17. Shanskiy, N. M., Bobrova, T. A. (2004). *Shkol'nyy etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Secondary school etymological dictionary of Russian]. Moscow : Drofa Press.
18. Sayahi, L., Thomas, J. A. (2005). Morphophonological and semantic adaptation of Arabisms in Galician. *Languages, Literatures and Cultures Faculty Scholarship*, 7, 23–42. Retrived from <http://scholarsarchive.library.albany.edu/cas_llc_scholar/7>.

УДК 811.111
UDC 811.111

Розенкова Христина Евгеньевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Christina E. Rozenkova
Perm State National Research University
Perm, Russian Federation

Шустова Светлана Викторовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Svetlana V. Shustova
Perm State National Research University
Perm, Russian Federation
info@psu.ru

**АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**
**ANIMALISTIC CODE:
CONTRASTIVE AND LINGUODIDACTIC ASPECTS**

Аннотация

В статье рассматривается понятие коммуникативной компетенции; в её структуре выделяются субкомпетенции, для успешного овладения которыми существует необходимость в освоении культурных кодов. Приводится дефиниция и классификация кодов культуры с точки зрения лингвокультурологии. Результаты ассоциативного эксперимента, проведённого среди учеников 6 и 9 классов, наглядно показывают особенности отражения анималистических образов в мышлении детей, что позволяет получить представление об их наивной картине мира. Англоязычная и русскоязычная картины мира сопоставляются и сравниваются на материале фразеологических единиц, содержащих компоненты-зоонимы *волк* (wolf) и *овца* (sheep). Предлагается методика обучения этим единицам и делается вывод о перспективности освоения учащимися анималистического и других кодов культуры изучаемого языка с целью формирования иноязычной коммуникативной компетенции.

Abstract

In this article, the notion of communicative competence is defined and structured. In order to successfully develop some of the subcompetences that constitute the communicative competence, it is necessary to study culture codes. The concept of culture code is defined, and its classification is provided from the point of view of linguoculturology. The results of an association experiment performed among the students of the 6th and 9th grades show the peculiarities of how certain animalistic images are reflected in children's minds, which helps

to get the general idea of their worldview. The English and the Russian linguistic worldviews are compared on the material of phraseological units containing zoonym components *volk* (wolf) and *ovtsa* (sheep). Methods of teaching are suggested, and the authors conclude that acquisition of the animalistic code and other culture codes by ESL students is a promising means of foreign language communicative competence formation.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, культурный код, анималистический код, языковая картина мира, фразеология.

Keywords: communicative competence, culture code, animalistic code, linguistic worldview, phraseology.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2_79_90

1. Введение

На современном этапе развития российского образования был взят курс на внедрение компетентностного подхода, что подразумевает усиление прикладного, практического характера получаемых учащимися знаний. Базовые категории данной образовательной модели – компетенция и компетентность – были введены в научный оборот американским лингвистом Н. Хомским [Chomsky, 1965]. Следует отметить, что проблема дефиниции термина компетенция до сих пор остается одним из самых противоречивых вопросов в сфере общей и прикладной лингвистики. В рамках нашего исследования мы предлагаем рассматривать компетенцию как совокупность знаний, умений и навыков, приобретаемых учащимися в ходе занятий по тому или иному предмету и составляющих содержание обучения.

В методической литературе описывается множество различных видов компетенций, которые, в свою очередь, подразделяются на более частные компетенции, или субкомпетенции, составляя единое взаимосвязанное «древо компетенций». Формирование коммуникативной компетенции учащихся провозглашается основной целью преподавания иностранных языков в современной методике и лингводидактике. Автором данного термина считается Д. Хаймс, определивший коммуникативную компетенцию как способность применять грамматику языка в разнообразных коммуникативных ситуациях [Hymes, 1972]. Р. П. Мильруд, продолжая мысль Д. Хаймса, предлагает рассматривать коммуникативную компетенцию как знание языка и умение его использовать и выделяет следующие субкомпетенции: лингвистическая (знание грамматических правил, лексики и фонетики), дискурсивная (способность к организации речи и построению связных текстов), прагматическая (способность получать требуемый результат речевой деятельности), стратегическая (умение компенсировать недостаточность языковых средств и предупреждать случаи непонимания), социокультурная (умение соблюдать правила участия в жизни иной культуры и эффективно строить межкультурный диалог) [Мильруд, 2003, с. 6; 2017, с. 255].

Е. Н. Соловова предлагает также выделять социолингвистическую (способность осуществлять выбор языковых форм, использовать их и преобразовывать в соответствии с контекстом) и социальную (готовность и желание взаимодействовать с другими) компетенции [Соловова, 2002, с. 6–11]. В перечне составных компонентов коммуникативной компетенции Л. П. Клобуковой, помимо вышеперечисленных, значатся также страноведческая компетенция (способность учитывать в иллокутивных актах общения особенности страны, истории народа, язык которого изучают и с представителем которого идет общение) и предметная компетенция (знания о предмете речи) [Клобукова, 2002].

В русле нашего исследования особую актуальность приобретают вопросы формирования лингвистической, страноведческой, социокультурной и предметной компетенций как составляющих иноязычной коммуникативной компетенции. Для успешного овладения перечисленными компетенциями существует необходимость в освоении учащимися представлений и оценок, обусловленных структурирующими иноязычную картину мира культурными кодами.

2. Понятие культурных кодов

Понятие культурных кодов лежит в основе лингвокультурологического метода во фразеологии ([Телия, 1996 ; Красных, 2002 ; Гудков, Ковшова, 2007] и др.). В. В. Красных предлагает два определения культурного кода – с точки зрения культуры и языка. «Если сделать акцент в первую очередь на культуре, то код культуры может рассматриваться как своего рода "сетка", которую культура набрасывает на окружающий мир и благодаря которой представители данной культуры этот мир членят, категоризируют, оценивают и под. Если отталкиваться от языковой составляющей, то код культуры предстаёт как совокупность имён или их сочетаний, которые обладают, помимо собственно денотативного значения, культурноносными смыслами» [Красных, 2014, с. 172]. Определение, данное Д. Б. Гудковым и М. Л. Ковшовой, звучит следующим образом: «Культурный код – это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках» [Гудков, Ковшова, 2007, с. 9]. «Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т. п. миров, мира предметного <...>, природно-ландшафтного или духовно-религиозного и под.» [БФСРЯ, 2017, с. 13]. В. Н. Телия и авторский коллектив «Большого фразеологического словаря русского языка» выделили пятнадцать кодов культуры, уточнив при этом, что их список остаётся открытым: 1) антропный, или собственно человеческий, код; 2) зооморфный код; 3) растительный код; 4) природный код; 5) артефактно-вещевой код; 6) вещно-костюмный код; 7) гастрономический код; 8) архитектурный код; 9) духовно- и / или религиозно-антропоморфный код; 10) религиозно-артефактивный код; 11) временной код; 12) пространственный код; 13) ко-

личественный (числовой) код; 14) цветовой код; 15) телесный (соматический) код [Гудков, Ковшова, 2007, с. 96–99].

Поскольку апробация учебных материалов, разработанных в рамках нашего исследования, проводилось среди учащихся шестых классов, учитывая возрастные интересы, мы остановили свой выбор на изучении анималистического (зооморфного) культурного кода, который является «совокупностью обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных, которые выступают как источник осмысления человеком мира» [БФСРЯ, 2017, с. 332].

3. Эксперимент

С целью выявления представлений учащихся о животных, обусловленных их наивной картиной мира, был проведён ассоциативный эксперимент. Ученикам шестых и девярых классов (22 и 23 участника соответственно) было предложено охарактеризовать несколько животных, описав их внешний вид и черты характера с помощью имен прилагательных. Образы животных и их характеристики, присутствующие в сознании детей, обусловлены различными факторами: имеющимся опытом непосредственного взаимодействия с данными животными, культурным багажом (литература, фильмы) и так далее. Приведём результаты эксперимента на примере двух наименований животных – волк и овца.

Образ волка (учащиеся 6 классов): серый – 9 человек; злой – 8 человек; страшный, умный, благородный – 4 человека; голодный, грозный, клыкастый, красивый, лохматый, хитрый, худой – 3 человека; большой, быстрый, гордый, ловкий, одинокий – 2 человека; агрессивный, активный, белый, вспыльчивый, дикий, заботливый, задумчивый, нейтральный, опасный, преданный, пушистый, свирепый, сильный, смелый, суровый, хищный, храбрый, энергичный, яростный – 1 человек.

Образ волка (учащиеся 9 классов): серый – 12 человек; злой – 8 человек; зубастый – 5 человек; опасный, сильный, страшный – 4 человека; агрессивный, гордый, дикий – 3 человека; большой, голодный, грозный, одинокий, пушистый, свирепый, смелый, тёмный, хитрый – 2 человека; быстрый, внимательный, вспыльчивый, выносливый, депрессивный, жадный, кровожадный, лесной, ловкий, лохматый, мстительный, недружелюбный, печальный, преданный, серьёзный, стремительный, суровый, умный, хладнокровный, храбрый, худой – 1 человек.

Образ овцы (учащиеся 6 классов): глупая – 8 человек; пушистая – 7 человек; спокойная – 6 человек; белая, милая, мягкая, шерстяная – 5 человек; кудрявая – 3 человека; ленивая, небольшая – 2 человека; незащищённая, беззаботная, безобидная, голодная, невинная, одинокая, печальная, смиренная, трусливая, умная – 1 человек.

Образ овцы (учащиеся 9 классов): пушистая – 8 человек; белая – 7 человек; глупая – 6 человек; добрая, кудрявая, шерстяная – 4 человека; безобидная, спокойная – 3 человека; покорная, упрямая – 2 человека; во-

нючая, голодная, грязная, домашняя, дружелюбная, ласковая, медленная, мягкая, наивная, небольшая, неуверенная, отзывчивая, приятная, пугливая, светлая, стадная, застенчивая, терпеливая, тихая, трусливая – 1 человек.

Лексемы *волк / wolf* и *овца / sheep* являются одними из наиболее частотных наименований животных во фразеологии как русского, так и английского языка. Более того, в фразеологических фондах обоих языков обнаруживаются фразеологические единицы (далее – ФЕ), соединяющие в себе эти два анималистических образа и контрастирующие их. «Сравнение способов репрезентации культурных кодов во фразеологии разных языков позволяет определить как универсальные, так и специфические культурные составляющие в национальных фразеологических и, шире, языковых картинах мира» [Вознесенская, 2014, с. 57]. А. Д. Райхштейн выделяет три основных вида отношений, возникающих при межъязыковых сопоставлениях – «тождества, неполного тождества и различия» [Райхштейн, 1980, с. 24]. «В случае ФЕ эти межъязыковые соотношения могут затрагивать три стороны фразеологического знака – его образную основу, компонентный (лексический и структурно-синтаксический) состав и актуальное значение» [Вознесенская, 2014, с. 57]. Таким образом, по мнению М. М. Вознесенской, при сопоставлении русских и английских устойчивых выражений необходимо учитывать такие факторы, как тождество / сходство / различие образных основ фразеологизмов, их компонентного состава и актуального значения [Вознесенская, 2014, с. 57].

Английское выражение *a wolf in sheep's clothing* и русское *волк в овечьей шкуре* являются почти полными эквивалентами: в них совпадает образная основа, лексический состав (имеется расхождение в лексемах *clothing* и *овечья шкура*) и значение: «злой, свирепый человек, притворяющийся кротким и безобидным, опасный лицемер» [БФСРЯ, 2017, с. 133]; «человек или вещь, которая выглядит безвредной, но на самом деле представляет опасность» [ODI, 2004, р. 316]. Данная идиома восходит к словам Иисуса в Евангелии от Матфея (Мф. 7: 15): «...берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». Д. Б. Гудков отмечает, что «в образе фразеологизма находят отражение древнейшие мифологические представления об оборотничестве, то есть о способности менять телесную оболочку. Образ фразеологизма соотносится с зооморфным кодом культуры, включающим устойчивые стереотипные представления о волке и овце. При этом волк выступает как символ хищности, жестокости и агрессивности, а овца – как символ кротости и смирения» [БФСРЯ, 2017, с. 133–134]. Кроме того, в идиоме закодирована двойственная природа образа волка.

Ещё один полный эквивалент – *man is to man a wolf*, русскоязычный вариант которого – *человек человеку волк*. Обе эти идиомы являются калькой с изречения древнеримского поэта Плавта *homo homini lupus est* [Кунин, 1972, с. 23]. Данное выражение «используется для характеристики таких человеческих отношений и нравов, в каких преобладает крайний эгоизм, вражда, антагонизм» [Этика, 2001, с. 541]. Образ волка здесь соотно-

сится с такими свойствами, как враждебность, конфликтность, негативизм, непримиримость.

Пословица *set the wolf to keep / guard the sheep* в русском языке не имеет прямых эквивалентов. По смыслу она совпадает с устойчивым сочетанием *пустить козла в огород*. Оба эти выражения используются в значении «предоставлять свободу действий тому, кто способен навредить или использовать это в личных корыстных целях» [Субботина, 2015, с. 104]. В русском языке также имеется менее используемое, но более схожее с англоязычным, выражение *пустить волка в хлев*. Образ волка в приведённых пословицах наделяется характеристикой опасности, корысти, в то время как овца в контрасте с ним предстаёт беззащитной и уязвимой.

Идиома *buy / sell a wolf ticket* соотносится по образной основе и лексическому составу с русскоязычным выражением *получить / выдать волчий билет*, однако их значения различаются. В русском языке данная идиома имеет значение «лишение социальных прав, отторжение от общества <...> за совершение какого-либо антисоциального действия» [БФСРЯ, 2017, с. 134]. Изначально волчьим билетом называлась «полугодовая отсрочка, выдаваемая приговорённым к ссылке преступникам, от которых общество отрекается» [Даль, 1955, с. 233]. «Волк может выступать как символ жестокости и агрессивности, следовательно, он предельно опасен для общества. С другой стороны, стереотипный образ волка включает в себя представление о независимости и свободолюбии (*одинокий волк*): волк – существо, не нуждающееся ни в ком, способное выживать в одиночку» [БФСРЯ, 2017, с. 134]. В английском языке данная идиома используется преимущественно афроамериканской частью населения США в значении «провоцировать кого-то, либо враждебно реагировать на угрозы, хвастовство другого человека» [TFD]. Итак, несмотря на абсолютное расхождение в значении, в обеих идиомах наблюдается использование образа волка как символа агрессии. В русской идиоме он также приобретает характеристику независимости, присутствующую и в анималистическом коде английской культуры и нашедшую отражение в идиоме *a lone wolf*. Данное выражение используется в значении «человек, предпочитающий работать, жить, быть в одиночестве», но у него есть ещё и второстепенное значение «террорист, работающий в одиночку, самостоятельно готовящий теракт» [TFD].

Предположительно, сочетание *wolf ticket* состоит в родственных отношениях с идиомой *cry wolf* в значении «звать на помощь, когда помощь не требуется, бить ложную тревогу» [ODI, 2004, p. 316]. Их родственность заключается в излишне эмоциональной реакции на ситуации и поступки, которые того не стоят. В свою очередь, идиома *cry wolf* возникла на основе старинной притчи, повествующей о мальчике-пастухе, который постоянно поднимал ложную тревогу криками «Волк!», на которые сбегалась толпа людей. В конце концов, народ начинает его игнорировать. Разумеется, по всем канонам притчи, однажды на мальчика нападает настоящий волк, но никто не приходит ему на помощь [ODI, 2004, p. 316]. В русском языке подобное высказывание отсутствует.

Ещё одна достаточно широко используемая идиома с компонентом-зоонимом *wolf* в английском языке – *have / hold / take the wolf by the ear(s)*. Данная ФЕ используется в значении «поставить себя в трудное, опасное положение» [Кунин, 1972, с. 70]. В русском языке отсутствуют прямые эквиваленты этой идиомы. Всем известно, чем чревата встреча с волком, не говоря уже о хватании его за уши (вероятно, с целью оседлать). Образ волка здесь символизирует опасность, неуправляемость, катастрофичность, безвыходность. В английском языке также имеется схожая по значению идиома *put one's head in the wolf's mouth*, означающая «подвергнуть себя опасности» [TFD].

Как в русской, так и в английской фразеологии волк, помимо всего прочего, имеет зверский аппетит, что нашло отражение в таких выражениях, как *eat like a wolf* («поглощать пищу быстро, с жадностью»), *wolf something down* («глотать пищу, толком её не прожевывая»), *a growing youth has a wolf in his belly* (выражение, насмешливо употребляемое в отношении отменного аппетита, наблюдаемого у детей в силу их физиологических особенностей) в английском языке и *голоден как волк, иметь волчий аппетит* – в русском. Образ волка в этих ФЕ наделяется такими характеристиками, как жадность, прожорливость. В англоязычных идиомах он также символизирует спешность, отсутствие терпения.

Идиома *keep the wolf from the door* сопоставима по значению с русскоязычным высказыванием *перебиваться с хлеба на квас / воду*. Как можно заметить, они расходятся в своей образной основе и лексическом составе, имея сходство лишь в значении «жить очень бедно, терпеть нужду лишения» [Федоров, 2008, с. 459], «иметь достаточно средств к существованию, чтобы избежать голодной смерти» [ODI, 2004, р. 316]. Эта фраза использовалась в английском языке в указанном значении с середины XVI в., но образ волка как пожирающей, разрушительной силы обнаруживается гораздо раньше, например, в евангелии от Матфея (Мф 10: 16): «Вот, я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» [ODI, 2004, р. 316].

Ещё один яркий пример отражения деструктивной, несущей страдания и смерть природы волков – идиома *throw someone to the wolves*, используемая в значении «оставить кого-то без поддержки, обречь на жестокое обращение и критику, не пытаясь помочь». Скорее всего, эта фраза возникла из рассказов о стаях волков, преследовавших сани, запряжённые лошадьми. Чтобы остальные могли удрать, приходилось столкнуть кого-то с саней, дабы кони могли бежать быстрее [ODI, 2004, р. 316]. Образ волка здесь выражает типичное представление о данном животном как о бессердечном, кровожадном звере.

ФЕ *black sheep* в русском языке эквивалентна по значению и образной основе идиоме *паршивая овца*. Данная идиома используется в значении «дурной человек, опозоривший свою семью или коллектив» [ODI, 2004, р. 27]. Также в русском языке присутствует поговорка *Одна паршивая овца всё стадо портит*. В культуре англичан, по старому поверью, чёрная овца отмечена печатью дьявола [Кунин, 1972, с. 28]. Поскольку

большинство домашних овец имеют шерсть белого цвета, а у чёрного цвета имеется исторически сложившаяся резко негативная коннотация, животное такого цвета является крайне нежеланным. Фермеры в действительности не любят чёрных овец, потому что их шерсть нельзя окрасить в другой цвет, что обесценивает её, как товар. В обеих культурах образ овцы, тем или иным образом выбивающейся из общей массы своих сородичей, становится символом вредительства, бунтарства, пагубного влияния, дурной репутации. Соответственно, идиома *white sheep* является полной противоположностью *black sheep* и используется в отношении послушного, покорного человека [TFD].

Идиома *lost sheep* в русском языке имеет эквивалент *заблудшая овца / овечка*. Как и самую первую из перечисленных в данной статье идиоматических пар, эти идиомы объединяет их библейское происхождение. Используются они в значении «заблуждающийся человек, сбившийся, по мнению говорящего, с верного пути; является жертвой обстоятельств, собственной глупости, наивности и недалёковидности» [БФСРЯ, 2017, с. 214]. Как пишет В. В. Красных, «заблудшей овцой называли того, кто отступил от Бога, "отбился от стада", пастырем которого является Иисус Христос <...>. Образ фразеологизма мотивирован стереотипным представлением об овце как о животном беззащитном и безобидно-глупом, не способном постоять за себя, представляющем легкую добычу (беспомощность перед лицом врага, незлобливость наиболее полно проявляются в образе ягненка)» [Красных, 2014]. В Библии нередко употребляются такие черты овцы, как боязливость, кротость и беспомощность отставшего от стада животного.

Овцы могут оказаться беспомощными не только поодиночке, но и в группе, если с ними рядом нет пастуха. В отношении беспомощной, беспорядочной толпы в английском языке используется идиома *sheep without a shepherd* в значении «паства без пастуха». Также группа людей сравнивается с овцами (*be like sheep*), если её члены ведут себя одинаково и неспособны мыслить самостоятельно [OALD, 2010, p. 1408]. В русском языке данное значение закодировано в ФЕ как *стадо баранов*. Русский человек приписал барану такие свойства, как тупость, ограниченность, интеллектуальную неразвитость [БФСРЯ, 2017, с. 290]. Сравнение глупого человека с объектами зооморфного мира основано на представлении об инаковости дурака, о его иной ипостаси [Айрапетян, 2000, с. 102]. В современном русском языке сравнение коллектива людей со стадом носит неодобрительный, уничижительный характер, свидетельствует о невысоком мнении говорящего об интеллектуальном уровне его участников.

Идиома *make sheep's eyes at someone* приходится крайне дальним родственником русскоязычному выражению *строить глазки*. Эти идиомы лишь частично совпадают по образной основе и лексическому составу, и даже по значению не могут быть названы тождественными, потому что английская идиома имеет значение «смотреть на кого-то влюбленным взглядом, выглядя при этом нелепо» [TFD], в то время как русскоязычное выражение означает «флиртовать, кокетничать, намеренно привлекать к себе внимание». Образ овцы в англоязычной идиоме *make sheep's eyes at*

someone сохраняет закреплённую за ним невинность, лёгкую глупость и нелепость.

4. Заключение

Проведённый анализ ФЕ, соотносимых с анималистическим кодом через зоонимы волк / wolf и овца / sheep позволил сделать вывод о преимущественном совпадении этих образов в русскоязычной и англоязычной картинах мира и наличии сравнительно небольшого количества расхождений. Его результаты наглядно демонстрируют то, какими предстают данные животные в глазах носителей русского и английского языков, какие признаки этих животных берутся во внимание и как они переосмысливаются в каждом из языков. Таким образом, были выявлены как универсальные, общие для двух языков, характеристики анималистического кода, так и его национально-специфические особенности, что позволяет глубже понять мировидение народов, говорящих на этих языках.

При изучении фразеологизмов, отражающих анималистический код английской культуры, мы считаем целесообразным придерживаться простой и логичной методики, известной как 3Ps, или PPP – presentation, practice, production, предполагающей, как следует из названия, три ступени освоения нового материала: 1) презентация нового материала, 2) контролируемая практика использования нового знания, 3) создание собственного «продукта» на основе полученных знаний. Методика PPP широко используется на уроках иностранного языка во всем мире, в особенности на невысоких уровнях (Beginner, Elementary, Pre-Intermediate) [Harmer, 2007, p. 50]. Данная модель соотносится с общепринятой в отечественной методике преподавания иностранных языков классификацией упражнений на языковые, условно-речевые и коммуникативные.

В качестве основы для изучения кодов культуры мы предлагаем использовать корпус англоязычных сказок, рассказов, притч и прочих образцов малых литературных жанров, содержащих в себе компоненты зоонимы, отражающие анималистический и другие коды. Что примечательно, в основе большого количества ФЕ английского языка, актуализирующих анималистический код, лежат притчи, чтение которых позволяет не только ознакомиться с той или иной ФЕ и её значением, но и проследить её возникновение, что может стать стимулом возникновения внутренней мотивации учащихся к более глубокому и осмысленному изучению английского языка и культуры.

После чтения текста и фокусировки внимания учащихся на содержащихся в нём элементах анималистического кода, актуализированных посредством фразеологизмов, выполняется ряд упражнений на тренировку использования этих ФЕ (упражнения на соотнесение, заполнение пропусков, выбор правильного варианта ответа, продолжение предложения и т. д.). Результатом таких занятий становится уместное и осознанное использование учащимися в устной и письменной речи единиц фразеологического фонда английского языка, актуализирующих анималистический культурный код.

Также ученики приобретают способность к восприятию и грамотной интерпретации значений, кодируемых в анималистических образах носителями иностранного языка и культуры, что способствует успешной иноязычной коммуникации. Всё это является неотъемлемым условием формирования иноязычной коммуникативной компетенции учащихся.

Список литературы

1. Айрапетян, В. Русские толкования [Текст] / В. Айрапетян. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 207 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий (БФСРЯ) [Текст] / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : АСТ-Пресс, 2017. – 784 с.
3. Вознесенская, М. М. Мокрая курица vs. wet hen (о зооморфном коде культуры в русской и английской фразеологии) [Текст] / М. М. Вознесенская // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Т. 50. – М. : Макс Пресс, 2014. – С. 56–63.
4. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю [Текст] / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 [Текст] / В. И. Даль. – М., 1955. – 669 с.
6. Клобукова, Л. П. Структурный анализ коммуникативной компетенции с учетом особенностей реальной коммуникации [Текст] / Л. П. Клобукова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – 2002. – Вып. 2.
7. Красных, В. В. Некоторые базовые понятия психолингвокультурологии (в развитие идей В. Н. Телия) [Текст] / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Т. 50. – М. : Макс Пресс, 2014. – С. 167–175.
8. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка [Текст] / А. В. Кунин. – Москва : Международные отношения, 1972. – 288 с.
9. Мильруд, Р. П. Теория обучения языку. Т. 1. Прикладная лингвистика [Текст] / Р. П. Мильруд. – Тамбов, 2003. – 136 с.
10. Мильруд, Р. П. Коммуникативная компетенция как готовность учащихся к общению на иностранном языке [Текст] / Р. П. Мильруд, И. Р. Максимова // Язык и культура. – 2017. – № 38. – С. 250–268.
11. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии [Текст] / А. Д. Райхштейн. – М. : Высшая школа, 1980. – 143 с.
12. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций : пособие для студентов пед. вузов и учителей [Текст] / Е. Н. Соловова. – М. : Просвещение, 2002. – 239 с.
13. Субботина, Л. А. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Л. А. Субботина. – М. : Изд-во АСТ, 2015. – 320 с.
14. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / А. И. Федоров. – М. : Астрель, 2008. – 828 с.

15. Этика: Энциклопедический словарь [Текст] / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2001. – 671 с.
16. Chomsky, N. Aspects of the Theory of Syntax [Text] / N. Chomsky. – Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 1965. – 251 p.
17. Harmer, J. How to Teach English [Text] / J. Harmer. – Pearson Education Limited, 2007. – 288 p.
18. Hymes, D. On Communicative Competence [Text] / D. Hymes // Sociolinguistics: Selected Readings / J. B. Pride, J. Holmes (eds). – Harmondsworth : Penguin, 1972. – P. 269–293.
19. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th Edition [Text] / J. Turnbull (ed.) et al. – Oxford University Press, 2010. – 1888 p.
20. Oxford Dictionary of Idioms. 2nd Edition [Text] / J. Siefring (ed.). – Oxford University Press, 2004. – 340 p.
21. The Free Dictionary (TFD) [Electronic Resource]. – URL : <https://www.thefreedictionary.com/>.

References

1. Ayrapetyan, V. (2000). *Russkie tolkovania* [Russian interpretations]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
2. Teliya, V. N. (ed.) (2017). *Bol'shoj frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Big Russian Phraseological dictionary. Meaning. Use. Cultural comments. Moscow : AST-Press.
3. Voznesenskaya, M. M. (2014). Mokraya kuritsa vs. wet hen (o zoomorfnoy kode kul'tury v russkoy i angliyskoy frazeologii) [Mokraya kuritsa vs. wet hen (On zoomorphic code in Russian and English phraseology)]. In V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Languages, mind, communication] : A selection of articles (Issue 50, pp. 56–63). Moscow : MAKS Press.
4. Gudkov, D. B., Kovshova, M. L. (2007). *Telesny kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [Body code in Russian culture: Materials to the dictionary]. Moscow : Gnozis Press.
5. Dal', V. I. (1955). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian]. Vol. 1. Moscow.
6. Klobukova L.P. Strukturnyy analiz kommunikativnoy kompetentsii s uchetom osobennostey real'noy kommunikatsii [Structural analysis of communicative competences from the angle of real communication]. *Problemy kognitivnogo i funktsional'nogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov* [The Issues of Cognitive and Functional of Russian and Bulgarian]. № 2, 2002.
7. Krasnykh, V. V. Nekotorye bazovye ponyatiya psiholingvokul'turologii (v razvitie idej V. N. Teliya) [Some Basic Concepts of Psycho-Linguo-Cultural Studies (in the Development of V. N. Teliya's Ideas)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Languages, mind, communication] : A selection of articles (Issue 50, pp. 167–175). Moscow : MAKS Press.
8. Kunin, A. V. (1972). *Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Modern English phraseology]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya Press.

9. Mil'rud, R. P. (2003). *Teoriya obucheniya yazyku. Prikladnaya lingvistika* [The theory of language teaching. Applied linguistics]. Vol. 1. Tambov.
10. Mil'rud, R. P., Maksimova, I. R. (2017). Kommunikativnaya kompetenciya kak gotovnost' ucha-shchihsya k obshcheniyu na inostrannom yazyke [Communicative competence or communicative readiness of language learners for communication]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 38, 250–268.
11. Rayhshteyn, A. D. (1980). *Sopostavitel'nyy analiz nemetskoj i russkoj frazeologii* [Comparative analysis of German and Russian phraseology]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
12. Solovova, E. N. (2002). *Metodika obucheniya inostrannym yazykam. Bazovyy kurs lektsiy* [Foreign language teaching methods. Basic course]: A manual for students of pedagogical universities and teachers. Moscow : Prosveshchenie Press.
13. Subbotina, L. A. (2015). *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Russian phraseological dictionary]. Moscow : AST Press.
14. Fedorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of literary Russian]. Moscow : Astrel' Press.
15. Apresyana, R. G., Gusejnova, A. A. *Etika: Enciklopedicheskij slovar'* [Ethics: Encyclopedic dictionary]. Moscow : Gardariki, 2001. 671 s.
16. Chomsky, N. (1965). *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
17. Harmer, J. (2007). *How to Teach English*. Pearson Education Limited.
18. Hymes, D. (1972). On Communicative Competence. In J. B. Pride and J. Holmes (eds.), *Sociolinguistics: Selected Readings* (pp. 269–293). Harmondsworth : Penguin.
19. Turnbull, J. (ed.) et al. (2010). *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. 8th Edition. Oxford University Press.
20. Siefring, J. (ed.). (2004). *Oxford Dictionary of Idioms (ODI)*. 2nd Edition. Oxford University Press.
21. The Free Dictionary [Electronic resource]. Retrieved from <<https://www.thefreedictionary.com/>>.

УДК 811.51
UDC 811.51

Стручков Кирилл Намсараевич
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН
г. Якутск, Российская Федерация

Kirill N. Struchkov

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
Yakutsk, Russian Federation

kstruchkov@mail.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ЭВЕНКОВ СЕЛА ИЕНГРА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
MODERN COMMUNICATIVE CULTURE
OF THE EVENKS FROM IENGRA VILLAGE

Аннотация

Статья посвящена исследованию фактора, связанного с культурной традицией эвенков, определяющего национально-культурную специфику речевого общения. В ней описываются современные этнокультурные процессы и явления в данной локальной группе и, в частности, формы повседневного общения, их сегодняшнее состояние и место в этнокультурном контексте. Изучение полевых материалов и опубликованных работ этнографов и историков позволило описать особенности употребления лексических единиц, связанных с заповедями и обрядами, среди которых почитание духов природы, своих корней, уважение к пожилым людям, женщине-матери. Рассмотрены пословицы и поговорки, отражающие указанные черты эвенкийской лингвокультуры, а также такие важные черты личности эвенка, как скромность, неторопливость и немногословие, имеющие особую ценность для эвенков-мужчин.

Abstract

The factor connected with the cultural tradition of the Evenks determining the national and cultural peculiarities of verbal communication is explored. The current paper describes contemporary ethno-cultural processes and phenomena in the local group, in particular, the forms of everyday communication, their current state and place in the ethno-cultural context. The study of linguistic field work materials and publications of ethnographers and historians enabled to describe the use of lexical units connected with commandments and rituals among which we can see worshipping the spirits of the Nature, remembering Evenki roots, respect to the elderly and Mother. Proverbs and sayings are considered that reflect the above mentioned linguoculture traits as well as such important character traits of Evenks as modesty, deliberation and laconicity that are mostly appreciated in males.

Ключевые слова: эвенки, традиционная культура, обычаи, национально-культурное своеобразие, коммуникативная культура.

Keywords: the Evenks, traditional culture, customs, national and cultural identity, communicative culture.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_2_91_98

1. Введение

Цель статьи – описать современное состояние этнокультурных традиций в сообществе иенгринских эвенков и выявить их роль. Объектом нашего исследования является локальное сообщество эвенков села Иенгра Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия), оно является единственным селом в Якутии, в котором сохраняются традиционная культура и язык. Предмет исследования – современные этнокультурные процессы и явления в локальной группе и, в частности, формы повседневного общения, их сегодняшнее состояние и место в этнокультурном контексте.

Источниками исследования явились полевые материалы автора статьи, а также опубликованные труды этнографов, историков и некоторые другие материалы.

Этническая или национально-культурная специфика речевого общения, по утверждению А. А. Леонтьева, складывается под влиянием системы факторов, действующих на разных уровнях организации процессов общения и имеющих разную природу. Это факторы, связанные с 1) культурной традицией; 2) этикетными формами; 3) этнопсихологией в узком смысле, т. е. с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности; 4) спецификой языка данной общности; 5) социальной ситуацией и социальными функциями общения, соотносимые с функциональными подъязыками и функциональными особенностями [Леонтьев, 1997, с. 192].

В данной статье рассмотрим фактор, связанный с культурной традицией эвенков, который определяет национально-культурную специфику речевого общения. Иенгра является единственным селом в республике, в котором сохраняются традиционная культура и язык. В селе живут потомки древних эвенкийских родов Буллёт, Нюрмаган, Сологон, Пуягир, Буга, Доной, Кэптукэ, Букачар, Дэнмэ, Лоңорки, Баттаки, Эмис, Нанаи. Эвенки села традиционно занимаются оленеводством и охотой.

2. Языковое воплощение заповедей и обрядов

Жизнь эвенков регламентируется правилами поведения иты («обычай, порядок, строй жизни, закон»). Заповеди всегда выполняли и выполняют воспитательную функцию. Они воспитывали у людей доброту, честность, уважение к старшему поколению и были направлены на удачную охоту, благополучие в семье и затрагивали другие стороны жизни. Приведём некоторые заповеди [Болдырев, 2009, с. 553].

(1) *Дуннэ-буга аидин бэе бидерэн. Буга бурэн, Буга улирэн. Бугаскаки энэ гунэ, бугаскаки энэ некэрэ.* – Земли и Неба благословением живёт че-

ловек. Небо-родитель даёт, Небо-родитель кормит. Противного ему не задумывай, противного ему не делай.

(2) *Бутуннувэ Дуннэ иргивки, бэе нян дуннэ токтан.* – Всех и вся земля растит, человек тоже её соринка. *Мэн энэлгэви экэл бэлурэ. Дылачава нёгут ичэчэлбэ долчаткал.* – Свои прихоти во вред другим не убаюкивай, как младенца. Тех, кто раньше тебя солнце увидел, слушай.

(3) *Бэевэ хэргимнэри – одёдук одёкит. Буруйя ачин бэевэтырэрэкис – одё.* *Бэе ухагун – бэе соргун овки.* – Желание и страсть унижить человека из всех грехов греховнее, невинному вину находить – самый тяжкий грех. И самый невзрачный из людей гордостью людей стать может.

(4) *Абдува иргикэл, хутэвэ балдывкал, бэе тэкэнын окал. Бэе Итыван, бэе одёкитпан дялувна, бидекэл.* – Очаг свой разожги, ребёнка роди, скотину расти – корнем человека будь.

(5) *Еми-да индери гохичивки бивки. Ахия ачин идук балдымчас? Ахи унякандии кэргэнми иргивки. Энинми-аминми удяватын удяна бидекэл.* – Всяк живущий пару себе находит, всяк свой корень имеет. Без женщины-матери как бы ты родился? Женщина семейство своё трудом рук своих содержит. Матерей и отцов тропу торя, по следу их, идя, живи.

В систему заповедей-традиций *иты* входит обычай *нимат*. По этому обычаю добыча охотника не является его собственностью полностью.

Когда эвенк добывает дикого оленя, лося, медведя, то он обязательно должен сделать нимат – подарить шкуру, камусы и определённые части туши добытого зверя соседу, который в данное время охотится вместе с ним. Сосед, получивший нимат, при удачной охоте должен сделать ответный нимат в виде отдарка. При случае, когда кочуют вместе несколько семей, то нимат получает каждая семья поочерёдно. Кроме нимата, охотник наделяет других соседей мясом, получается равный делёж добычи. При этом учитывается состав семьи, если семья большая, то соответственно доля этой семьи должна быть больше. Нимат обязательно получает приезжий гость. Если в его присутствии охотник не добывает крупного зверя, то может сделать нимат пушниной. Охотник, соблюдая обычай, верил, что охотничья удача во многом зависит от благосклонности духов-хозяев. [Василевич, 1969, с. 115].

Эвенки Иенгры продолжают соблюдать этот обычай, но в настоящее время произошла его трансформация. Причинами трансформации послужили рост капитализации жизни, необходимость иметь специальное разрешение (лицензию) на добычу и другие.

В настоящее время глобализационные процессы разрушают национально-культурное своеобразие как малых, так и больших этнических сообществ; ощущается определённая нивелировка и редукция этнического своеобразия национальных культур. На современном этапе развития эвенков прослеживаются две тенденции развития обрядности: традиционная и новая. При этом традиционная выступает в видоизменённом состоянии под влиянием этих перемен [Леонтьев, 1997, с. 48–57]. Складывание новых традиций и обрядности у эвенков шло, как у всех народов страны. Однако,

традиции и обрядность эвенков остаются живучими, особенно те, которые порождены дошаманской и шаманской религиями. Такую картину мы наблюдаем и у эвенков Иенгры.

В Иенгре жили в советский и постсоветский периоды два шамана – М. П. Кульбертинова родом Нюрмаган (годы жизни: 1887–1997) и Савей (по паспорту – С. С. Васильев, годы жизни: 1936–2013), отец которого родом Иңэлас, а мать – Букачар. Постоянным местом жительства у них была тайга, в родовой общине. Их эвенки побаивались и почитали. Сами они в гости не ходили. Шаман приходил в семью, когда его вызывали.

Сохранилась в Иенгре древнейшая форма религиозного обряда в честь верховного божества икэнипкэ. Ещё в двадцатые годы прошлого века эвенки повсеместно справляли данный обряд во главе с шаманами. В настоящее время *икэнипкэ* преобразился, новое содержание проникло в него. Но во время торжества эвенки продолжают проводить обряды очищения, поклонения реке и огню. Духа – хозяина огня, покровителя домашнего очага семьи, рода – «кормили» кусочками лучшей пищи (кусочки мяса или жира, оладьи), к нему обращались с различными просьбами, которые лексически выражались следующим образом.

Того – эни! Сот дегдэкэл! Мунэвэ нямалгикэл! Бэюнэ неһукэл! Эни! Мунду бэлэкэл! – Огонь-матушка! Гори сильнее! Согрей нас! Пошли зверя! Матушка! Помогай нам!

Также обращаются к реке во время кочевки. Перед переправой звучала следующая традиционная фраза.

Бира – бирандя! Бу синдук гэлэдерэв! Хутэчил биһилвун! Аят дагивкэл мунэвэ, хутэлэвэвун баргидала! – Большая полноводная река! Просим тебя, хорошо переправь нас на другой твой берег! Добром переправляй нас и наших детей!

Успешная переправа также завершалась традиционной фразой.

Хэгды бирандя! Аят дагивдянни! Орорви, хутэлви аят дагиврэ. Спасибо синду! Дюлэски тыкин тыкэ дагивна минэвэ тадук хутэлвэ! – Благодарю тебя, великая полноводная река! Хорошо ты нас переправила. Спасибо тебе! Впредь так же хорошо переправляй, дитя ли моё будет, сама ли я буду!

И до, и после переправы женщины привязывали в знак благодарности полоски материи на тальник на берегу реки.

У эвенков Иенгры продолжает сохраняться тесная родственная связь. Всеобщим уважением среди родственников пользуется пожилой человек. Замечательные традиции и обычаи сохраняются среди народа. Взаимоотношения людей строятся на дружбе и уважении друг к другу, независимо от национальности и социального положения. Гостя усаживают на почётное место – в противоположном от двери месте – *малу*. Гость и хозяйка взаимно вежливы, хозяин старается создать уют и удобства гостям, знакомит его со всеми находящимися людьми, поддерживает разговор и соглашается с мнением гостя, если даже тот не прав. Только если гость моложе по возрасту, то хозяин в мягкой форме старается поправить гостя. Во время беседы хозяин сдержан, дружелюбен.

Гость ни в коем случае не должен отказываться от подарка хозяев, он должен с благодарностью принять его. Гость не должен обращаться к хозяевам с просьбами, даже если нуждается в чем-то. Одарить гостя – обязательный обычай эвенков.

3. Пословицы и поговорки

Как видим, особенности речевой коммуникации и речевого этикета эвенков определяют традиционные ценности – уважение, почитание старших, культ матери и защита достоинства женщины, авторитет отца, верность к отчему дому, гостеприимство. На наш взгляд, наиболее значимой коммуникативной категорией эвенков является категория сдержанности, умения владеть собой, контролировать своё поведение. Об этом свидетельствуют пословицы и поговорки.

(1) *Экэл сот гунэ чолитви – хэлинди хавалкал.* – Меньше языком болтай, удалее работай.

(2) *Эя дяра гундэдэп, упкат гунмувчэ.* – Что десять раз говорить, всё уже сказано.

(3) *Дяля ачин – этэннэ инэ.* – Ума нет – не проживешь.

(4) *Сагды бэевэ экэл ухат некэрэ – оде.* – Старого человека не ругай – запрет.

(5) *Хава хавамнит нэлэттэн.* – Труд труженика боится.

Болтунов, сплетников характеризуют целый ряд ярких пословиц.

(1) *Эрудук эрувэ тавдяри бэе* – Человек, собирающий худшее из худшего.

(2) *Даладявки тэкэнэ ачин* – Лакающий подобно собаке, то есть говорящий что попало, не отдающий отчет в своих словах.

(3) *Иннин котово урэчэ* – Язык его подобен лезвию ножа, то есть режет что попало и многое может испортить.

Между тем, следует отметить, что последняя пословица может характеризовать и хорошего человека, не боящегося говорить правду, справедливого и прямолинейного.

Многие эвенкийские пословицы, вместе взятые, составляют свод правил поведения, нравственных норм. Многие пословицы осуждают различные недостатки людей. Помимо упомянутого уважительного отношения к этническим корням, родителям, женщине-матери, старшему поколению в целом, духам природы, в этих пословицах содержится призыв к честности и скромности.

Деромоми бэе этэн сирарэ – Украв, человек не одарит себя. Иными словами, не спасёт человека воровство. Согласно переводу нескольких таких пословиц, сделанному А. С. Шубиным, о бессовестном, наглеце эвенк скажет: «Этот человек совершенно не имеет лица», об утратившем человеческий облик, о подлеце: «На твоём лице выросли волосы» или «Ты обморозил свои глаза», то есть не стыдишься смотреть в глаза людям [Шубин, 2007, с. 157].

При изучении любого языка необходимо иметь представление о народе, говорящем на этом языке, его занятиях, культуре. Национальная

культура является частью общечеловеческой культуры, но имеет и свои отличительные черты. Анализ языка обрядов, пословиц и поговорок позволяет раскрыть национально-культурные особенности эвенков с. Иенгра и составить представление об их языковой личности.

4. Языковая ситуация в селе Иенгра

Современная языковая ситуация формально может быть охарактеризована как двуязычие, но положение эвенкийского языка не соответствует статусу языка родного. Основным средством общения в настоящее время служит русский язык, эвенкийский же постепенно сдаёт свои позиции. Эвенкийский язык функционирует в школе лишь в качестве одного предмета с небольшим количеством отводимых на него часов, в семье при общении старшего и среднего поколений (но не молодого), а также в кочевых родовых общинах. Схожая ситуация складывается и в соседней Амурской области (подробнее см. об этом, напр., в [Морозова, 2015 ; Процукович, 2015 ; Копьёва, Андросова, 2017 ; Социолингвистическая ..., 2017]). Воодушевляет то, что эвенкийский язык в Иенгре используется в магазинах для общения при осуществлении купли-продажи¹.

У эвенков Иенгры воспитание, обучение всем необходимым навыкам проходило на домашнем, семейном уровне. Педагогическая методика эвенков основывалась на подражании, на воспроизведении проверенных и испытанных опытом действий и навыков. Особого внимания заслуживает ряд специфических приёмов и методов воспитательного воздействия на внимание и сознание ребёнка. К таким приёмам относятся манипулирование категорией *нэлэмо* (грех).

Система запретов в поведенческой практике эвенков весьма развита. *Нэлэмо* как форма табуирования охватывает широкий круг повседневной деятельности. Нарушение связанных с *нэлэмо* запретов влечёт за собой неизбежное наказание – различные жизненные неудачи, болезни, вплоть до смертельного исхода. Наказание за грех не регламентировано, непредсказуемо, может проявляться через значительный промежуток времени и даже передаваться по наследству. Толкование человеческих судеб через призму греха и воздаяния является широко распространённой моделью рассуждений также и среди проживающих в Иенгре эвенков. Анализ эвенкийских пословиц, поговорок, благопожеланий позволяет говорить о таких особенностях эвенкийской языковой личности, как осознание себя как части целого и готовность следовать традиционным образцам своего речевого поведения. Именно поэтому в эвенкийской коммуникативной культуре испокон веков считались непреходящими ценностями немногословие, неторопливость, при этом, особенно эти качества, ценились в мужчинах. Следующий пример наглядно это демонстрирует.

¹ Аналогичная благоприятная ситуация сложилась и в эвенкийском селе Усть-Нюкжа Амурской области.

Турэнми дуннэду энэ гарандара, тыкэн некэтми, горово этэнны иста – Слов своих на землю не роняй, не разбрасывай. Так поступать будешь – далеко не уйдешь.

5. Заключение

Таким образом, эвенки Иенгры сохраняют своё этническое своеобразие, хотя в их традиционной культуре ощущается негативное влияние современных глобализационных процессов. Однако эвенки продолжают сохранять свои традиции и язык.

Собирательный образ эвенка с. Иенгра, напрямую проявляющийся в чертах языковой картины мира эвенков, представляет собой следующее. Это человек, живущий по заповедям предков, которые регламентируют отношение к своим корням, родителям, старшему поколению в целом, к гостям и исполняющий обряды, связанные с поклонением духам неба, реки, огня, играющим решающую роль в традиционной деятельности эвенков Иенгры. Это человек, критично относящийся к недостаткам – многословию и пристрастию к сплетням, наглости, воровству – и осознающий неотвратимость наказания за грех. Всё это ясно выражено в специфике всё ещё находящихся в употреблении пословиц и поговорок, с помощью которых можно повысить мотивацию молодых эвенков к более активной коммуникации на языке предков.

Список литературы

1. Болдырев, Б. В. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области (= Дялтулакская говор эвэды турэрукин): ок. 16300 слов [Текст] / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Г. И. Варламова, Т. Е. Андреева, Р. Е. Мальчакитова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – 607 с.
2. Быкова, Г. В. Общие проблемы двух этносов Приамурья [Текст] / Г. В. Быкова // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия : сб. науч. тр. / под ред. Г. В. Быковой, Г. И. Варламовой. – Вып. 3. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – С. 48–57.
3. Василевич, Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) [Текст] / Г. М. Василевич. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 304 с.
4. Копьёва, Д. А. «Языковое гнездо» как способ решения проблемы сохранения эвенкийского языка в Амурской области [Текст] / Д. А. Копьёва, С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 3. – С. 17–25.
5. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
6. Морозова, О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийском языке [Текст] / О. Н. Морозова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 1. – С. 74–85.
7. Процукович, Е. А. Уровень владения эвенкийским языком в местах компактного проживания эвенков Амурской области [Текст] / Е. А. Процукович // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 85–93.

8. Социолингвистическая ситуация в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области [Текст] / Е. А. Процукович, О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, О. Н. Черноградская // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 3. – С. 74–85.
9. Шубин, А. С. Эвенки [Текст] / А. С. Шубин. – Улан Удэ : Изд-во ОАО “Республиканская типография”. – 2007. – 360 с.

References

1. Boldy'rev, B. V., Bykova, G. V., Varlamova, G. I., Andreeva, T. E., Mal'chakitova, R. E. (2009). *Slovar' dzheltulakskogo govora e'venkov Amurskoj oblasti (= Dyaltulakskaj govor e've'dy' ture'rukin)* [The dictionary of Dzheltulaksiy dialect of the Amur Evenks]: 16300 words. Blagoveshchensk : BGPU Press.
2. Bykova, G. V. (2010). Obshchie problemy' dvux etnosov Priamur'ya [Common problems of the two ethnoses of the Amur Region]. In G. V. Bykova, G. I. Varlamova, *E'venkijskij e'tnos v nachale tret'ego ty'syacheletiya* [The Evenki ethnos at the beginning of third millennium]: A selection of articles (Issue 3, pp. 48–57). Blagoveshchensk : BGPU Press.
3. Vasilevich, G. M. (1969). *E'venki: Istoriko-e'tnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenks: Historical and ethnographic essays]. Leningrad : Nauka Press, Leningrad Department.
4. Kop'iova, D. A., Androsova, S. V. (2017). «Yazykovoe gnezdo» kak sposob resheniya problemy sokhraneniya evenkiyskogo yazyka v Amurskoj oblasti [«Language nest» as a way to solve the problem of preserving the Evenki language in the Amur Region]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (3), 17–25.
5. Leont'ev, A. A. (1997). *Osnovy' psixolingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow : Smy'sl Press.
6. Morozova, O. N. (2015). Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki peredneyazychnogo glukhogo smychnogo /t/ v evenkiyskom yazyke [Articulatory and acoustic features of the fore-lingual voiceless plosive consonant /t/ in the Evenki language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (1), 74–85.
7. Protsukovich, Ye. A. (2015). Uroven' vladeniya evenkiyskim yazykom v mestakh kompaktnogo prozhivaniya evenkov Amurskoj oblasti [The level of the Evenki language skills in the Amur Evenks residences]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 85–93.
8. Protsukovich, E. A., Morozova, O. N., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya., Chernogradskaya, O. N. (2017). Sotsiolingvisticheskaya situatsiya v s. Ivanovskoe Selemdzhinskogo rayona Amurskoj oblasti [Sociolinguistic situation in the Ivanovskoe settlement, Selemdzha District, Amur Region]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (3), 74–85.
9. Shubin, A. S. (2007). *E'venki* [Evenks]. Ulan-Ude : “Respublikanskaya tipografiya” Press.

УДК 811.512
UDC 811.512

Чертыкова Мария Дмитриевна
Институт гуманитарных исследований
и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
Maria D. Chertykova
Institute for Humanitarian Researches and Altay-Sayan Turkic Studies
Katanov State University of Khakassia
Abakan, Russian Federation
chertikova@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ БАЗОВЫХ МЕНТАЛЬНЫХ
ЛЕКСЕМ (НА ПРИМЕРЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ
В СИБИРСКИХ ТЮРКСКИХ, КИРГИЗСКОМ
И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ)
SEMANTIC EVOLUTION OF BASIC MENTAL LEXICAL UNITS
(BASED ON INTERLINGUAL CORRESPONDENCES IN SIBERIAN
TURKIC, KIRGHIZ AND MONGOLIAN LANGUAGES)

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются базовые межъязыковые лексические соответствия, выражающие ментальные значения, в сибирских тюркских, киргизском и монгольском языках. В этих языках ментальные лексемы малочисленны и характеризуются разветвлённой семантической структурой и многозначностью. В семантике рассмотренных лексем превалирует ментальный компонент, реже эмоциональный. Закрепление тех или иных дифференциальных свойств за конкретными лексемами связано с их сочетательными способностями.

Abstract

The present article views the basic interlingual lexical correspondences expressing mental meanings in the Siberian Turkic, Kirghiz and Mongolian languages. In these languages, mental tokens are few; they are characterized by a ramified semantic structure and polysemy. In the semantics of the lexemes considered, the mental component prevails, less often the emotional component takes priority. The fixation of certain relevant properties for specific lexemes is associated with their combining abilities.

Ключевые слова: сибирские тюркские языки, киргизский, монгольский, лексема, мысль.

Keywords: Siberian Turkic languages, Kirghiz, Mongolian, lexeme, thought.

doi: 10.22250/2410_7190_2018_4_2_99_113

1. Введение

В результате длительных контактов тюркских и монгольских народов на территории Саяно-Алтая в их языках накопилось определённое количество общих лексических элементов. Проблеме генетического статуса данного тюрко-монгольского лексического фонда, реконструкции и восстановления языка-основы (праязыка), выявлению и этимологическому описанию их грамматических особенностей посвящено огромное количество научных трудов (см., напр., [Убрятова, 1960 ; Дыбо, 2007 ; Щербак, 2005 ; Рассадин, Трофимова, 2012] и др.). Сравнительно-историческое языкознание характеризуется значительными достижениями и открытиями в области восстановления общей картины закономерностей языкового развития, что связано с расширениями методов исследования [Каксин, 2017, с. 53]. В современной лингвистике также активно развивается антропоцентрический подход к исследованию лексической системы, при котором язык рассматривается как отражение человеческого сознания и мировидения, следовательно, лингвокультурного общества в целом. Синхронно-сопоставительное изучение антропоцентрических номинаций в алтайских языках¹ является перспективной задачей лингвистов, поскольку изучение не только отдельных слов, но и групп слов как части системы языка, даёт возможность их более глубокого познания, ведь ни одно слово не существует относительно изолированно от его общей номинативной системы.

Процессы семантической эволюции в лексической системе языка исходят от мировоззренческого, духовно-культурного опыта народа и обусловлены когнитивной и дискурсивной деятельностью нации. В целом, они отражают коллективное сознание и мировидение народа.

Среди основных присущих человеку характеристик признаются его ментальные способности. Для определения значения слова мысль обратимся к толковым словарям русского языка. Наиболее полное толкование дано в Большом толковом словаре русского языка (далее – БТСРЯ): мысль – и., ж. 1. Результат процесса мышления (в форме суждения или понятия). Глубокая, интересная м. Поделиться с кем-л. мыслями. М. кого-л. была всем понятна. // (о чём или с опр.). Предположение, соображение. Странная м. пришла в голову. Мысли о причинах события // (о чём и с инф.). Намерение, замысел. Отказаться от мысли учить кого-л. Не допускать мысли о примирении. 2. О мыслительном процессе, мышлении. Книжн. Проследить ход мысли. Нарушить течение мысли. Сделать что-л. усилием мысли. // Размышление, рассуждение. Погружаться в свои мысли. В своих мыслях допускать что-л. 3. Знание, познание в какой-л. области. Научная, техническая мысль. Развивать конструкторскую м. 4. То, что заполняет сознание, дума. Тревожит одна м. Мысли кого-л. сейчас были далеко. Тяжёлые м. одолевали кого-л. Не допускать м. о чём-л. (считать что-л. не-

¹ Особенно после безальтернативного признания генетического родства алтайских языков (см., напр., [Бурыкин 2014, 2015 а, 2015 б]).

возможным). 5. мн.: мысли, -ей. Убеждения, взгляды, воззрения. Единые мысли объединяли коллектив. Непостоянство в мыслях. У кого-л. такой образ мыслей (система взглядов, представлений, воззрений) [...] [БТСРЯ, 2000, с. 566]. Сопоставления словарных дефиниций слова мысль [БТСРЯ, 2000, с. 566; ТСРЯ, 2006, с. 372] и др.) даёт возможность выделить два основных понятийных признака в его семантической структуре: мысль как результат мыслительного процесса и мысль как сам процесс мышления. В русском языке лингвисты часто рассматривают лексику мысль в синонимической связи с лексемами дума, идея, мечта, выявляя их смысловые различительные и общие признаки [Новый объяснительный... 2000, с. 551–555 ; Кусова, 2012].

В статье ставится целью выявление и описание специфики и динамических сдвигов в семантике базовых наименований мысли в сибирских тюркских, киргизском и монгольском языках. Материалом для сопоставительного анализа послужили данные из современных двуязычных словарей: базовые лексемы со значением ментального состояния. Ментальные номинации в тюркских языках и в монгольском языке имеют сложную семантическую структуру, содержащую понятийные и образные компоненты, реализация которых отражает модели описания фрагментов мыслительной и эмоциональной деятельности человека. В корпус базовых слов, выражающих абстрагированные компоненты человеческого мышления, сознания, интеллекта, мы включили слова, в основном существительные: *сағыс / сағыныч / сағыш / сағыш; ой; бодал / бодол; санаа* в силу их частотности и разнообразия ментальных представлений в рассматриваемых языках.

2. сағыс / сағыныч / сағыш / сағыш

Данное существительное зафиксировано в древнетюркском словаре: Saqĩnç 1. мысль, дума, размышление; помыслы; 2. намерение; 3. забота, печаль [ДТС, 1969, с. 486]². Лексема со схожей формальной структурой функционирует в киргизском языке: *сағыныч*, однако её значение несколько сузилось: «тоска по кому-чему-л.; *сағыныч* жаз- развеять, разогнать тоску» [КРС, 2015, с. 694]. По данным ТРС 1968 года, значение «тоска, грусть» превалирует и в значении тувинской лексемы *сағыш* «сущ. тоска грусть, кручина» [ТРС, 1968, с. 252], хотя ТСТЯ [ТСТЯ, 2011] её семантику представляет шире (см. ниже).

В хакасском языке лексема *сағыс* «мысль, дума» включает такие признаки ментальной сферы человеческой деятельности: 1) ум, рассудок; 2) память; 3) мысль, дума; идея; 4) мысль, намерение, замысел; 5) забота, беспокойство; 6) тоска [ХРС, 2006, с. 428]. В силу своей многозначности данная лексема активно используется в языке: *Хыстар арали чөрерге хый-*

² Следует отметить, что изучив новую редакцию указанного словаря, становится ясным, что в тюркских языках суффиксы *-нç* и *-ş* являются разными по происхождению морфологическими элементами [ДТС 2016, с. 699, 704], и эти элементы проявляют тенденцию к конвергенции лишь в отдельных тюркских языках.

га *сагыстыг* ир кирек (П, 21) – Чтобы общаться с девушками [букв. ходить среди девушек], мужчине нужно быть умным [букв. нужен мужчина с умными мыслями]. *Мин кичее изірік артых-пузух чоохтан салтырбын, изірік кізі сагыста даа чох нимені чоохтан саладыр* (П, 25) – Я вчера был пьяным и, оказывается, наговорил много лишнего, пьяный человек может наговорить того, чего и в мыслях нет. Схожую семантическую структуру имеет тофаларская лексема *сагыш*- [сагычы] «1) ум; 2) память; 3) мысль; 4) намерение; 5) мечта...» [СТРиРТ, 2005, с. 83].

Фонетические варианты лексемы *сагыс* функционирует и в других сибирских языках, хотя с незначительными отклонениями в значении, например, в тувинском языке «сагыш 1. [...] память, сохранение в сознании происходящего [...]; 2. Настроение, душевное состояние [...]; 3. Желание, мечта [...]; 4. Нечто кажущееся, воображаемое, грёза [...]; 5. Намерение, умысел [...] [ТСТЯ, 2011, с. 606–607]. В алтайском языке *сагыш* «1. Ум, мысль, дума; *сагышка* алын понимать, разуместь, догадываться; *сагыжы* дьетпес глупый; *сагыжы* дьок безумный, бестолковый; 2. Расположение к чему-л.; *эдерге сагыш* дьок нет расположение к этой работе» [ОРС, 1947, с. 123]. Мы предполагаем, что в данной словарной статье значение «расположение к чему-л.» подразумевает, скорее всего, намерение что-либо делать, которое обеспечивается сочетанием с инфинитивом, например, в хакасском языке: *Минің үгренир[ге] сагыс төреен* – у меня зародилась мысль учиться. *Синің институтта тогынар[га] сагыс пар ба?* – У тебя есть намерение работать в институте? В подобных случаях в хакасском языке по принципу языковой экономии происходит частичное выпадение инфинитивных аффиксов -га/-ге.

В шорском языке *сагыш* выражает: «1) ум; 2) разум; 3) мысль» [ШРиРШС, 1993, с. 45]. *Чаш чажан, пир ле сагыжым келча: сениң, мениң, парчын кижиниң пир керек ле: тогаитырарга айас күнме айас иштин!* (Врк, 35) – С годами ко мне приходит только одна мысль: чтоб у тебя, у меня, у всех людей ясные дни совпадали с ясными желаниями [перев. М. Ч.]. Шорский поэт Геннадий Косточаков это слово в своих стихах переводит и как «сознание»: *Кудайым, ажа, чазар-но / может быть, Бог-творец вылечит Улуг сананган пажымны, / возгордившуюся мою голову Соонда пожан-парып, тур-парган / изуродованное ныне и уставшее Чарық полган сагыжымны / сознание, прежде бывшее светлым [эл. версия: <https://vk.com/club111880077>]. Иженижи чоқ черибиске – паиқойчам, / люблю, пусть и безнадёжной земле Пүтпенчиган сагыжымма – пүт-турчам / верю, пусть и неверящим своим сознанием <https://vk.com/club111880077>].*

Глагольная форма данной лексемы образована при помощи аффикса возвратного залога -н-: как.: *сагын*- 1) думать, мыслить; 2) полагать, считать; 3) собираться, намереваться; 4) заботиться, беспокоиться о ком-л., чем-л.; 5) тосковать, скучать по кому-л., чему-л. [ХРС, 2006, с. 427] (см. более подробно [Чертыкова, 2014]), кирг.: *сагын*- «тосковать, скучать по кому-чему-л.; *досумду сагындым* я соскучился по своему другу; *эл сагынбас эр болбос, үйүрүн сагынбас ат болбос* погов. нет молодца, который не то-

сковал бы по (своему) народу, нет коня, который не скучал бы по своему косяку [...]» [КРС, 2015, с. 694]; тоф.: *сагын-* [сақтыр-] «1) думать, подумывать; придумать; 2) помнить, вспоминать; *сақтып ал-* вспоминать; 3) скучать, грустить; мечтать» [СТРиРТ, 2005, с. 83]; тув.: *сагын-* [сақтыр-] «1. [...] вспоминать, возобновлять в памяти, помнить, удерживать в памяти [...]; 2. [...] тосковать, скучать о ком-чем-л.; 3. [...] запоминать, заучивать; 4. [...] думать, соображать, догадываться» [ТСТЯ, 2011, с. 618–619], шор.: *сагын-* «тосковать, скучать» [ШРиРШС, 1993, с. 45]. В ряде сибирских тюркских языков первичные лексико-семантические варианты (ЛСВ) структуры данного глагола отражает мыслительный процесс. В киргизском и шорском же языках его семантика ориентирована на эмоциональную сферу человеческой деятельности, однако при этом не исключает и ментальный признак: обычно тоскующий и скучающий человек много думает об объекте своих переживаний. Положительный же настрой человека отражается в лексике со значениями радости, удовлетворения и удовольствия.

Лексема *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш* часто выступает в составе фразеологических единиц. В хакасском языке фразеологизмы, построенные по модели «сагыс + глагол», мы делим на две семантические подгруппы: 1) фразеологизмы с общим значением «содержать или пополнять в памяти информацию»; 2) фразеологизмы с общим значением «терять информацию»: *сагыста тут-* «букв. держать в мыслях; 1) держать в мыслях; 2) помнить, не забывать»; *сагыста хал-* «букв. оставаться в мыслях; оставаться в памяти, держать в памяти»; *сагысха кір-* «букв. входить в мысли; вспоминаться, помниться»; *сагысха түс-* «букв. спускаться в мысли; задумываться» и другие [Чертыкова, 2013]. Таких фразеологизмов, по нашим данным, всего 20 единиц. В других тюркских языках: шор.: *сагыш санаң-* «размышлять», *сагышка кир-* «напоминать о ком-чём-л.» [ШРиРШС, 1993, с. 45]. *Тилге ус, ишке ус чон-қалығым сагыжымга кирчалар* (Косточаков, 26) – [Мне] вспоминается мой трудолюбивый, красноречивый народ (перев. – М. Ч.); тоф.: *сагышқа тұыш-* «задумываться»; *сагышта чоба-* «беспокоиться» [СТРиРТ, 2005, с. 83]; алт. *сагышка алынбас* «уму непостижимый» [ОРС, 1947, с. 123]; тув.: *сагышка* (или *бодалга*) кирер- «помниться»; *ол хүн мээңсагыжымга кирип тур* – мне помнится этот день [РТС, 2015, с. 418]. Все эти фразеологизмы построены по схеме «сагыс + глагол». В роли глагола выступает обычно вспомогательный глагол, значение же формулируемого ими фразеологизма часто мотивировано от их буквального содержания. В целом же сочетание существительного *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш* с глаголами в основном даёт значения, группирующиеся вокруг концепта «память».

Синтагматические возможности лексем *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш* позволяют реализовать признаки не только ментального содержания (хак., тоф., алт., шор.), но и воспроизводить коннотативные свойства и принимать эмоциональные окраски, например, в хакасском и тувинском языках они выражают такие понятия, как забота, беспокойство, тоска. Исключение составляет киргизская лексема *сагыныч*, обладающая

единственным значением «тоска, печаль», а понятие мысли выражается многозначной лексемой *ой* I «1. мысль, помысел; *адам ойго тойбойт, бөрү койго тойбойт* погов. человек мыслью не насыщается (всё время думает), волк овцами не насыщается; *ой – сөздүн сандыгы* погов. мысль – сокровищница (букв. *сундук*) слов [...]» [КРС, 2015, с. 627]; *адамдын оюнун күчү* – сила человеческой мысли; *терең ой* – глубокая мысль; *башыма ой келди* – [мне] пришла мысль в голову. Данная лексема отмечается также в казахском, каракалпакском, ногайском, крымско-татарском и других тюркских языках, но в сибирских тюркских же языках она [с ментальным значением] не зафиксирована. Однако соответствие её глагольной формы (*ойла-*) «... мы находим также в якутском языке с мягким огубленным гласным ө, как и в древнетюркских текстах (*ög* ‘разум, мысль’): *өйдө*= 1) помнить, запоминать; 2) вспоминать; 3) понимать, разуметь, постигать (< *өй* 1) ум, разум, рассудок; 2) память). В языке чалканцев глагол *ойлан*= был зафиксирован Н. А. Баскаковым в значении ‘подумать про себя, размышлять; вспомнить’, но в современном чалканском диалекте он утрачен [Баскаков, 1985, с. 180]» [Глаголы ..., 2015, с. 253]. Лексема *ой* присутствует и в монгольском языке: *ой* III 1) способность, ум, разум; *ой билиг* разум; *дээд ой билигт* исполненный высокого ума и мудрости; *ой муутай* слабоумный, забывчивый; [...]; 2) память; *ой сайтай* имеющий хорошую память; способный, ловкий, умелый; *тэр ой сайтай* у него хорошая память; [...] [БАМРС, 2001, с. 347–348]. Как пишет Э. В. Севортян: «На общности корня *ой* строится схема генетической связи тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, как это представлено в VGAS I67: монг. *oi* < * *ojī / ojīn / ojīn* «разум», ср. монг. *ojīn* «сознание», «ощущение», «чувство» = ? эвен. *uj* «разум» = др. тюрк. *oj* «мысль», «мышление». Как видно, монг. *oi*, согласно традиционной установке, возводится к *ojīn / ojīn*» [ЭСТЯ, 1974, с. 429].

3. санаа

Лексема *санаа* «мысль, дума; идея; взгляд; понятие» монгольского происхождения [Рассадин, 1980, с. 68]. В монгольском языке лексема *санаа(н)* обозначает: «1) мысль, дума; идея; намерение; желание; размышление; понятие; представление; мнение; предложение; *агуу санаа* дальновидность; *ариун санаа* возвышенность; *атгаг санаа* предрассудки; [...]; 2) душевное состояние; настроение; *үнэн санаанаасаа* от всего сердца, от всей души; *санаа агуу тавих* успокаиваться; [...] [БАМРС, 2001, с. 481–482]. Также существительное *санаа* активно действует в алтайском, киргизском и якутском языках, о чём свидетельствует богатство и обширность её семантической структуры: алт.: *санаа* «1. сознание, мысль, дума, размышление; 2. печаль, забота; 3. дух, настроение» [ОРС, 1947, с. 125]; кирг.: *санаа* «мысль, дума; намерение; забота, печаль; *санаа күүндан да күлүк* погов. мысль быстрее вихря» [...] [КРС, 2015, с. 707]; як.: *санаа* «1) мысль, дума; *кিনিэхэ оннук санаа элэс гынна* у него мелькнула такая мысль; *биһиги санаабыт биир* наши мысли одинаковы [...]; 2) цель, стрем-

ление, намерение; желание; *кини санаатын ситтэ* он достиг своей цели; [...]; 3) горе, печаль; *траур*; *ыар санааба ылар* переживать тяжёлое горе; *санаабын аралдьыт* (= или *тарбат*) рассеяться; отвлечься (от горестных мыслей) [...]; 4) в сочет. с *кэллэ* - означает пожелать, захотеть; *аһыах санаам кэллэ* я захотел есть [...] [ЯРС, 1972, с. 314].

Семантическая структура лексемы *санаа* в целом представлена теми же сценариями реализации, концентрирующихся вокруг ментальных и эмоциональных значений.

Как мы видим, первоначальное значение ментального состояния лексемы *санаа* «мысль, дума, намерение» в сибирских тюркских языках расширилось в направлении отрицательного эмоционального переживания «печаль, горе». Вторичные значения лексемы *санаа* в алтайском, киргизском и якутском языках выражают печаль, тоску и заботу, в монгольском и алтайском языках – настроение. Здесь мы наблюдаем закономерность семантической эволюции данных слов: преобразование длительного размышления в дискомфорт, меланхолию, уныние. «Именно во вторичных номинациях выявляется главный закон развития языка и мышления, который предусматривает филиацию – развитие языковых явлений в последовательности и преемственной связи, в непосредственной зависимости от предыдущих фактов, накопление знаний и получение на их основе новой информации» [Стариченок, 2016].

Лексема *санал*, образованная при помощи словообразовательного аффикса -л-, действует в монгольском и тувинском языках: монг.: «1) мнение; предложение; предположение; заключение; дума, мысль, размышление; слово; отзыв; намерение; помысел; *олон нийтийн санал* общественное мнение; [...] *урьдаас баримталсан санал* предвзятая мысль; [...] *санал алдах* потерять надежду, разочаровываться, упасть духом; *санал бодлого / санал бодол* мнения, мысли; думы, настроения; [...]; 2) у.т. голос; *сонгогчдын санал* голос избирателей; *нууцаар санал хураах* тайное голосование [БАМРС, 2001, с. 484–485]; тув.: *санал* 1. предположение, мнение; 2. выступление, речь на собрании [ТСТЯ, 2011, с. 637]. В древнетюркском словаре есть лексема *säna* «хвала, похвала: *däna tu ajuγaj säza bu tilim* сможет ли воздать мой язык достойную похвалу? (Юг С3) [ДТС, 493].

В глагольной форме *сана-*, как глагол мыслительной деятельности, употребляется в ряде тюркских языков: хак.: «1) считать, подсчитывать кого-л., что-л.; подвергать счёту; *ахча санирга* считать деньги; 2) вычленять; *нус чöрiзiн санирга* вычислить скорость движения льда; 3) признать кого-л., что-л., считать кем-л., чем-л. *алыга санирга* считать кого-л. дураком» [ХРС, 2006, с. 443]; шор.: *сана-* «1. считать: *акчаны санарга* считать деньги; 2. хотеть: *ыларга нар килерге санапчам* – я хочу сходить к ним» [ШРиРШС, 1993, с. 46]. В данных языках глагола *сана-*, как и в русском языке, «является омонимом двух значений «считать» и «вести счёт», хотя между ними предусматривается логическая связь: сосредотачивать умственную активность на определённом объекте» [Чертыхова, 2014, с. 136]. В тофаларском языке глагол *сана-* I [*санаар-*] ограничивается обозначением ведения счёта: «считать, сосчитать, подсчитывать; сан сана

решить задачу» [СТРиРТ, 2005, с. 84]. Семантика монгольского глагола *санаархах* также не выходит за пределы обозначения мыслительной деятельности: «1) намереваться; *цөмийн зэвсгийг ердийн зэвсэглэлээр солих гээж санаархах* стремиться заменить ядерное оружие обычным вооружением; 2) думать; мечтать; витать; *санашиггүй юманд санаархах* витать в облаках; *түүнд санаархахаа* боль! перестань думать о ней; [...]» [БАМРС, 2001, с. 481–482].

В других языках семантика данного глагола имеет вторичный лексико-семантический вариант, отражающий процесс грусти, тоски: як.: *санаа*- «1) думать, подумать; задумать; *туох дни саныыгын?* как ты думаешь?; [...]; 2) желать, пожелать; *кিনিэхэ үтүөнү эрэ саныыбын* я ему желаю только добра; 3) в сочет. с кэриэтэ- означает считать кем-л.; *кинини аѳам кэриэтэ саныыбын* я его почитаю за своего отца; \diamond *хом сана* быть недозвольным кем-л., обижаться на кого-л.; огорчаться» [ЯРС, 1972, с. 314]; алт.: *санарка*- «печалиться, грустить, тосковать, унывать» [ОРС, 1947, с. 125]; кирг.: *санаарка*- «думать, задумываться; печалиться» [КРС, 2015, с. 708]. Вероятно, данный глагол образован от существительного *сан* «счёт» и глаголообразующего аффикса -а-.

Е. В. Тюнтешева и соавторы считают, что глагол *сана*- в монгольском языке, скорее всего, тюркское заимствование, которое, в свою очередь, было переаимствовано тюркскими языками Сибири и киргизским языком³. «В казахском, киргизском и шорском диалекте хакасского языка, вероятно, произошла контаминация значений своего и заимствованного слова: каз., шор.д. *сана*- 1) считать, подвергать счёту; 2) считать кем-л.; каз. также «прийти к заключению». В «Киргизско-русском словаре» *сана*- в значении «считать устно» даётся как омоним [КРС, т. 2, с. 132] (см. также [Глаголы ..., 2015, с. 253]). В хакасском языке функционируют однокоренные существительные: *сан* «счёт», *санас* «расчёт», *саназыг* (-ии) и.д. от *саназарга* «расчёт»; *саназыг алдым* [я] получил расчёт; *саназыг идерге* произвести расчёт (денежный) [ХРС, 2006, с. 442]. Аналогичные лексеме сан имеются варианты и в тофаларском языке: *сан* [*саны*] 1) число; счёт; 2) цифра [СТРиРТ, 2005, с. 84]; а также в киргизском, тувинском, шорском, алтайском языках и обладают теми же значениями. Подобный механизм образования словообразовательных гнезд позволяет рассмотреть модели, по которым ментальные номинации обслуживают те или иные сферы.

4. бодол / бодол / бодал

Лексема *бодал* «дума, мысль, идея; мнение» является монгольским заимствованием [ЭСТЯ, 2015, с. 238]. Она действует в монг.: *бодол* «1) мысль, дума; идея, мнение, предположение; размышление, соображение; *миний бодлоор бол* по моему мнению; *өдрийн бодол, шөнийн зүүд зүйр*

³ Вместе с тем, нельзя не подчеркнуть спорность данного вопроса. Так, по мнению П. А. Дарваева, двусложность монгольских глагольных основ и наличие гласных в их финали по сравнению с односложностью тюркских основ не является критерием заимствования тюркских слов в монгольские языки: давно известно, что эти гласные могли иметь также и морфологическую природу [Дарваев 1989, с. 47–49].

спать и видеть во сне (*угчил.* дневная мечта – ночное сновидение); [...]; *бодол болох* быть поглощённым мыслями; предаваться мыслям; *бодол болсон харц* задумчивый, мечтательный взгляд; *бодол санаанаас гарахгуй байна* мысль сверлит голову; 2) расчёт, стремление; *бор бодлын албан татвар хуучир* натуральная повинность [БАМРС, 2001, с. 388]; алт.: бодол I «предположение, приблизительное определение» [ОРС, 1947, с. 32]; тув.: *бодал* «мнение» [РТС, 1980, с. 256]. Здесь лексемы *бодол / бодол / бодал* в целом совпадают по семантической характеристике.

Рассмотренные лексемы способны интегрироваться в одну, объединённую общим значением, парную фразу, например, тув.: *кижсиниц бодал – сагыжы* «настроение, душевное состояние» [ТСТЯ, 2011, с. 607]; *санал – бодал* «мнения, соображения» [ТСТЯ, 2011, с. 637]; монг.: *санаа бодол / ухаан бодол* «мысль, мечты, соображения» [БАМРС, 2001, с. 388], тем самым они представляют структурно-семантическое единство.

Лексема *бодал / бодол* маркирует и уточняет такие участки ментального пространства, как «мнение», «предположение», «расчёт».

5. Заключение

На материале словарных данных мы произвели семантико- сопоставительный анализ лексических единиц, выражающих ментальное состояние человека: *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш* (др.-тюрк., хак., тоф., тув., алт., шор., кирг.); *санаа* (др.-тюрк., алт., кирг., як., монг.), *бодал / бодол* (тув., алт., кирг., як., монг.). Тем самым в семантике лексемы *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш* превалирует ментальный компонент (хак., тоф., шор, и алт.), реже – эмоциональный (тув., кирг.). Каждая лексема представляет собой смысловую структуру, демонстрирующую различные семантические преобразования ментального характера. Важность данных лексем национальной языковой картины мира, как отражения мыслительной деятельности и состояния человека, бесспорна, поэтому они в любом языке частотны и образуют словообразовательные гнезда. Закрепление тех или иных дифференциальных свойств за конкретными лексемами связано с их сочетательными способностями.

Поскольку в семантике рассмотренных лексем ядерным является общий категориальный признак «мысль», то в конкретных языках они находятся в синонимических отношениях. Так, в монгольском языке лексемы *бодал* и *санаа* синонимичны по признакам: мысль, идея, мнение. В якутском языке *бодал* и *санаа* синонимизируются по признакам «мысль, дума». В алтайском языке в семантической структуре *санаа* и *сагыш* совпадают ЛСВ «мысль» и «намерение». Более широкие семантические, соответственно, синтагматические парадигмы у монгольских лексем *санаа* и *бодол*, у хакасской лексемы *сагыс* и тофаларской *сагыш*.

В результате исследования ментальной лексики наблюдается следующая закономерность: данные лексемы в тюркских языках обладают многозначностью и их возможности в формулировании ментальных смыслов неограниченны. В связи с этим, нужно учитывать то, что одно и то же

многозначное слово в различных словарях может получить разную мета-языковую формулировку, и мы допускаем, что полученные нами выводы могут несколько варьировать в наших дальнейших исследованиях или же в работах других исследователей. В связи с подобными научными описаниями «содержания любых ментальных единиц на естественном метаязыке может быть сформулирован принцип неединственности метаязыкового описания ментальных сущностей» [Стернин, Рудакова, 2017, с. 4].

Список сокращений и условных обозначений

алт. – алтайский;
др.-тюрк. – древнетюркский;
кирг. – киргизский;
монг. – монгольский;
тоф. – тофаларский;
тув. – тувинский;
хак. – хакасский;
шор. – шорский;
як. – якутский.

Список литературы

1. Бурыкин, А. А. О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки [Текст] / А. А. Бурыкин // Вестник урovedения. – 2014. – № 4 (19). – С.21–33.
2. Бурыкин, А. А. Заметки на полях книги В. Котвича «Исследование по алтайским языкам»: к истории алтаистики и методике сравнительно- исторических исследований в алтаистике [Текст] / А. А. Бурыкин // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2015 а. – Т. XI. – Ч.2. – С. 128–149.
3. Бурыкин, А. А. Методы сравнительно-исторического языкознания, алтайская теория и тюрко-монгольские языковые связи (Реплика на статью В. И. Рассадина) [Текст] / А. А. Бурыкин // Урало-алтайские исследования. – 2015 б. – № 4 (19). – С. 93–105.
4. Глаголы интеллектуальной деятельности в тюркских языках и диалектах Саяно-Алтая [Текст] / Е. В. Тюттешева, О. Ю. Шагдурова, А. В. Байыр-оол, Н. Н. Широбокова // Сибирский филологический журнал. – 2015. – Вып. 4. – С. 251–266.
5. Дарваев, П. А. Краткое введение в сравнительную монголистику [Текст] / П. А. Дарваев. – Элиста : Калм. гос. ун-т., 1989. – 88 с.
6. Дыбо, А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период [Текст] / А. В. Дыбо. – М. : Изд-во «Восточная литература», 2007. – 227 с.
7. Каксин, А. Д. Мироззрение человека и его отражение в языке (к проблематике современного типологического языкознания) [Текст] / А. Д. Каксин // Язык: история и современность. – 2017. – № 1. – С. 52–59.

8. Кусова, М. Л. «Дума» и «Мысль» в языковом сознании носителя русского языка [Текст] / М. Л. Кусова // Новые подходы к изучению семантики : материалы межвуз. науч. конф., 6 марта 2012 г., Екатеринбург. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 101–105.
9. Рассадин, В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках [Текст] / В. И. Рассадин. – М. : «Наука», 1980. – 117 с.
10. Рассадин, В. И. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности [Текст] / В. И. Рассадин, С. М. Трофимова. – Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2012. – 180 с.
11. Стариченок, В. Д. Репрезентация вторичных ментальных номинаций в русском и белорусском языках (на материале адъективной и субстантивной лексикой) [Электронный ресурс] // Развитие фундаментальной науки в БГПУ: материалы науч.-практ. конф., г. Минск, 19 ноября 2015 г. – Минск, 2016. – URL : <http://elib.bspu.by/handle/doc/13330> (дата обращения: 23.03.2018).
12. Стернин, И. А. Словарные дефиниции и семантический анализ [Текст] / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2017. – 34 с.
13. Убрятова, Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским [Текст] / И. Е. Убрятова. – М. : Изд-во «Восточная литература», 1960. – 13 с.
14. Чертыкова, М. Д. Семантическая структура глагола сағын- «думать» в хакасском языке [Текст] / М. Д. Чертыкова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014 а. – № 1 (57). – Т. 1. – С. 161–165.
15. Чертыкова, М. Д. Глагольная репрезентация смыслового поля «мнение» в хакасском языке [Текст] / М. Д. Чертыкова // Вестник ВЭГУ – 2014 б. – № 1 (69). – С. 134–140.
16. Чертыкова, М. Д. Семантическое пространство «сағыс+глагол» в составе лексико-семантической группы глаголов мышления в хакасском языке [Текст] / М. Д. Чертыкова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3 (40). – С. 241–243.
17. Щербак, А. М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков [Текст] / А. М. Щербак. – СПб. : Наука, 2005. – 195 с.

References

1. Burykin, A. A. (2014). O vzaimnom sootnoshenii ot del'ny'x grupp altajskix yazy'kov i ob otnositel'nom ob'eme izmenenij v ot del'ny'x gruppax altajskix yazy'kov: «drevnie», «novy'e», i «novejshie» altajskie yazy'ki [About a mutual relation of separate groups of the Altaic languages and about the relative amount of changes in separate groups of the Altaic languages: «ancient», «new» and «latest» Altaic languages]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 4 (19), 21–33.
2. Burykin, A. A. (2015 a). Zametki na polyax knigi V.Kotvicha «Issledovanie po altajskim yazy'kam»: k istorii altaistiki i metodike sravnitel'no- istoricheskix issledovanij v altaistike [Marginal notes on the book "Researches on the Altaic languages by V. Kotwicz: The history of Altaic studies and the methodology of Altaic historical-comparative studies]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*.

- Transactions of the Institute for Linguistic Studies. Studies in the Mongolic languages*, XI (3), 128–149.
3. Burykin, A. A. (2015 b). *Metody' sravnitel'no-istoricheskogo yazy'koznaniya, altajskaya teoriya i tyurko-mongol'skie yazy'kovy'e svyazi (Replika na stat'yu V. I. Rassadina)* [Methods of comparative linguistics, the Altaic theory and the Turko-Mongolic language relations]. *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 4 (19), 93–105.
 4. Darvaev, P. A. (1989). *Kratkoe vvedenie v sravnitel'nyuyu mongolistiku* [Brief introduction into comparative Mongolian studies]. Elista : Kalmyk State University Press.
 5. Dybo, A. V. (2007). *Lingvisticheskie kontakty rannih tyurkov. Leksicheskiy fond. Pratyurk'skiy period* [Early contacts of Turks. Lexicon. Proto-Turkic period]. Moscow : «Vostochnaya literatura» Press.
 6. Kaksin, A. D. (2017). *Mirovozzrenie cheloveka i ego otrazhenie v yazyke (k problematike sovremennogo tipologicheskogo yazykoznaniya)* [Human outlook and its reflection in language (To the perspective of modern typological linguistics)]. *Yazyk: istoria i sovremennost'* [Language: History and Modernity], 1, 52–59.
 7. Kusova, M. L. (2012). «Duma» i «Mysl'» v yazykovom soznanii nositelya russkogo yazyka [«Duma» and «Mysl'» in a Russian native speaker linguistic conscioussness]. *Novye podhody k izucheniyu semantiki* [New approaches to semantic studies] (pp. 101–105). Yekaterinburg : Ural University Press.
 8. Rassadin, V. I. (1980). *Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskih tyurkskih yazykah* [Mongolian-Buryat loanwords in Siberian Turkic languages]. Moscow : «Nauka» Press.
 9. Rassadin, V. I., Trofimova, S. M. (2012). *O sootnoshenii mongol'skih i tyurkskih grammaticheskikh ehlementov v sostave tyurko-mongol'skoj yazykovoj obshchnosti* [About the proportion of Mongolian and Turkic grammatical elements in the Turkic-Mongolian language subfamily]. Elista : Kalmyk State University Press.
 10. Starichenok, V. D. (2016). *Reprezentaciya vtorichnyh mental'nyh nominacij v russkom i belorusskom yazykah (na materiale ad"ektivnoj i substantivnoj leksiki)* [Representation of secondary mental nominations in Russian and Belarusian language (Based on adjectival and substantive lexis)]. *Razvitie fundamental'noj nauki v BGPU* [Fundamental sciences development in Belorussian State Pedagogical University]. Proc. of the scientific and practical conference, Minsk, November 19, 2015 ; Retrieved March 23, 2018 from <<http://elib.bspu.by/handle/doc/13330>>.
 11. Sternin, I. A., Rudakova, A. V. (2017). *Slovarnye definicii i semanticheskij analiz* [Dictionary definitions and semantic analysis]. Voronezh : Istoki Press.
 12. Tyuntешеva, E. V., Shagdурова, O. Yu., Bajyr-ool, A. V., Shirobokova, N. N. (2015). *Glagoly intellektual'noy deyatel'nosti v tyurkskih yazykah i dialektah Sayano-Altaya* [Verbs of intellectual activity in the Turkic languages and dialects of Sayan-Altai]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 4, 251–266.
 13. Ubryatova, E. I. (1960). *Yakutskiy yazyk v ego otnoshenii k drugim tyurkskim yazykam, a takzhe k yazykam mongol'skim i tunguso-manch'zhurskim* [The Yakut

- language in its relation to other Turkic languages as well as Mongolian and Manchu-Tungus languages]. Moscow : «Vostochnaya literatura» Press.
14. Chertykova, M. D. (2014 a). Semanticheskaya struktura glagola saғыn- «dumat'» v hakasskom yazyke [Semantic structure of the verb сағын «to think» in the Khakass language]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 1 (57), Vol. 1, 161–165.
 15. Chertykova, M. D. (2014 b). Glagol'naya reprezentatsiya smyslovogo polya «mnenie» v hakasskom yazyke [Verbal representation of the semantic field of “Opinion” in the Khakas language]. *Vestnik VEGU*, 1 (69), 134–140.
 16. Chertykova, M. D. (2013). Semanticheskoe prostranstvo «saғыs+glagol» v sostave leksiko-semanticheskoy gruppy glagolov myshleniya v hakasskom yazyke [Semantic space «са ғыс +verb» as a part of semantic group thinking verbs in the Khakass]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 3 (40), 241–243.
 17. Shcherbak, A. M. (2005). *Tyurksko-mongol'skie yazykovye kontakty v istorii mongol'skih yazykov* [Turkic-Mongolian language contacts in the history of Mongolian languages]. St-Petersburg : Nauka Press.

Лексикографические источники

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырёх томах [Текст] / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М. : АCADEMIA, 2001. – 2007 с.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л. : Изд-во. «Наука», Ленингр. отделение, 1969. – 676 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь [Текст] / под ред. Д. М. Насилова, И. В. Кормушина [и др.]. – 2-е изд., пересмотр. – Астана : «Ғылым» баспасы, 2016. – 760 с.
- КРС – Кыргызско-русский словарь: 40 000 слов [Текст] / под ред. К. К. Юдахина. 4-е изд. Б. : «Улуу Тоолор», 2015. – 1092 с.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и дополн. [Текст] / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова [и др.]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 1298 с.
- ОРС – Баскаков, Н. А., Тошакова, Т. М. Ойротско-русский словарь [Текст] / Н. А. Баскаков, Т. М. Тошакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1947 – 312 с.
- РТС – Русско-тувинский словарь: 32 000 слов [Текст] / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунаа [и др.]. – Абакан : ООО «Кооператив «Журналист», 2015. – 664 с.
- СТРИРТ – Рассадин, В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский : учеб. пособие [Текст] / В. И. Рассадин. – СПб: Изд-во «Дрофа», 2005. – 295 с.
- ТСРЯ – Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., дополн. – М. : ООО «А ТЕМП». 2006. – 944 с.

- ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка [Текст] / под ред. Д. А. Монгуша. – Новосибирск : Наука, 2011. – 798 с. (Т. II: К – С).
- ТРС – Тувинско-русский словарь [Текст] / под ред. Э. Р. Тенишева. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 646 с.
- ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас – орыс сөстiк [Текст] / под ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
- ШРиРШС – Курпешко-Таннагашева, Н. Н. Шорско-русский и русско-шорский словарь [Текст] / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. – Кемерово : Кемеровское книжное изд-во, 1993. – 153 с.
- ЭСТЯ – Севорян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) [Текст] / Э. В. Севорян. – М. : Изд-во «Наука», 1974. – 767 с.
- ЭСТЯ 9 – Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков [Текст] / сост. А. В. Дыбо. – Астана : ТОО «Prosper Print», 2013. – 616 с.
- ЭСТЯ – Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка [Текст] / Б. И. Татаринцев. – Т. I: А–Б. – 2-е изд., доп. – Абакан : ООО «Кооператив «Журналист», 2015. – 400 с.
- ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов [Текст] / под ред. П. А. Слепцова. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. – 568 с.

Dictionaries

- BAMRS (2001). – Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' v chety'reh tomah [Big academic Mongolian-Russian dictionary. In four volumes]. Ed. by G. C. Pyurbeev. Moscow : ACADEMIA Press.
- BTSRYa (2000). – Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka (Big explanatory Russian dictionary). Ed. by S. A. Kuznetsov. St-Petersburg : Norint Press
- DTS (1969). – Drevnetyurkskij slovar' [The dictionary of ancient Turkic]. Ed. by V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shherbak. Leningrad : «Nauka» Press, Leningrad Department.
- DTS (2016). – Drevnetyurkskij slovar' [The dictionary of ancient Turkic]. Ed. by D. M. Nasilov, I. V. Kormushin et al. 2nd ed., corrected. Astana : «Fylym» baspasy Press.
- ORS (1947). – Baskakov, N. A., Toshchakova, T. M. (1947). *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oirat-Russian dictionary]. Moscow : Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey Press.
- Apresyan, Yu. D., Boguslavskaya, O. Yu., Krylova, T. V. et al. (2000). *Novyy obyasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory Russian dictionary of synonyms]. 2nd ed., with corrections and additions. Moscow : Yazyki russkoj kul'tury' Press.
- RTS (2015). – Biche-ool, M. D., Delger-ool, A. K., Kunaa, A. Ch. (2015). *Russko-tuvinskiy slovar'* [Russian-Tuvan dictionary]: 32 000 words. Abakan : ООО «Кооператив «Zhurnalist» Press.
- KRS (2015). – Kyrgyzsko-russkiy slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary]: 40 000 words. Ed. by K. K. Yudakhin. 4th ed. B. : «Uluu Toolor» Press.

- STRiRT (2005). – Rassadin, V. I. (2005). *Slovar' tofalarsko-russkiy i russko-tofalarskiy* [Tofa-Russian and Russian-Tofa dictionary]: A coursebook. St-Petersburg : «Drofa» Sankt-Peterburg» Press.
- TSRYa (2006). – Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Russian explanatory dictionary]. 80 000 words and phraseological units. 4th ed., with additions. Moscow : OOO «A TEMP» Press.
- TSTYa (2011). – Tolkovy'j slovar' tuvinskogo yazy'ka [Explanatory dictionary of Tuvan]. Ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk : Nauka Press (T. II: K – S).
- TRS (1968). – Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow : Sovetskaya entsiklopedia Press.
- XRS (2006). – Hakassko-russkiy slovar' = Xakas-ory's söstik [Khakas-Russian dictionary]. Novosibirsk : Nauka Press.
- E'STYa (1974). – Sevoryan, E. V. (1974). *Etimologicheskiy slovar' tyurkskih yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnyye)* [Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and intra-Turkic stems ending with a vowel)]. Moscow : «Nauka» Press.
- ESTYa 9 – Etimologicheskiy slovar' tyurkskih yazykov [Etymological dictionary of Turkic languages]. (2013). Vol. 9 (additional). Etimologicheskiy slovar' bazisnoy leksiki tyurkskih yazykov [Etymological dictionary of basic lexicon of Turkic languages]. Ed. by A. V. Dybo. Astana : TOO «Prosper Print» Press.
- ESTYa (2015). – Tatarintsev, B. I. *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka*. Vol. 1. A–B. 2nd ed., with additions. Abakan : OOO «Koopерativ «Zhurnalist» Press.
- YaRS – Yakutsko-russkiy slovar' [Yakut-Russian dictionary]. 25 300 words. (1972). Ed. by P. A. Slepcev. Moscow : «Sovetskaya entsiklopedia» Press.
- ShRiRShS – Kurpeshko-Tannagasheva, N. N., Apon'kin, F. Ya. (1993). *Shorsko-russkiy i russko-shorskij slovar'* [Shor-Russian and Russian-Shor dictionary]. Kemerovo: Kemerovskoe Press.

УДК 81'246; 81-13
UDC 81'246; 81-13

Шустова Светлана Викторовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Svetlana V. Shustova
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

**МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
И МИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС
MIGRATION LINGUISTICS
AND MIGRATION DISCOURSE**

Аннотация

В предлагаемой статье рассматривается вопрос влияния возрастающих миграционных потоков на язык принимающего общества. Актуальность темы обоснована повышенным интересом лингвистов к данной проблеме, а также отсутствием единой и всесторонней лингвистической теории изучения миграционных процессов. Объектом исследования является модель миграционного дискурса. Целью статьи является попытка систематизировать теоретические предпосылки формирования нового научного направления «миграционная лингвистика» и определение понятия «миграционный дискурс». Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи: анализ лингвистических работ отечественных и зарубежных исследователей, выполненных в данном направлении; определение объекта и предмета миграционной лингвистики; описание круга проблем миграционной лингвистики; определение компонентов модели миграционного дискурса и их языковая репрезентация.

Abstract

The article deals with the impact of increasing migration flows on the language of the host society. The relevance of the topic is due to increased interest of linguists to this issue and the absence of a single comprehensive linguistic theory of the study of migration processes. The object of research is the model of migration discourse. The aim of the article is to try to systemize the theoretical prerequisites of the formation of new scientific field «migration linguistics» and the definition of the concept. To achieve the goal, the author sets the following tasks: analysis of linguistic works of domestic and foreign researchers performed in this direction; the definition of the object and subject of migration linguistics; description of the range of problems of migration linguistics, the definition of the components of the migration discourse model and their language representation.

Ключевые слова: миграционный дискурс, миграция, миграционные процессы, миграционная лингвистика, титульный язык, моделирование языковых миграционных процессов, языковой конфликт.

Keywords: migration discourse, migration ,migration processes, migration linguistics, modeling of migration processes.

doi: 10.22250/2410 7190_2018_4_2_114_125

1. Введение

Миграция представляет собой перемещение людей по территории той или иной страны или за её пределами. Причины миграции чаще всего экономические, могут быть политические. Этническая миграция существенно влияет на этнический состав населения, на языковую ситуацию, в том или ином регионе [Словарь ..., 2006, с. 128].

В словаре социолингвистических терминов выделяются два основных типа миграции [Словарь ..., 2006, с. 128]. К первому относится маятниковая миграция – регулярные перемещения из одни населённых пунктов в другие и возврат к месту жительства в связи с местом работы, учёбы. Социолингвистические последствия такого вида миграции состоят в том, что происходит нивелирование территориальных и региональных языковых различий. Второй тип – сезонная миграция, под которой понимается передвижение сезонных рабочих и туристическая миграция; постоянная миграция – перемещение внутри страны и за её пределами, результатом чего становится заметное изменение социального и этнического состава населения в некоторых странах и регионах и возникновение в ряде случаев этносоциальных и этноязыковых конфликтов.

В сфере миграционной лингвистики речь идёт о вариативности языка / речи как способности языка создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внешних причин. Вариативность является одним из важных факторов развития языка и приложима как к языку в целом, так и к различным формам его существования. Это позволяет говорить об универсальном характере вариативности и варьирования. Если продолжать рассуждения относительно варьирования, то следует иметь в виду формальный (структурный), семантический и функциональный аспекты, прежде всего, в силу того, что данные аспекты обусловлены знаковой природой языковых единиц, их формой, значением и функцией.

Тематика миграции и языка становится наиболее актуальной в области лингвистических исследований особенно в последнее десятилетие. Для обозначения этой сферы всё чаще исследователи прибегают к понятию «миграционная лингвистика» (Migrationslinguistik). Причиной становления миграционной лингвистики как самостоятельного направления в лингвистической науке стал факт массивных, многообразных миграционных движений, возникающих в мобильном и глобализирующемся мире. А на основе этих глобальных процессов особую значимость приобретает языковая динамика и её релевантность для лингвистики в целом.

Важный вклад в развитие миграционной лингвистики внёс Т. Крефельд [Krefeld, 2004]. Исследователь предложил системную концептуализацию миграционной лингвистики. Особое внимание сфокусировано на вариантной и пространственной лингвистике.

В современной лингвистике вариативность определяется как одно из фундаментальных свойств языковой системы. Вариативность характеризуется как общее свойство языковой системы получать реализацию в речи в виде множества вариантов. Вариант языка, или разновидность языка, рассматривается как форма существования языка, представляющая собой модификацию инварианта, в качестве которого выступает 1) система и структура языка или 2) норма языка. В зависимости от причин, обусловивших появление вариантов языка, различают следующие типы:

- национальные варианты языка – появляются в результате территориального обособления носителей языка и развитие в разных территориально-государственных образованиях (национальные варианты английского языка Англии, США, Канады, Австралии);

- этнические варианты языка (этнолекты) – возникают в зонах контактирования данного языка с другими языками в результате приобретения некоторых различий под воздействием постоянной системной интерференции;

- территориальные варианты языка (территориальные диалекты) – разновидности языка, появившиеся в результате территориального обособления части его населения;

- социальные варианты языка (социальные диалекты) – возникают в процессе функционирования языка в различных социальных слоях общества (профессиональные жаргоны, корпоративные жаргоны, просторечие) [Словарь ..., 2006, с. 35].

Е. Гугенбергер [Gugenberger, 2018] предлагает свой взгляд на решение вопроса о статусе миграционной лингвистики, а именно, особый фокус должен быть сконцентрирован не на попытке интеграции концептов других языковедческих дисциплин, а на разработке мультидисциплинарного подхода [Gugenberger, 2018, S. 18]. Мы разделяем позицию исследователя и считаем, что речь должна идти о формировании новой теоретико-методологической базы и о базе данных (например, корпуса). Миграционная лингвистика, как представляется, должна стать не только междисциплинарным, но и трансдисциплинарным направлением.

Таким образом, методологической базой исследования этого молодого аспекта лингвистики, имеющего, на наш взгляд, огромный потенциал, послужили работы Томаса Крефельда и Е. Гугенбергера, в которых предложена системная концептуализация миграционной лингвистики на основе мультидисциплинарного подхода.

Теоретическая задача, которую мы ставим перед собой в предлагаемой статье, состоит в определении объекта, предмета, цели и задач исследования миграционной лингвистики.

Были использованы гипотетико-индуктивный, гипотетико-дедуктивный методы, метод метафорического моделирования, критический дис-

курс-анализ. В качестве материала для исследования были взяты данные словарей, энциклопедий, материалы лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета, Национального корпуса русского языка, онлайн-версий газет «Советская Россия», «Российская газета».

2. Миграционная лингвистика как междисциплинарное и трансдисциплинарное направление

Результаты теоретического анализа позволили сформулировать объект, предмет и задачи, наличие которых характеризует любой самостоятельный раздел той или иной научной области. Итак, объект миграционной лингвистики – это моделирование динамических языковых процессов, обусловленных миграционными процессами и моделирование миграционного дискурса.

Предмет миграционной лингвистики имеет комплексный характер и включает модель миграционного дискурса, формирование базовых категорий миграционной лингвистики, формирование и развитие теоретико-методологической базы, разработку системы методов миграционной лингвистики.

Задачи миграционной лингвистики многочисленны и непросты:

- 1) выявление пространственно-специфических и контактных лингвистических аспектов взаимодействия языков различных этносов, проживающих на одной территории (пиджинизация, креолизация);
- 2) описание взаимодействия национальных, титульных языков и языковых анклавов;
- 3) разработка типологии языковых анклавов;
- 4) характеристика положительных и отрицательных сторон мобильности этносов в лингвистическом аспекте;
- 5) моделирование лингвокультурной полифонии языковой картины мигранта;
- 6) анализ причин языковой агрессии со стороны титульной нации и мигрантов;
- 7) сравнительный анализ нормативно-правовых актов стран в области языковой политики;
- 8) разработка типологии языковых ситуаций, возникновение которых обусловлено миграционными процессами и желанием мигрантов сохранить свою идентичность;
- 9) определение роли политической лингвистики, контактной лингвистики, вариатологии, пространственной лингвистики и лингвоэкологии в формировании миграционной лингвистики;
- 10) описание туристической миграции в лингвистическом аспекте;
- 11) разработка типологии коммуникационных пространств, обусловленных миграционной мобильностью;
- 12) анализ динамических процессов в языке, обусловленных миграционными процессами;
- 13) введение понятия «мобильное многоязычие»;

- 14) моделирование процессов ослабления речевой конфликтогенности;
- 15) моделирование миграционных процессов в лингвистическом аспекте.

Е. Гугенбергер в своём исследовании рассматривает языковые контакты между Галицией и Испанией. По мнению учёного, благодаря интенсивному изучению галицийского языка в течение последнего года обнаружены важные количественные и качественные данные, касающиеся развития галицийского языка. Автор представляет солидную теоретическую базу в виде монографических трудов, в которых освещаются вопросы языковых контактов: галицийский и кастильский, галицийский и португальский языки, галицийский в Швейцарии, Германии, Франции, Англии [Gugenberger, 2018, S. 18–19].

В основе миграционной лингвистики находится дихотомия «локальное / глобальное», а также мир отдельно взятого языка и система, которая конструируется на основе тщательного изучения его развития. Е. Гугенбергер руководствуется принципом «follow the people» и анализирует язык галицийских мигрантов в детстве, юношестве, в Аргентине до настоящего времени. Благодаря контрастивному сопоставлению коммуникационных пространств Галиции и Аргентины определяются социальные, культурные, языковые образцы речевого поведения [Gugenberger, 2018, S. 18–19].

Возвращаясь к сформулированным задачам миграционной лингвистики, необходимо добавить изучение вопросов идентичности и аккультурации, роли социальных сетей и гибридизации.

Идентичность рассматривается как психологическое соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определённые нормы, ценности, групповые установки, а также то, как воспринимают человека окружающие, с какой из групп его соотносят [Словарь ..., 2006, с. 72–73]. Важную роль при идентификации индивида играют лексические, орфоэпические, стилистические элементы языка. К характерным признакам относится симбиоз этнического самосознания и сознания языкового. В сфере идентичности выделяются актуальная, возрастная, локальная, классовая, конфессиональная, культурная, национальная, родоплеменная, субэтническая, этатическая виды идентичности [Словарь ..., 2006, с. 73]. Практически все разновидности идентичности могут быть частным предметом исследования в миграционной лингвистике.

Аккультурация (культурная адаптация) представляет собой процесс и результат взаимовлияния национальных культур и языков, заключающийся в приспособлении индивида или культурного сообщества в целом к инокультурному окружению. В результате аккультурации у коллектива (или индивида-реципиента) происходит формирование двойного культурно-языкового сознания и развивается билингвизм [Словарь ..., 2006, с. 20]. В. фон Гумбольдт относит язык к числу тех явлений, которые отражают характер этноса, его психический склад, образ мыслей, искусство, науку, философию, то есть весь комплекс интеллектуальных ценностей, что определяет «дух народа», его мировоззрение, отражающееся в языке.

Апеллируя к духовному началу языка, В. фон Гумбольдт одновременно рассматривает его как продукт динамичный, созидающий, активность которого проявляется в воздействии языка как социального явления на индивидуум и, чем сознательнее индивидуум пользуется языком в соответствии со своими внутренними и внешними потребностями, тем сильнее воздействует язык на его мышление.

Гибридизация носит трансдисциплинарный характер и в целом означает продуктивное скрещивание, а, следовательно, возникновение объектов, в нашем случае – языков с качественно новыми свойствами, способных легче адаптироваться к контексту решения определённых задач [Ирисханова, 2010, с. 30–44].

Вопрос о роли социальных сетей в гибридизации языков можно ставить в аспекте важности их динамической составляющей в условиях глобализации. Развитие новых технических средств связи, каналов передачи информации, формирование глобальных информационных сетей, транснациональных мультимедийных образований способствует созданию общепланетарных коммуникативно-деятельностных систем [Сергеев, 2009, с. 117–12].

Таким образом, на основе двух культурных и языковых референциальных систем развивается гибридная этнолингвистическая идентичность, которая актуализируется на языковом уровне в виде процессов гибридизации. Это приводит к существованию вариативности в аспекте контактной ситуации. С этим вопросом связан вопрос аккультурации.

Всё больше исследователей, среди которых И. Пиллер [Piller, 2016], К. Силберайзен, П. Титцман [Silbereisen, Titzmann, 2016], К. Дишер [Discher, 2015] обращают внимание на тесную взаимосвязь миграционных процессов, влекущих неизбежные изменения титульного языка, и указывают на круг проблем, которые при этом возникают. Они считают, что миграция является неотъемлемой частью процесса межкультурной коммуникации. По словам Е. С. Ашнина, «увеличение миграционных потоков обострили уже существующие и создали новые проблемы ..., наиболее важными из которых являются обеспечение продуктивного межкультурного взаимодействия и построение мультикультурного общества» [Ашнин, 2012, с. 136]. П. Керсвилл отмечает, что миграция является основной причиной изменения титульного языка того или иного этноса, вызванного многочисленными межкультурными контактами. Принимающее общество неизбежно вбирает те или иные черты повседневного быта, традиционные модели организации жизни, элементы художественной культуры и литературы, фольклора, духовные ценности, особенности этикета, языковые обороты, лексические и грамматические средства. Миграция формирует этнолингвистическое меньшинство, которое вносит новое и трансформирует титульный язык [Kerswill, 2006, p. 8]. Но при этом теория межкультурной коммуникации как наука не ставит перед собой задачу объяснить и решить проблемы, которые возникают в языке при больших миграционных потоках.

В области изучения динамических процессов в языке в миграционной лингвистике можно было бы сконцентрировать внимание на следующих аспектах, которые, в свою очередь, частично затрагиваются в других направлениях лингвистической науки:

– политическая лингвистика: образ мигранта, образ принимающей страны, образ лидера страны;

– лингвоэкология: нормативно-правовые акты в области языковой политики, борьба за чистоту языка титульной нации;

– теория коммуникации: типология коммуникационных пространств, обусловленных миграционной мобильностью;

– когнитивная лингвистика: концепты «иммигрант», «эмигрант», «переселенец», «беженец», «лимитчик», «мигрант», «миграция»; переключение языковых кодов;

– переводоведение: переключение языковых кодов;

– межкультурная коммуникация: туристическая миграция, образ принимающей стороны, образ мигранта, образ лидера страны, межэтнические конфликты, мобильность этносов, кросс-культурные контакты, языковая картина мира мигранта;

– паремиология: паремийные трансформанты, политическая и экономическая паремиология;

– социо- и психолингвистика: языковая политика, языковые контакты, языковая ситуация, языковые анклавов, языковая экспансия, мобильное многоязычие, речевая конфликтность; развитие теории адстрата, суперстрата, субстрата;

– лексическая семантика: заимствования, неологизация, метафоризация;

– моделирование миграционных процессов в лингвистическом аспекте: количество этносов, количество говорящих на языке титульной нации и языке мигрантов, современный лингвистический ландшафт, языковые анклавов;

– метафорология: образ мигранта, образ принимающей страны, образ лидера страны, реалии принимающей стороны (лексико-семантические трансформации);

– дискурсология: моделирование миграционного дискурса.

Миграция, беженцы, иммигранты входят в общий социокультурный и языковой контекст жизни общества. Это обуславливает необходимость теоретического обоснования семантических процессов, появившихся в результате возросших масштабов миграции населения и связанных с ней политических последствий, дополнительных способов языковой номинации и формирования некоторых акцентов на определенных фрагментах новой языковой реальности. Миграционный дискурс рассматривается как вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные практики, социальные агенты, участники, вовлеченные в социальные события.

Социальная структура как совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих внутреннее строение общества, обуславливает представление об обществе как социальной системе. Для миграционного дискурса реле-

вантными становятся такие элементы социальной структуры как подсистемы социальной общности (общинные и общественные), социальных институтов (институт семьи и брака, государство, производство, институт народного образования, институт религии), социальные группы (большие и малые, контактные и дистантные), социальные организации (формальные и неформальные; трудовые, производственные и общественные).

В миграционном дискурсе выделяются социальные участники (агенты), среди которых можно определить агентов первичной социализации – ближайшее окружение – семья, родители, друзья, родственники, учителя. К участникам вторичной социализации можно отнести людей, связанных формально-деловыми отношениями (руководители учреждений, официальные представители государства и его органов, иммиграционная служба, управление по вопросам миграции и др.).

Базовой стратегией в миграционном дискурсе является стратегия портретирования мигранта. Так, например, ключевой социальный участник миграционного дискурса – это мигрант. В 1950–1960-е гг. в СССР социальный статус мигранта определяется как «лимитчик», «рабочий». В аспекте актуализации профессионального статуса и профессиональных качеств мигрант представлен следующим образом: *токарь, фрезеровщик, шлифовщик, квалифицированные сборщики на конвейерах, станочники, сварщики, слесари-сборщики на машиностроительных заводах, квалифицированные рабочие для литейных и металлургических цехов, квалифицированные рабочие на стройках и домостроительных комбинатах, девушки-сборщицы на сборочных линиях часовых заводов* [Советская Россия].

В настоящее время профессиональный статус, профессиональные качества мигранта существенно модифицировались. Приведём следующие примеры: *малоквалифицированная рабочая сила, безграмотная рабочая сила, способные работать только в сфере ЖКХ (мести улицы, убирать мусор, копать канавы), чернорабочие на стройке, «каменщики», «строители», чернорабочие, безграмотная рабочая сила, неквалифицированная рабочая сила, резервная армия труда, трудящийся-мигрант, трудовой мигрант, челночный мигрант* [Советская Россия].

В современном представлении образ мигранта включает различные характеристики исторического, социального, идеологического, политического, экономического плана: *идеальная рабочая сила олигархического капитала, русофобски настроенные люди, потомки Тамерлана и Чингисхана, представители маргинальных слоёв населения, гастарбайтеры, тусующиеся в России, создающие головную боль, бесправные* [Советская Россия].

Целью лимитчиков в 1950–1960-е гг. определялось: остаться навсегда в принимающей стране, создать семью, воспитывать детей. Современные мигранты ставят перед собой другие цели: заработать и перевести заработанное семье, то есть наблюдается импортирование капитала, направленное не на развитие экономики нашей страны, а на развитие экономик других стран.

Национальная принадлежность фиксируется в миграционном дискурсе в двух направлениях: *лимитчики*: «товарищи» с Кавказа или из Средней Азии, выходцы из регионов Азии, лимитчики с окраин СССР, лимитчики с Кавказа и Средней Азии; коренные московские армяне, грузины, узбеки, казахи; *мигранты*: таджики, китайцы, рабочие с Украины, узбеки, грузины, азербайджанцы, киргизы, выходцы из закавказских и среднеазиатских республик, уроженцы Средней Азии, среднеазиатские студенты [Советская Россия].

В аспекте метафорического представления образа мигранта выделяются следующие типы метафор: зооморфная: *стаи мигрантов*; психологическая: *походка хозяина, походка властелина*; милитаристская: *мигранты-оккупанты*; социальная: *бродяги, «товарищи», «студент», иноплеменные гости, иностранцы из ближнего зарубежья, вынужденные переселенцы, переселенцы*; транспортная: *водители-мигранты*; физическая: *волна мигрантов*; архитектурная: *лагерь мигрантов*; морская: *наплыв мигрантов, страна наводняется бросовой рабочей силой*; охотничья: *лёгкая добыча проходимцев*; криминальная: *этнические криминальные группировки*; маркетинговая: «*Без мигрантов*», «*Без использования труда мигрантов*» (заимствование старого советского знака качества); природно-ландшафтная: *приток трудовых мигрантов*.

3. Заключение

Проведённое исследование показало, что миграция рассматривается как фактор, ведущий к изменению состояния языка. В первую очередь речь идёт о мигрантах, язык которых оказывает влияние на изменение языка титульной нации. В прототипическом случае речь идёт об утрате миграционными меньшинствами своего языка. Как правило, это происходит через поколение. Речь может идти об определённых фазах и скорости процессов языковых изменений в рамках отдельных групп мигрантов или отдельными индивидуумами внутри одной группы. При этом возникает вопрос о причинах широты вариативности. Несмотря на многочисленные работы в этой области, остаётся открытым вопрос выявления связей «языковых обменов». Одной из причин является отсутствие связи научно обоснованных подходов, представленных в разных научных областях.

Дискуссии о роли и месте миграционных процессов в социально-экономической и политической жизни общества, их специфика, их влияние на формирование идентичности, на языковую ситуацию, на национальную безопасность ведутся на протяжении двух десятилетий как в мире, так и в нашей стране. Проблемы, возникающие в области регулирования миграционных потоков, неоднократно становились предметом обсуждения политиков, социологов, историков. Повышенное внимание к миграционным процессам со стороны лингвистов обусловлено не только необходимостью исследования влияния языка мигрантов на язык титульной нации, языка принимающей стороны, но и моделирования миграционного дискурса с целью определения аспектов, позволяющих снижать конфликтность.

С миграционными процессами связаны определённые риски, которые необходимо минимизировать в пользу тех выгод и того положительного эффекта, которые неизбежно влечёт миграция. В этом отношении миграционный дискурс взаимодействует с экономическим, демографическим, этническим, культурным, образовательным, религиозным, политическим дискурсами (см., напр., [Воронина, 2013 ; Гончарова, 2017 ; Зевелёва, 2014 ; Шавхелишвили, 2012] и др.). Определить позиции пересечения и идентифицировать положительные и отрицательные факторы, связанные с миграционными процессами – задача, которая может быть решена только при условии взаимодействия специалистов разных областей.

Список литературы

1. Ашнин, Е. С. Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии [Текст] / Е. С. Ашнин // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 9 «Исследование молодых учёных». – 2012. – № 10. – С. 136–138.
2. Воронина, Н. А. Дискурс национальной безопасности в миграционной политике России [Текст] / Н. А. Воронина // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 1. – С. 82–114.
3. Гончарова, Н. П. «Миграционный» лексикон средств массовой информации и общественное отношение к мигрантам [Текст] / Н. П. Гончарова // Социальная политика и социология. – 2017. – Т. 16. – С. 88–95.
4. Зевелёва, О. И. Миграционная политика и коллективная идентичность: опыт российских немцев в Германии [Текст] / О. И. Зевелёва // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 6. – С. 114–126.
5. Ирисханова, О. К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания [Текст] / О. К. Ирисханова // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. – 2010. – Вып. 24 (603). – С. 30–44.
6. Сергеев, Е. Ю. Средства массовой коммуникации в условиях глобализации [Текст] / Е. Ю. Сергеев // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2009. – № 1. – С. 117–12.
7. Шахвелишвили, Б. А. Язык. Этнос. Мышление. Лингвистические изыскания [Текст] / Б. А. Шахвелишвили. – Пермь : Прикамский соц. ин-т, 2012. – 196 с.
8. Discher, C. Sprachkontakt, Migration und Variation: Die frankophone Integration von Rumänien in Paris nach 1989 [Text] / C. Discher. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2015. – 272 S.
9. Gugenberger, E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien [Electronic Resource] / E. Gugenberger. – Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien, 2018. – URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (Retrieved 03.05.2018).
10. Kerswill, P. Migration and language [Text] / P. Kerswill // Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society / K. Mattheier, U. Ammon & P. Trudgill (eds.). – 2nd ed. – Vol 3. – Berlin : De Gruyter, 2006. – P. 2271–2285.

11. Krefeld, Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Gunter Narr Verlag [Electronic Resource] / Th. Krefeld. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2004. – URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (Retrieved 03.05.2018).
12. Piller, I. Language and Migration [Text] / I. Piller. – London : Routledge, 2016. – 1600 p.
13. Stehl, Th. (Hrsg.) Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik [Electronic Resource] / Th. Stehl. – Universitätsverlag Potsdam, 2011. – URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (Retrieved 03.05.2018).
14. Silbereisen, K. The Challenges of Diaspora Migration: Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany [Text] / K. Silbereisen, P. F. Titzmann. – London : Routledge, 2016. – 354 p.

Словари

1. Словарь социолингвистических терминов [Текст] / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, Российская академия лингвистических наук, 2006. – 312 с.

Источники иллюстративного материала

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.05.2018).
2. «Советская Россия» [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.sovross.ru/newspaper> (дата обращения: 14.05.2018).
3. «Российская газета» [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.sovross.ru/newspaper> (дата обращения: 14.05.2018).

References

1. Ashnin, E. S. (2012). Sociolinguistische Aspekte der Interkulturellen Kommunikation in Deutschland [Social and linguistic aspects of intercultural communication in Germany]. *Vestnik Volgograd. gos. un-ta. Ser. 9 «Issledovanie molodyh uchyonyh»* [Science Journal of Volgograd State University. Series 9. Young Researchers' work], 10, 136–138.
2. Voronina, N. A. (2013). Diskurs national'noy bezopasnosti v migratsionnoy politike Rossii [National Security Discourse in Migration Policy of Russia]. *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 1, 82–114.
3. Goncharova, N. P. (2017). «Migratsionnyy» leksikon sredstv massovoy informatsii obshchestvennoe otnoshenie k migrantam [«Migration» Lexicon of the Mass Media and the Public Attitude Towards Migrants]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Social Studies], 16, 88–95.
4. Zevlyova, O. I. (2014). Migratsionnaya politika i kollektivnaya identichnost': opyt rossiyskikh nemtsev v Germanii [Migration policy and collective identity: The case of the Russian-Germans in Germany]. *Polis. Politicheskie issledovania* [Polis. Political Studies], 6, 114–126.

5. Iriskhanova, O. K. (2010). O yazykovoy gibridizatsii, leksicheskikh gibridakh i fokuse vnimania [About hybridization in language, lexical hybrids and the focus of the utterance]. *Vestnik Mosk. gos. lingv. un-ta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 24 (603), 30–44.
6. Sergeev, E. Yu. (2009). Sredstva massovoy kommunikacii v usloviyax globalizacii [Mass communication tools in conditions of globalization]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Environment. Development («TERRA HUMANA»)], 1, 117–126.
7. Shakhvelishvili, B. A. (2012). *Yazyk. Etnos. Myshlenie. Lingvisticheskie izyskaniya* [Language. Ethnos. Thought. Linguistic studies], Perm : Prikamskiy Institute for Social Studies.
8. Discher, C. (2015). *Sprachkontakt, Migration und Variation: Die frankophone Integration von Rumänien in Paris nach 1989*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
9. Gugenberger, E. (2018). Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien. *Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft*. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien, 2018. Retrieved May 3, 2018 from <<https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik>>.
10. Kerswill, P. (2006). Migration and language. In K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill (eds.), *Scirolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society*. 2nd edn. (Vol 3, pp. 2271–2285). Berlin : De Gruyter.
11. Krefeld, Th. (2004). Einführung in die Migrationslinguistik. *Von der Germania italiana in die Romania multipla*. Gunter Narr Verlag. Tübingen : Gunter Narr Verlag. Retrieved May 3, 2018 from <<https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik>>.
12. Piller, I. (2016). *Language and Migration*. London : Routledge.
13. Stehl, Th. (Hrsg.) (2011). *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. Universitätsverlag Potsdam. Retrieved May 3, 2018 from <<https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik>>.
14. Silbereisen, K., Titzmann, P. F. (2016). *The Challenges of Diaspora Migration: Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany*. London : Routledge.

Dictionaries

1. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [The dictionary of sociolinguistic terms] (2006). Ed. by V. Yu. Mikhal'chenko. Moscow : Institute for Language Studies RAS, Russian Academy of Linguistic Sciences.

Resources

1. NKRYa – Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Retrieved May 14, 2018 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
2. Sovetskaya Rossiya [Soviet Russia]. Retrieved May 14, 2018 from <<http://www.sovross.ru/newspaper>>.
3. Rossiyskaya gazeta [Rossiyskaya Newspaper]. Retrieved May 14, 2018 from <<http://www.sovross.ru/newspaper>>

Наши авторы

Андреева Тамара Егоровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Российская Федерация, email: taan2001@mail.ru

Афанасьева Оксана Николаевна, старший преподаватель Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация, email: afanasevaoksana2018@gmail.com

Городный Виктор Александрович, магистрант биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: wimndgor@mail.ru

Залавина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация, email: tania_mgn@rambler.ru

Лельхова Федосья Макаровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, email: lelhovafm@yandex.ru

Лоскутникова Маргарита Александровна, аспирант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Российская Федерация, email: lo.rita91@mail.ru

Ляксо Елена Евгеньевна, доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии, руководитель группы по изучению детской речи Биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: lyakso@gmail.com

Морозов Никита Виктрович, студент филологического факультета Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: sof8675@mail.ru

Розенкова Христина Евгеньевна, магистрант факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация

Стручков Кирилл Намсараевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск, Российская Федерация, email: kstruchkov@mail.ru

Чертыкова Мария Дмитриевна, доктор филологический наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: chertikova@yandex.ru

Шустова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: info@psu.ru

Our authors

Tamara E. Andreeva, PhD in Philology, senior researcher, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russian Federation, email: taan2001@mail.ru

Oksana N. Afanasyeva, senior lecturer, Department of Foreign Languages for Engineering, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation, email: afanasevaoksana2018@gmail.com

Viktor A. Gorodnyi, Master student, Faculty of Biology, St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation, email: wimndgor@mail.ru

Tatyana Yu. Zalavina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Engineering, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation, email: tania_mgn@rambler.ru

Fedosja M. Lelkhova, PhD in Philology, senior researcher, Ob-Ugrian Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, email: lelhovafm@yandex.ru

Margarita A. Loskutnikova, PhD student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, email: lo.rita91@mail.ru

Elena E. Lyakso, Doctor of Biology, Professor, Department of Higher Nervous Activity and Psychophysiology, the Head of the Child Speech Research Group, Faculty of Biology, St Petersburg University, St-Petersburg, Russian Federation, email: lyakso@gmail.com

Nikita V. Morozov, student, Faculty of Philology, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: sof8675@mail.ru

Christina E. Rozenkova, Master student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literature, Perm State University, Perm, Russian Federation

Kirill N. Struchkov, PhD in Philology, researcher, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russian Federation, email: kstruchkov@mail.ru

Maria D. Chertykova, Doctor of Philology, senior researcher, Institute for Humanitarian Researches and Altay-Sayan Turkic Studies, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation, email: chertikova@yandex.ru

Svetlana V. Shustova, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: info@psu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Андреева Т. Е.</i>	К вопросу о глаголах с оценочным компонентом значения в эвенкийском языке	5
<i>Афанасьева О. Н.</i>	Инференция в лингвистических и экстралингвистических исследованиях	11
<i>Городный В. А., Ляко Е. Е.</i>	Характеристика речи детей 6–7 лет с расстройствами аутистического спектра и синдромом Дауна	22
<i>Залавина Т. Ю.</i>	Фразеологическая синонимия как способ отражения реальной действительности в национальных языках	38
<i>Лельхова Ф. М.</i>	Вопросы номинации болезней в хантыйском языке (на материале сынского диалекта)	47
<i>Лоскутникова М. А.</i>	Семантика противопоставления как отражение биполярного восприятия мира в политическом дискурсе Китая на английском языке	56
<i>Морозов Н. В.</i>	История появления арабизмов в русском языке	69
<i>Розенкова Х. Е., Шустова С. В.</i>	Анималистический код: сопоставительный и лингводидактический аспекты	79
<i>Стручков К. Н.</i>	Коммуникативная культура эвенков села Иенгра в современных условиях	91
<i>Чертыкова М. Д.</i>	Семантическая эволюция базовых ментальных лексем (на примере межязыковых эквивалентов в сибирских тюркских, киргизском и монгольском языках)	99
<i>Шустова С. В.</i>	Миграционная лингвистика и миграционный дискурс	114
<i>Информация об авторах</i>		126

CONTENTS

Original Papers

<i>Andreeva T. E.</i>	Concerning the verbs with evaluation semantics in the Evenki language	5
<i>Afanasyeva O. N.</i>	Inference in linguistic and extralinguistic studies	11
<i>Gorodnyi V. A., Lyakso E. E.</i>	Characteristic of speech of children aged 6–7 years with autism spectrum disorders and Down syndrome	22
<i>Zalavina T. Yu.</i>	Phraseological synonymy as a method of reflecting reality in national languages	38
<i>Lelkhova F. M.</i>	Issues of nominating diseases in the Khanty language (Based on the Synskij dialect)	47
<i>Loskutnikova M. A.</i>	The semantics of contrast as a reflection of bipolar view of life in political discourse of China in the English language	56
<i>Morozov N. V.</i>	The history of borrowings from Arabic into Russian	69
<i>Rozenkova Ch. E., Shustova S. V.</i>	Animalistic code: Contrastive and linguodidactic aspects	79
<i>Struchkov K. N.</i>	Modern communicative culture of the Evenks from Iengra village	91
<i>Chertykova M. D.</i>	Semantic evolution of basic mental lexical units (Based on interlingual correspondences in Siberian Turkic, Kirghiz and Mongolian languages)	99
<i>Shustova S. V.</i>	Migration linguistics and migration discourse	114
<i>Our authors</i>		126

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 4, No 2, 2018.
Издательство АмГУ.

Подписано к печати 25.06.18. Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,3. Тираж 500. Заказ 77.
Отпечатано в типографии АмГУ.